ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
АРТИЛЛЕРИИ, ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК И ВОЙСК СВЯЗИ

СОХРАННОСТЬ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: НАУКА И ПРАКТИКА

выпуск семнадцатый

Департамент культуры Минобороны России
Военно-исторический музей
артиллерии, инженерных войск и войск связи

Сохранность культурного наследия: наука и практика

Материалы секции «Актуальные вопросы современного музейного дела» Двенадцатой Международной научно-практической конференции «Война и оружие. Новые исследования и материалы»

14–16 мая 2025 года

Выпуск семнадцатый

Санкт-Петербург
ВИМАИВиВС
2025

УДК 351.852.1 + 355.48
ББК 79.1 + 68 + 63
В 65

Печатается по решению Ученого совета ВИМАИВиВС
Научный редактор — *С. В. Успенская*

Организационный комитет конференции
«Война и оружие. Новые исследования и материалы»:
В. М. Крылов, директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, доктор исторических наук, академик РАРАН, заслуженный работник культуры Российской Федерации,
С. В. Ефимов, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи по научно-просветительской и выставочной работе, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры Российской Федерации,
С. В. Успенская, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат культурологии, заслуженный работник культуры Российской Федерации,
В. И. Кобякова, старший научный сотрудник научного отдела сохранности памятников культуры и истории Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат технических наук,
Е. Г. Игнатьева, начальник научного отдела редактирования и допечатной подготовки Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи

**Сохранность культурного наследия:
наука и практика**

Выпуск 17

Серия основана в 1996 году

Информационная поддержка

Иллюстративный материал предоставлен авторами статей

На обложке: рисунок художника Е. Ю. Емельянова

ISBN 978-5-7937-2768-6

© ВИМАИВиВС, 2025
© Коллектив авторов, 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ

В семнадцатом выпуске сборника «Сохранность культурного наследия: наука и практика» опубликованы материалы докладов, представленных на секции «Актуальные вопросы современного музейного дела XII Международной научно-практической конференции “Война и оружие. Новые исследования и материалы”», которая состоялась в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) 14–16 мая 2025 г.

Тематика представленных статей разнообразна. Важно, что в год 80-летия освещаются вопросы пополнения и сохранения реликвий Великой Победы в музеях, об их представлении в различных экспозициях.

В 2025 г. 90 лет с образования штатных реставрационных мастерских музея. Одно из заседаний секции рассматривает проблемы исследования и реставрации памятников культуры и истории из фондов нашего музея и других организаций. Два доклада посвящены становлению и развитию деятельности по сохранению фондов музея, в процессе которой модельно-макетная реставрационная мастерская выросла в научный отдел сохранности памятников культуры и истории. Направления работы отдела — не только реставрация и консервация, но и контроль условий хранения на экспозиции и в хранилищах, научные исследования новых методов реставрации.

Коллеги из Санкт-Петербургского электротехнического университета «ЛЭТИ» представили новые возможности применения лазерных технологий в реставрации. Специалисты из Государственного Эрмитажа и Международного Центра реставрации «Рождествено» поделились опытом спасения фондов, пострадавших в аварийных ситуациях.

Большой интерес представляет совместный с музеем доклад «ЦНИИ 18» о пилотном проекте по созданию новой технологии защитно-идентификационной маркировки музейных предметов, обеспечивающей надежную защиту предметов при вывозе на выставки за пределы музея. Для внедрения этой технологии требуется совместная работа

специалистов-разработчиков и музейщиков. Сотрудники ВИМАИВиВС уже несколько лет проводят апробацию предлагаемых методик, вносят свои замечания и предложения по их усовершенствованию. Также будет проведена демонстрация способа маркировки различными составами, приборов для обнаружения маркеров, нанесенных на различные музейные предметы: оружие, форма одежды, живопись, документы.

Статьи представляют интерес для специалистов и широкого круга читателей.

С. В. УСПЕНСКАЯ,
заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи по учету и хранению, кандидат культурологии, заслуженный работник культуры Российской Федерации

I. ВЫСТАВКИ, ЭКСПОЗИЦИИ, КОЛЛЕКЦИИ

Н. И. Белогубцева (Санкт-Петербург)

ЕЩЕ РАЗ О ГРУППЕ РАМЗАЯ. ФОТОГРАФИИ ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА АННЫ И МАКСА КРИСТИАНСЕН-КЛАУЗЕНОВ В ФОНДЕ ФОТОДОКУМЕНТОВ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ АРТИЛЛЕРИИ, ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК И ВОЙСК СВЯЗИ

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ СОВЕТСКИЙ военный разведчик Рихард Зорге (агентурный псевдоним Рамзай) создал в Японии в 1933 г. интернациональную антифашистскую разведывательную группу. «Р. Зорге, немец по отцу и русский по матери (родился 4 октября 1895 г. близ Баку, но по достижении 3 лет вместе с родителями переехал в Германию), особый тип разведчика-интеллектуала, аналитика, ученого, знатока экономики (доктор наук по этой специальности), социолога, историка, умевшего свободно изъясняться не только на немецком и русском, но и на английском, французском, шведском, китайском и японском языках»[1].

Ядро группы составили: Зорге, который приехал из Германии в качестве корреспондента газеты «Франкфуртер цейтунг» и журнала «Цейтшрифт фюр геополитик»; предприниматель Макс Клаузен и его жена Анна; Бранко Вукелич — фоторепортер парижского иллюстрированного журнала «Вю» и белградской ежедневной газеты «Политика»; художник Мияги, исследователь Китая, советник премьер-министра Фумимаро Коноэ журналист Хоцуми Одзаки. Члены группы имели обширный круг знакомств в Токийской ассоциации иностранных корреспондентов, общественных и политических кругах Японии и снабжали руководителя группы политической, военной и экономической информацией. Сам Рихард Зорге стал лучшим другом посла Германии в Японии Эйгена Отто, который абсолютно доверял ему

и посвящал во все дела посольства. Это позволило советскому разведчику составлять в разведуправление Генерального штаба РККА донесения на основании данных, проверенных и перепроверенных на самом высоком уровне.

Советское правительство уделяло большое внимание безопасности Дальнего Востока. «Наиболее успешной в добывании актуальной информации о военных приготовлениях и акциях Японии, как и о планах гитлеровской Германии, являлась действовавшая на протяжении почти восьми лет на японской территории группа резидента советской военной разведки Рихарда Зорге»[2].

Сведения, добытые группой Рихарда Зорге, были использованы для своевременной подготовки и отражения агрессии со стороны Японии у оз. Хасан (1938), и на р. Халкин-Гол (1939).

14 сентября 1941 г. от Р. Зорге ушла последняя телеграмма, в которой он сообщал, что японское правительство не вступит в войну против СССР. Эта телеграмма и донесения разведчиков, работавших в других странах, «позволили руководству Разведуправления ГШ сделать обоснованный вывод о том, что Япония во второй половине 1941 г. не намерена вступать в войну против Советского Союза, о чем было доложено в Генеральный штаб»[3].

Ставкой ВГК было принято решение о переброске войск из Сибири и Дальнего Востока на Западный фронт. Под Москву перебросили 17 стрелковых и танковых дивизий, хорошо подготовленных и вооруженных. Наступление немцев под Москвой было остановлено, а 5 декабря Красная армия перешла в контрнаступление. Германия потерпела первое стратегическое поражение в ходе Второй мировой войны.

18 октября 1941 г. были арестованы Рихард Зорге, Макс Клаузен, Бранко Вукелич. 17 ноября арестовали Анну Клаузен. Аресты проводились и позже. Группа Рамзая перестала существовать. Арестованных поместили в тюрьму Сугамо. Заседания Токийского районного суда проходили в августе–сентябре 1943 г. Мияги умер 2 августа 1943 г. во время суда. Рихард Зорге и Хоцуми Одзаки были приговорены к смертной казни и казнены 7 ноября 1944 г. Анна Клаузен приговорена к трем годам тюремного заключения. Макс Клаузен и Бранко Вукелич осуждены на пожизненное заключение. Бранко умер через 2 месяца после казни Зорге и Одзаки от крупозного воспаления легких.

После капитуляции Японии Анну и Макса Клаузенов освободили. Они вернулись в Москву, а в 1946 г. переехали на родину Макса в Германскую Демократическую Республику.

5 ноября 1964 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР Рихарду Зорге посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Советское правительство высоко оценило подвиг соратников Зорге. 19 января 1965 г. Макс Клаузен награжден орденом Красного Знамени, Анна Клаузен — орденом Красной Звезды.

В архиве музея хранится письмо на немецком языке, которое датируется 24 февраля 1967 г. Оно было получено из Берлина от Макса Кристиансена-Клаузена (до 1946 г. Клаузена) на имя Федора Емельяновича Пашко[4]:

«Уважаемый товарищ подполковник Пашко!

Я и моя жена Анна очень обрадовались, когда получили от Вас письмо из города-героя Ленинграда.

Мы очень признательны ленинградцам за те героические подвиги, которые они совершили в борьбе против фашистских захватчиков.

В своем письме Вы выразили желание получить от нас кое-какие фотографии.

Эту просьбу мы выполняем очень охотно и высылаем Вам для музея несколько фотографий.

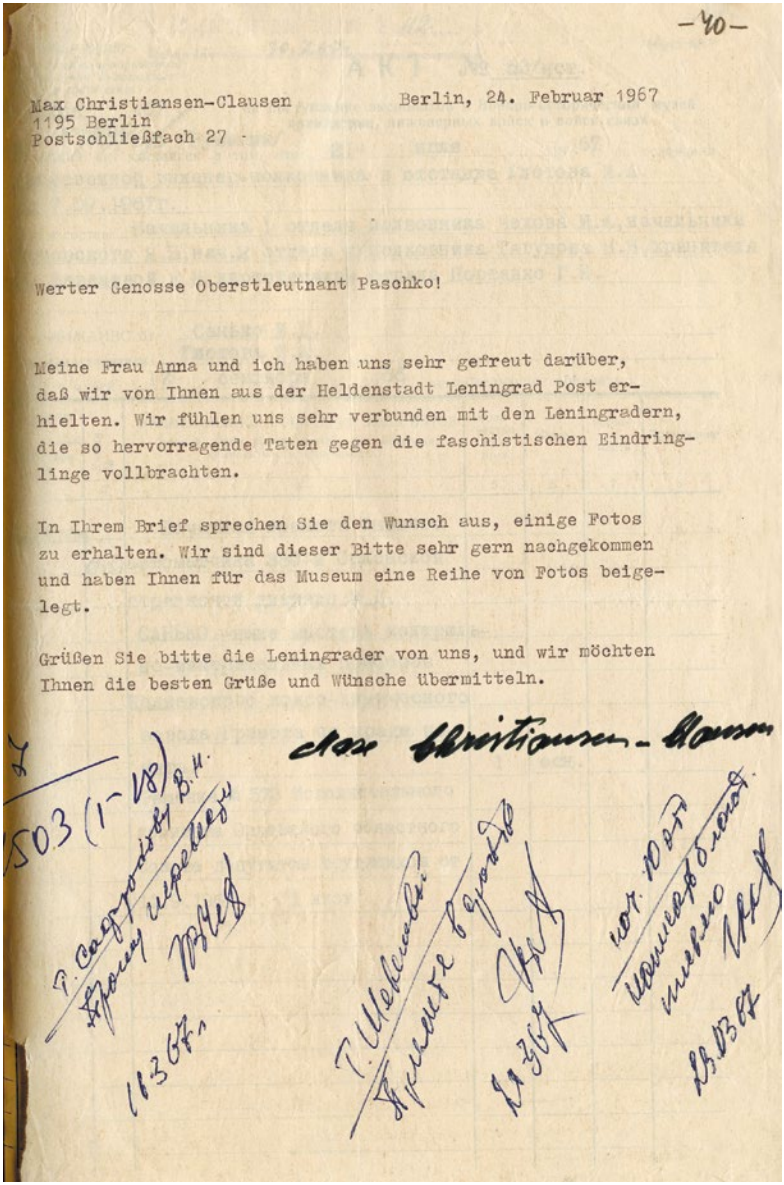
Поздравьте, пожалуйста, от нас всех ленинградцев.

Позвольте передать Вам наши поздравления и наилучшие пожелания»[5] (ил. 1).

Вместе с письмом в музей поступили 20 фотографий.

Макс Клаузен (1899–1979) родился на о. Нордштранд в Германии. Участник Первой мировой войны, служил в германском корпусе связи на Западном фронте. Имел несколько рабочих профессий, в том числе кузнеца и техника-механика высокого класса, служил радистом на германских торговых судах. В 1928 г. приехал в СССР, а в 1929-м был направлен на нелегальную работу в Китай, где познакомился с Р. Зорге. В 1932 г. Макс Клаузен и Анна были отозваны в СССР, демобилизованы и стали заниматься мирным трудом.

Летом 1935 г. Р. Зорге в последний раз приехал в Москву и обратился к начальнику разведуправления С. П. Урицкому с просьбой прислать в Японию радиста Макса Клаузена, чтобы не было перебоев с работой. «Его часто и вполне справедливо называли радиочародеем, радиокудесником»[6].



-40-

Max Christiansen-Clausen
1195 Berlin
Postschließfach 27

Berlin, 24. Februar 1967

Werter Genosse Oberstleutnant Pasohko!

Meine Frau Anna und ich haben uns sehr gefreut darüber, daß wir von Ihnen aus der Heldenstadt Leningrad Post erhielten. Wir fühlen uns sehr verbunden mit den Leningradern, die so hervorragende Taten gegen die faschistischen Eindringlinge vollbrachten.

In Ihrem Brief sprechen Sie den Wunsch aus, einige Fotos zu erhalten. Wir sind dieser Bitte sehr gern nachgekommen und haben Ihnen für das Museum eine Reihe von Fotos beigelegt.

Grüßen Sie bitte die Leningrader von uns, und wir möchten Ihnen die besten Grüße und Wünsche übermitteln.

Max Christiansen-Clausen

Ил. 1. Письмо Макса Клаузена в ВИМАИВиВС

Сложными путями Макс добрался до Японии в качестве предпринимателя и стал компаньоном англичанина Форстера. Через некоторое время он забрал свой капитал у Форстера, чтобы купить светокопировальную мастерскую. Параллельно шла напряженная работа по покупке оборудования для создания радиостанций в разных концах города, чтобы не вызвать подозрений у спецслужб Японии. Такие станции были созданы, они позволяли постоянно поддерживать связь с Центром. Еще одна радиостанция, собранная Максом, помещалась в багажнике автомобиля, другая, совсем компактная, — в небольшом чемоданчике.

К 1940 г., с началом Второй мировой войны, резко вырос поток информации, который передавался радистом Максом Клаузеном в Москву. Японский дивизион спецназначения работал сутками, чтобы вычислить радиста. Клаузену приходилось постоянно менять место связи. «Только с середины 1939 года по день ареста Клаузен передал в Центр свыше 2000 радиограмм. Большего достижения агентурная радиосвязь в своей истории не знает. Рядом с великим разведчиком работал великий радист»[7]. Верным другом, соратницей и женой была для Макса Анна Жданкова (1899–1978), эмигрантка из России. «Следует отдать должное отваге этой удивительной женщины; она всегда беспрекословно выполняла все указания Зорге, совершала свой подвиг незаметно, с хладнокровием, которому позавидовал бы мужчина. Она не любила громких слов о долге, о самоотверженности. Она помогала мужу, Рихарду и втайне гордилась, что ей доверяют ответственное дело»[8]. Анна и Макс обеспечивали Зорге все виды связи.

Часть фотографий из архива публиковалась ранее и хорошо известна. Из этой категории фотоснимков хочется обратить внимание на портрет Р. Зорге[9] (ил. 2). В интернете можно встретить такую же фотографию с дарственной надписью М. Клаузена одному из своих корреспондентов. По всей вероятности, из всех фотографий Р. Зорге именно эта больше всего соответствует внешности разведчика. Встречаются в интернете фотографии Анны и Макса Клаузенов, внесших в годы Великой Отечественной войны немалый вклад в грядущую победу над фашизмом. Они прошли через тюрьмы, допросы, пытки, выжили и продолжили трудиться уже в мирное время в Германской Демократической Республике.

Многие фотографии снабжены на обороте аннотациями с тщательно выверенным повторяющимся машинописным текстом

Ил. 2. Доктор Рихард Зорге. ВИМАИВиВС

на немецком языке. Это краткая биография легендарного разведчика Зорге. Она напечатана и на обороте фотографии «Рихард Зорге — учащийся старших классов средней школы со своими одноклассниками»[10] (ил. 3, 4), переснятой с западногерманского журнала «Шпигель», и на фотографии «Вид оборотной стороны надгробного камня могилы Рихарда Зорге на кладбище сторонников мира Тама в Токио» (ил. 5). Надпись гласит: “Здесь похоронен герой, который отдал свою жизнь борьбе против войны, за мир во всем мире. Родился 4.10.1895 в Баку. В 1933 году приехал в Японию. 18.10.1941 арестован. Казнен 7.11.1944”»[11].

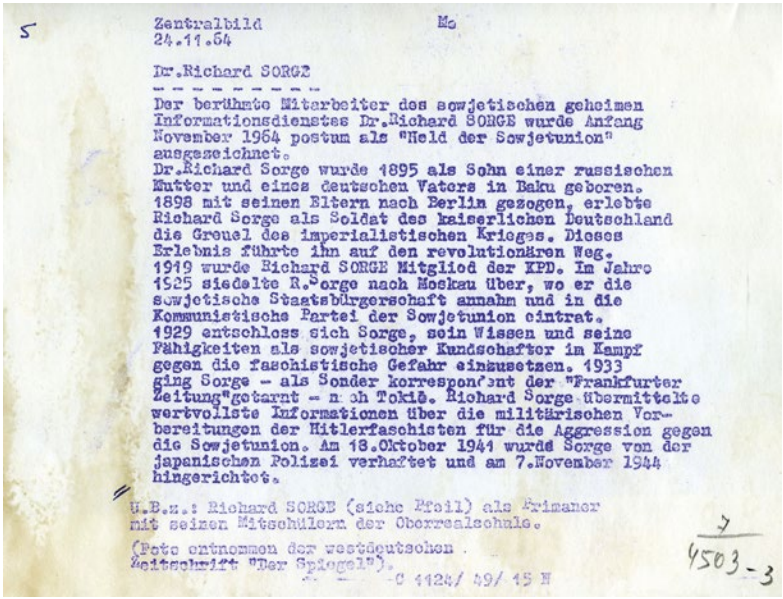
Часть снимков публикуется впервые. Анна и Макс Клаузены (ил. 6) часто бывали в Советском Союзе по приглашению отдельных воинских частей. Например, фотографии «Торжественная встреча Макса Кристиансена-Клаузена с моряками Краснознаменного Балтийского флота. 7-го апреля 1965 года»[12] и «Макс и Анна Клаузен с советским генералом армии Якубовским[13]».

После войны чета Кристиансен-Клаузен поддерживала связь с сыном Вукелича, о чем свидетельствует фотография «Анна и Макс Клаузены с сыном Вукелича — Хироси Ямасаки-Вукеличем на улице в Берлине»[14] (ил. 7). Развернутая аннотация на обороте является свидетельством отношения Клаузенов к сыну своего товарища: «В июле 1965 года нас в Берлине посетил сын югославского коммуниста Бранко Вукелича — преданного нам товарища по борьбе.

Бранко Вукелич умер 13 января 1945 года в одной из японских тюрем, где он содержался в чрезвычайно тяжелых условиях. Советское правительство посмертно наградило его орденом Отечественной войны 1-й степени.

В настоящее время сын Вукелича, Хироши Явасаки-Вукелич, учится в Белграде, а мать живет в Японии. Он является замечательным человеком и, подобно своему отцу, посвятил жизнь борьбе за мир и социализм».

Ил. 3. Рихард Зорге – учащийся старших классов средней школы со своими одноклассниками. ВИМАИВиВС



5

Zentralbild Mo
24.11.64

Dr.Richard SORGE

Der berühmte Mitarbeiter des sowjetischen geheimen Informationsdienstes Dr.Richard SORGE wurde Anfang November 1964 postum als "Held der Sowjetunion" ausgezeichnet.
Dr.Richard Sorge wurde 1895 als Sohn einer russischen Mutter und eines deutschen Vaters in Baku geboren. 1898 mit seinen Eltern nach Berlin gezogen, erlebte Richard Sorge als Soldat des kaiserlichen Deutschland die Greuel des imperialistischen Krieges. Dieses Erlebnis führte ihn auf den revolutionären Weg. 1919 wurde Richard SORGE Mitglied der KPD. Im Jahre 1925 siedelte R.Sorge nach Moskau über, wo er die sowjetische Staatsbürgerschaft annahm und in die Kommunistische Partei der Sowjetunion eintrat. 1929 entschloss sich Sorge, sein Wissen und seine Fähigkeiten als sowjetischer Kundschafter im Kampf gegen die faschistische Gefahr einzusetzen. 1933 ging Sorge – als Sonder korrespondent der "Frankfurter Zeitung"getarnt – nach Tokio. Richard Sorge übermittelte wertvollste Informationen über die militärischen Vorbereitungen der Hitlerfaschisten für die Aggression gegen die Sowjetunion. Am 18.Oktober 1941 wurde Sorge von der japanischen Polizei verhaftet und am 7.November 1944 hingerichtet.

U.B.u.: Richard SORGE (siehe Pfeil) als Primaner mit seinen Mitschülern der Oberrealschule.

(Foto entnommen der westdeutschen Zeitschrift "Der Spiegel").

C 1124/ 49/ 15 M

7
4503-3

Ил. 4. Надпись на обороте фотографии «Рихард Зорге – учащийся старших классов средней школы со своими одноклассниками». ВИМАИВиВС

Ил. 5. Вид оборотной стороны надгробного камня могилы Рихарда Зорге на кладбище сторонников мира Тама в Токио. 1960-е гг. ВИМАИВиВС

Ил. 6. Анна и Макс Кристиансен-Клаузены. 1965–1967 гг. ВИМАИВиВС

Ил. 7. Анна и Макс Клаузены с сыном Вукелича, Хироси Ямасаки-Вукеличем на улице в Берлине. Июль 1965 г. ВИМАИВиВС

Ил. 8. Макс Кристиансен-Клаузен с удочкой. 1965–1967 гг. ВИМАИВиВС

Два снимка[15] запечатлели берлинскую улицу, на которой находится дом Анны и Макса Кристиансен-Клаузенов, и балкон дома, на котором стоит супружеская чета.

Одна из лучших фотографий Макса[16] зафиксировала речной пейзаж, на фоне которого он мирно удит рыбу (ил. 8). Пожилой мужчина с глубокими морщинами и сосредоточенным на удочке взглядом — знаменитый радист-разведчик, который отправил 14 сентября 1941 г. составленную Р. Зорге последнюю телеграмму.

Российский историк Анатолий Кошкин в одном из интервью сказал: «Главная заслуга Зорге не столько в информации о приближающемся нападении Германии на СССР, которая поступала в Москву и из многих других источников, сколько во вскрытии планов Токио в отношении удара по нашей стране летом – осенью 1941 года. Добытые им в высшей степени достоверные сведения о решении императорского совещания 6 сентября воздержаться от реализации осенью – зимой плана войны против СССР позволили перебросить дополнительные дивизии Красной Армии на советско-германский фронт, что внесло значительный вклад в защиту Москвы и переход в контрнаступление»[17].

[1] Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. Т. 6.Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М.: Кучково поле, 2013. С. 112.
[2] Там же. С. 111.
[3] Там же. С. 237.
[4] Ф. Е. Пашко — начальник отдела истории войск связи ВИМАИВиВС (29.03.1965 – 18.01.1975).
[5] АВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. 9/1. Д. 38. Л. 40.
[6] Болтунов М. Е. Десять лет разведки в тылу врага. Радист Макс Клаузен — уши и голос Рихарда Зорге. </https:// <nvo.ng.ru/spforces> (Дата обращения: 19.12.2024 г.).
[7] М. Болтунов. Тень резидента.< http://vrazvedka.com/book/boltunov_ten_rezidenta.htm> (Дата обращения 23.12.2024).
[8] Колесникова М. В., Колесников М. С. Рихард Зорге. М., 1971. С. 179.
[9] ВИМАИВиВС ФФ 7_4503-1.
[10] ВИМАИВиВС ФФ 7_4503-3.
[11] ВИМАИВиВС ФФ 7_4503-4.
[12] ВИМАИВиВС ФФ 7_4503-14.
[13] Якубовский Иван Игнатьевич (1912–1976), главнокомандующий Группой советских войск в Германии до 1965 г.
[14] ВИМАИВиВС ФФ 7_4503-18.
[15] ВИМАИВиВС ФФ 7_4503-19, 16.
[16] ВИМАИВиВС ФФ 7_4503-20.
[17] https://iarex.ru/interviews/135807.html (Дата обращения 02.02.2025).

А. А. Будко, А. Ю. Волькович (Санкт-Петербург)

МУЗЕЙ ПАМЯТИ ЖЕРТВ НАЦИЗМА ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОГО МУЗЕЯ. ОПЫТ НАУЧНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ ЭКСПОЗИЦИИ

МУЗЕЙ ПАМЯТИ ЖЕРТВ НАЦИЗМА был открыт в Военно-медицинском музее 27 февраля 2020 г. при содействии Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга. Основная цель создания музея — препятствовать фальсификации истории и формировать представления о ведущей роли Советского Союза и Красной армии в освобождении Европы от нацизма. Проект направлен на содействие нравственному и патриотическому воспитанию через демонстрацию антигуманности и разрушительности для человеческой цивилизации нацистской идеологии. Экспозиция входит в состав музейно-патриотического комплекса «Медицина Великой победы».

Особенности научного проектирования экспозиции Музея памяти жертв нацизма определяются спецификой коллекции, отражающей преступления нацизма против человечности, в первую очередь, на территории лагерей различных типов опытом создания выставочных и музейно-просветительных проектов данной тематики, а также общими подходами к научному проектированию экспозиций и выставок историко-медицинской тематики, сложившимися в Военно-медицинском музее.

Формирование коллекции подлинных артефактов из нацистских концентрационных лагерей именно в рамках Военно-медицинского музея, при участии военных судебно-медицинских экспертов и военных медиков, на наш взгляд, определили ее специфику: за каждым предметом из музейного собрания стоят конкретные жертвы нацистских преступлений против человечности, известные или безымянные.

Уникальность и эмоциональная окрашенность большинства материалов коллекции музея, связанной с историей нацистских концлагерей, важность этой тематики для нравственного и патриотического воспитания заставляли сотрудников музея с первых дней его существования снова и снова обращаться к ним в экспозиционной, выставочной и образовательной деятельности.

2000–2010-е гг. стали периодом углубленного изучения и переосмысления материалов данной коллекции. Проекты музея, посвященные преступлениям нацизма против человечности и создающиеся в этот период, были направлены на то, чтобы говорить с посетителем «голосом» узника или освободителя, не только рассказать о преступлениях нацизма, но и дать почувствовать, что за каждым предметом из музейного собрания стоит судьба конкретного человека.

Эта идея легла в основу концепции проекта «Между жизнью и смертью», реализованного в музее к 65-летию со дня окончания Нюрнбергского процесса. Предпринятая в рамках проекта попытка обратиться к посетителю «голосом узника» и «голосом освободителя», воссозданным на основе музейного собрания, вызвала неподдельный интерес у публики и была высоко оценена музейным сообществом. При создании данного проекта важным приемом было широкое использование, наряду с фотоматериалами, произведений изобразительного искусства (как созданных непосредственно в 1940-х гг., так и современных) для поддержания эмоционального накала в экспозиции. Проект был удостоен специального диплома жюри фестиваля «Интермузей» и стал номинантом премии «Музейный Олимп» в категории «Выставка года».

Опыт создания выставки «Между и смертью» лег в основу научного проекта Музея памяти жертв нацизма, однако при его проектировании были широко использованы и музейные практики, характерные для 2020-х гг.

Можно выделить несколько основных подходов, доказавших свою эффективность в процессе научного проектирования Музея памяти жертв нацизма:

- создание иммерсивного повествования, построенного на подлинных артефактах:
- построение экспозиции по принципу «вызов–ответ»;
- широкое использование личных историй, «голосов узников» и «голосов освободителей»;

- активное введение в текст экспозиции художественных произведений, как входящих в коллекцию музея, так и произведений современного искусства, созданных специально для Музея памяти жертв нацизма.

Основным принципом создания экспозиции стало иммерсивное повествование, позволяющее прикоснуться к тяжелому, травмирующему историческому опыту.

Приближение к музею начинается с прохода по «Дороге памяти» (инсталляция Анатолия Будкова) сквозь колючую проволоку, под сторожевой вышкой, а затем по узкому коридору, со стен которого на вас смотрят измученные и напуганные мужчины, женщины, дети. Затем посетитель попадает в небольшое помещение, соразмерное газовой камере Майданека.

Эффект иммерсивности поддерживает среда особого эмоционального накала, включающая не только подлинные свидетельства трагедии узников нацистских концлагерей, материальные и документальные, статично размещенные в экспозиционном пространстве и динамически сменяющие друг друга на электронных носителях, но и воплощенные в аллегорической форме элементы символического прочтения трагедии через динамическую композицию на тему Псалма 87 Тамары Петушковой и скульптурную композицию «Помни о тени» Игоря Баскина.

При научном проектировании широко использовался экспозиционный ход, активно используемый Военно-медицинским музеем при создании современных выставочных проектов историко-медицинской тематики: экспозиционный текст построен как противопоставление вызовов и ответов.

Музей памяти жертв нацизма знакомит со страшными вызовами:

- расчеловечиванием;
- условиями жизни узников и тяжестью подневольного труда;
- отсутствием медицинской помощи;
- медицинскими экспериментами над заключенными;
- практикой массового уничтожения людей в концлагерях.

Ответом на каждый из этих вызовов стали личные истории узников, отражающиеся в документах и артефактах.

Особое внимание уделяется ответу на вызов расчеловечивания: способности человека даже в «сердцевине ада» оставаться человеком. Подтверждением этому в экспозиции Музея памяти жертв нацизма звучат голоса врача-подпольщицы

Ольги Никитичны Клименко, нелегально лечившей детей-узников концлагеря Освенцим, военнопленного фельдшера Григория Кирилловича Сыркова, помогавшего больным тифом заключенным, Залмана Градовского — одного из руководителей восстания группы заключенных, работавших в крематориях Освенцима.

В научной концепции выставки выделены также разделы, посвященные закономерному историческому итогу: освобождению узников нацистских концлагерей воинами Красной армии, участию советских военных медиков в сохранении их жизней, деятельности комиссий по расследованию преступлений нацистов и представлению их результатов на Нюрнбергском процессе.

Опыт научного проектирования Музея памяти жертв нацизма и использованные в проекте подходы доказали свою состоятельность. В 2024 г. научная концепция Музея памяти жертв нацизма заняла второе место на конкурсе музейных экспозиций «Геноцид советского народа со стороны нацистов и их пособников в годы Великой Отечественной войны» в номинации «Лучшая концепция и тематико-экспозиционный подход». Конкурс прошел в рамках Международного научно-практического форума «Без срока давности. Ключевая точка исторической памяти», организованного Национальным центром исторической памяти при Президенте Российской Федерации.

Н. В. Ермакова (Москва)

ЭВАКУАЦИЯ И ПОПОЛНЕНИЕ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ)

В ГОД 80-ЛЕТИЯ Великой Победы на многочисленных выставках представлены реликвии, которые благодаря деятельности музейных специалистов пополнили фонды в 1941–1945 гг. и послевоенный период. Существенный вклад в сохранение памяти о подвиге советского народа в годы Великой Отечественной войны внесли сотрудники Государственного Исторического музея (ГИМ).

Главной задачей хранителей и реставраторов ГИМ в начале войны стало спасение не только музейных коллекций, но и самих зданий, особенно их деревянных конструкций. В лаборатории ГИМ для обработки древесины подготовили огнестойкий раствор, который был использован для консервации четырех уникальных деревянных строений в Коломенском, а также для пропитки перекрытий (около 300 000 кв. м) в Новодевичьем и Петровском монастырях. Для маскировки башен ГИМ и куполов храма Василия Блаженного и Новодевичьего монастыря сотрудники лаборатории приготовили специальную краску и вели непосредственное наблюдение за ее нанесением[1]. Покрытые серо-черной краской архитектурные объекты изменили свой облик и стали практически невидимыми сверху, что защищало их при налетах авиации.

Анализ реставрационных протоколов мастерской тканей ГИМ за 1941 г. позволяет констатировать, что работы в ней после 22 июня были приостановлены до 4 августа. Можно предположить, что приостановка плановых работ в мастерской и, вероятно,

в других отделах ГИМ была связана с подготовкой экспонатов к эвакуации или к перемещению в особые хранилища. Это предположение подтверждается документами о передаче экспонатов на особое хранение. Например, уже 23 июня для передачи в Государственное хранилище НКВД были упакованы экспонаты из отдела оружия: палаш Скопина-Шуйского в ножнах, сабля Пожарского в ножнах, кольчуга-байдана XVI в. дьяка Ивана Григорьевича Выродкова и сабля Наполеона[2].

Все экспонаты ГИМ были разделены на три группы: подлежавшие первоочередной эвакуации, эвакуировавшиеся во вторую очередь и не подлежавшие эвакуации; последние нужно было переместить «в глубокие, хорошо защищенные подвалы ГИМ»[3].

В первую группу вошли наиболее ценные музейные предметы. 3 июля заместитель директора ГИМ К. С. Хваленов и старший научный сотрудник музея М. М. Постникова передали представителям II-го спецотдела НКВД ящики и сундуки, обвязанные веревкой, узлы которой были опломбированы[4]. В списке ящиков, передаваемых в Гохран НКВД, значатся: ящик № 3 «группа оружия», ящик № 6 «кабинет рукописей», ящик № 7 «группа тканей», ящики № 2, 10–13, 33–38, 123 «особая кладовая», ящики № 14–31 «II археологический отдел», ящики № 53–59 «кабинет нумизматики»[5]. Среди музейных предметов, передаваемых в Гохран, были не только экспонаты из драгоценных металлов, но и предметы, имеющие высокую историческую ценность. Например, из отдела тканей в Гохран был передан самый древний из сохранившихся памятников древнерусского лицевого шитья «Распятие с предстоящими» XII в., три пелены XV в. («Церковная процессия», «Усекновение главы Иоанна Предтечи», подвесная пелена с изображением «Покрова пресвятой Богородицы»), а также ферязь Иоанна Грозного, спорок шубы царя Алексея Михайловича, одежда царевны Софии Алексеевны, телогрея XVII в., найденная в Китайгородской стене[6].

Во вторую очередь из отдела тканей ГИМ и Новодевичьего монастыря были эвакуированы предметы декоративно-прикладного и народного искусства: знамена[7], гренадерские шапки, кивера, треуголки[8], произведения древнерусского шитья (пелены, плащаницы, покровы, фелони, саккосы, стихари, омофоры, поручи, покровцы)[9].

Ил. 1. Брюсов Александр Яковлевич. URL: https://old.bigenc.ru/archeology/text/1885922 (дата обращения 28.01.2025)

Для транспортировки экспонатов сотрудники столярной мастерской музея подготовили специальные ящики[10], а в лаборатории ГИМ провели их профилактическую дезинфекцию и выполнили дезинсекцию древесины от плесени и шашеля[11].

Упаковка экспонатов в ящики производилась спешно, но тщательно и бережно. Каждый вид предметов требовал особого упаковочного материала и особой техники укладки. Для каждого ящика была составлена точная опись помещаемых в него вещей. В июле 1941 г. из Москвы было вывезено «530 ящиков, а в ноябре — 401 ящик ценных экспонатов»[12].

В конце июля памятники музея, переданные в Гохран, вместе с грузами из других московских музеев и библиотек первоначально были отправлены на барже из Москвы в небольшой городок Хвалынск, находящийся недалеко от Саратова. Ответственность за сохранность эвакуируемых экспонатов ГИМ была возложена на заведующего археологическим отделом Александра Яковлевича Брюсова (ил. 1). Кроме него, в группе сопровождения было еще семь сотрудников музея. В Хвалынске ящики с экспонатами были размещены в школьном здании. В октябре в связи с начавшимися налетами авиации на Саратов нахождение коллекций в белом здании школы, которое могло быть мишенью для бомбежек, стало небезопасным, и ящики Исторического музея были отправлены дальше на восток. В ноябре эшелон с эвакуированными экспонатами ГИМ прибыл в Кустанай[13]. Тщательная упаковка музейных предметов позволила их сохранить при неоднократных перегрузках.

Состояние эвакуированных экспонатов периодически проверялось, осуществлялась обработка помещений, выделенных для хранения, при необходимости выполнялись консервационно-реставрационные работы. Например, за сохранность музейного текстиля ответственность несла научный сотрудник отдела

тканей ГИМ Мария Николаевна Левинсон-Нечаева. Она осуществляла соляцию и проветривание музейного текстиля, на некоторых памятниках шитья ею был укреплен жемчуг[14].

Оставшиеся в Москве хранители и реставраторы Исторического музея продолжали формировать экспозиции и проводить экскурсии. Взамен изъятым ценным подлинникам сотрудники фотокабинета, макетно-муляжной мастерской и художественного отдела срочно изготовили копии музейных предметов[15].

Ил. 2. Гершаник Р. Плакат. «Наше дело правое. Враг будет разбит!». 1941 г. ГИМ. № инв. И III хром 15404. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=44984512 (дата обращения 28.01.2025)

Уже летом 1941 г. сотрудники ГИМ начали сбор материалов, связанных с Великой Отечественной войной. Музей «собрал небольшую, но полную для того времени коллекцию агитационных плакатов, схем, инструкций, воззваний, фотографий» (ил. 2)[16], что способствовало организации постоянных и передвижных выставок, призывавших «советских людей к мобилизации всех сил на борьбу с немецкими оккупантами»[17].

Реставраторы тканей принимали активное участие в подготовке новых экспозиций. Например, в сентябре 1941 г. в мастерскую поступило «красное знамя с шитым изображением земного шара в венке колосьев с лентами», на которых были названия республик[18].

С октября в фонды ГИМ стали поступать материалы «по истории военных действий на подступах к Москве»[19] (ил. 3–5). Музею удалось установить «контакты с войсковыми частями, оборонявшими» город[20].

ПРОЧТИ И СОЖГИ.

За Родину

КРАСНОАРМЕЙСКАЯ ГАЗЕТА

16 октября 1941 года ЧЕТВЕРГ

Фашистские бандиты не выдерживают лобового удара. Бейте гадов не отступая ни шага назад!

Красноармеец Устюшенко не дался фашистским гадам

ХРАБРО И МУЖЕСТВЕННО ВСТРЕЧАЮТ И БЬЮТ НЕМЕЦКИХ СТЕРВЯТНИКОВ НАШИ БОЙЦЫ

Поединок с фашистской танкеткой

Минометами нас не испугать

КЛЯТВА ОТЧИЗНЕ

Крепче отпор врагу

ПО РОДНОЙ СТРАНЕ

ЛУЧШИЕ ПРИНЯТЫ В ПАРТИЮ

Ил. 3. Красноармейская газета «За Родину» от 16 октября 1941 г. (316-й стрелковой дивизии, 8-й гвардейской Панфиловской). ГИМ. № инв. Арх. 5230. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=32567344 (дата обращения 28.01.2025)

Ил. 4. Александр Ильич Лизюков перед строем 1-й Московской стрелковой дивизии в день вручения гвардейского знамени, 22 ноября 1941 г. ГИМ. № инв. Арх. 2981. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=49579723 (дата обращения 28.01.2025)

Ил. 5. Конногвардейцы гвардии генерал-майора Л. М. Доватора в декабрьском рейде по тылам врага. 1941 г. ГИМ. № инв. ИФ XX 1871. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=25969809 (дата обращения 28.01.2025)

После разгрома немецко-фашистских войск под Москвой сотрудники ГИМ участвовали в обследовании историко-культурных памятников в освобожденных районах, сочетая эту работу со сбором материалов для новых экспозиций[21].

При пополнении коллекций сотрудники ГИМ учитывали не только «познавательное значение» собираемых материалов, но и их «эмоциональное воздействие, уделяя особое внимание

военным реликвиям»[22]. Сохранилась докладная записка заведующей отделом тканей Лидии Ивановны Якуниной. Документ датирован 3 февраля 1942 г. В нем предлагалось получить из Главного интендантского управления образцы зимних и летних одежд «всех родов оружия», а «проверив их и найдя повреждения, требующие реставрации, сдать вещи в реставрационные мастерские»[23]. Кроме того, Л. И. Якунина предлагала «обратиться в Дом Красной Армии и просить выдать Музею одежды германской армии», в том числе вещи, «связанные с условиями военного времени, например, морозами — шлемы, сделанные из чулок, валенки и сапоги из соломы и пр.»[24].

В июне 1943 г. сотрудники ГИМ были направлены в Сталинград, где собрали «материалы не только о подвигах на фронте, но и о жизни в тылу, об ученых, конструкторах боевой техники»[25].

Среди поступивших в годы войны экспонатов были личные вещи маршалов и генералов, солдат и матросов, отечественные и трофейные знамена. В отчете отдела тканей ГИМ за 1945 г. в пункте «Собирательская работа: Пополнение фондов» отмечено, что в собрание музея поступило «генеральское обмундирование: парадное и повседневное»[26].

Сотрудники ГИМ собрали значительное количество личных вещей героев войны, «отражающих характер их деятельности (например, в ГИМ поступили бурка и кавалерийская сабля Героя Советского Союза Л. М. Доватора, летный комбинезон дважды Героя Советского Союза А. И. Молодчего)»[27].

Музей сформировал коллекции по истории воинских частей, которые включили в себя знамена, персональное оружие, фотографии, фронтовую прессу и другие вещественные и документальные материалы[28], в том числе рисунки фронтовых художников[29] (ил. 6).

После 1945 г. в ГИМ продолжилась работа по сохранению предметов, связанных с Великой Отечественной войной. Нужно отметить, что реставраторы музея выполняли работы по очистке и укреплению экспонатов не только из собрания Исторического музея, но и других музейных организаций. Например, в июле 1949 г. из Музея Красной Армии и Флота (в настоящее время Центральный музей Вооруженных Сил) на реставрацию в мастерскую тканей поступило Знамя 204-й воздушно-десантной бригады, которое «было в боях в Отечественную войну». На кусочке белой ткани, пришитой к красному двухслойному

Ил. 6. Красноармейская газета подразделения тов. Земляного «Боевой листок» № 8 от 26 мая 1942 г. ГИМ. № инв. Арх. 2981. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=49578857 (дата обращения 28.01.2025)

полотнищу, было написано: «Черниговский военный комиссариат. 14/III 1944 г.». Ткань полотнищ, простреленная в нескольких местах, была «крайне помята, в слежавшихся складках, покрыта плесенью и пятнами». После очистки, удаления со знамени бахромы и разделения полотнищ каждое из них в местах утрат было дублировано тонкой тканью нейтрального цвета. Затем знамя вновь смонтировали и разгладили. Реставрация была осуществлена Екатериной Сергеевной Видоновой и Татьяной Николаевной Протасьевой[30].

В том же 1949 г. сотрудники мастерской тканей выполнили реставрацию гимнастерки, которая в настоящее время как реликвия хранится в собрании Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны (ил. 7). Побуревшая, полуистлевшая гимнастерка образца 1935 г. с лейтенантскими знаками различия была обнаружена осенью 1949 г. при расчистке завалов у Тереспольских ворот Брестской крепости, где 22 июня 1941 г. ожесточенные бои вели пограничники 9-й заставы. Один

Ил. 7. Гимнастерка защитника Брестской крепости Алексея Федоровича Наганова. URL: https://minsknews.by/veshhdoki-pobedy-rasskazyvaem-o-relikvii-muzeya-istorii-velikoj-otechestvennoj-vojny-gimnasterke-naganova/ (дата обращения 28.01.2025)

из солдат-срочников, занимавшихся расчисткой, заметил в развалинах клочок побуревшей ткани защитного цвета. После осторожной расчистки были найдены останки человека, прижатые к стене обрушившимся перекрытием. Рядом с правой рукой погибшего защитника крепости находился пистолет ТТ с взведенным курком (в обойме было три патрона, четвертый загнан в ствол). В нагрудном кармане гимнастерки лежали удостоверение личности командира Красной Армии и комсомольский билет. Чернила на удостоверении полностью выцвели, но комсомольский билет хорошо сохранился, поэтому удалось установить имя лейтенанта (ил. 8). Комсомолец Алексей Федорович Наганов был помощником дежурного по 333-му стрелковому полку 6-й стрелковой дивизии 4-й армии Западного фронта. Дальнейшие раскопки позволили обнаружить рядом с этим местом останки еще четырнадцати защитников Брестской крепости, а также оружие, предметы снаряжения, документы[31]. В настоящее время на воротах крепости можно прочесть надпись: «В июне 1941 года в башне Тереспольских ворот погиб командир взвода полковой школы 333 стрелкового полка лейтенант Наганов Алексей Федорович».

8 октября 1949 г. гимнастерка комсомольца Наганова поступила в реставрационную мастерскую ГИМ. Консервационно-реставрационные операции по сохранению реликвии выполнила Клавдия Васильевна Мозжорина (Рождественская) под

Ил. 8. Комсомольский билет Алексея Федоровича Наганова. URL: https://minsknews.by/veshhdoki-pobedy-rasskazyvaem-o-relikvii-muzeya-istorii-velikoj-otechestvennoj-vojny-gimnasterke-naganova/ (дата обращения 28.01.2025)

руководством Е. С. Видоновой (ил. 9), имевшей многолетний опыт работы с археологическим текстилем. В протоколе реставрации отмечено, что нижняя часть гимнастерки представляет собой истлевшие лохмотья, «висящие в беспорядке, главным образом спереди ниже места кармана и средней планки застежки на середине груди; спина внизу, особенно с правой стороны

Ил. 9. Екатерина Сергеевна Видонова и Клавдия Васильевна Мозжорина (Рождественская). 1948 г. // Фотография из личного архива автора

Ил. 10. Галина Александровна Советникова // Советский музей. 1986. № 1 (87). С. 2

висит также истлевшими клочками; в ее верхней части наблюдаются большие утраты ткани около воротника <...> на воротнике справа сохранилась нашивка из малинового сукна, на сукне заметны углубления, почерневшие от накрепленных ранее шпал, следы от них остались в виде заржавленных металлических крючков <...> карманчики на груди носят также следы больших разрушений ткани». Кроме того, в протоколе отмечены большие утраты ткани на рукавах. Нашивка в виде треугольника из красного сукна сохранилась только на одном из них. Гимнастерка была «пропылена, загрязнена, покрыта известью». В процессе реставрации она прошла дезинфекцию. Ткани гимнастерки промыли и расправили. «Каждая обветшавшая часть: спинка, перед, рукава, обшлага, воротник, кармашки — положены на бумажную дублирующую ткань, предварительно покрашенную в соответствующий цвет, и укреплены нитками»[32]. В начале 1950 г. заведующая мастерской Юлия Степановна Карпова передала отреставрированную гимнастерку представителю белорусского музея[33].

Среди реликвий Великой Отечественной войны, реставрированных в ГИМ, особое место занимает Знамя Победы. В 1965 г. его очистку и укрепление выполнила художник-реставратор Галина Александровна Советникова. В 1966 г. она была переведена на работу в Центральный музей Вооруженных Сил[34], где в течение более сорока лет выполняла консервацию и реставрацию военных реликвий (ил. 10). Галина Александровна укрепила

множество знамен, предметов обмундирования и других экспонатов, поступивших на хранение в годы Великой Отечественной войны. Среди реставрированных ею памятников мундиры маршалов Советского Союза Георгия Константиновича Жукова и Константина Константиновича Рокоссовского[35].

Таким образом, деятельность сотрудников ГИМ в 1941–1945 гг. позволила не только сохранить ценные экспонаты, но и пополнить музейные коллекции реликвиями Великой Отечественной войны.

---

[1] Отчет о проделанной работе Лабораторией ГИМ за II-ую половину 1941 г. // Научно-ведомственный архив (далее НВА) ГИМ. Оп. 1. Д. 711. Л. 4–4 об.

[2] Ящик № 3. Группа оружия // НВА ГИМ. Оп. 2. Д. 455. Л. 10.

[3] Закс А. Б. Из истории Государственного Исторического музея (1941–1957) // Очерки по истории музейного дела в России. Вып. III. М.: Советская Россия, 1961. С. 6.

[4] Акт. 03.07.1941 // НВА ГИМ. Оп. 2. Д. 455. Л. 4.

[5] Государственный Исторический музей. Списки музейных предметов, передаваемых в Гохран // НВА ГИМ. Оп. 2. Д. 455. Л. 3.

[6] Опись ящика № 7. Отдел тканей // НВА ГИМ. Оп. 2. Д. 455. Л. 13.

[7] Описи ящиков № 195, 196 // НВА ГИМ. Оп. 2. Д. 461. Л. 444–446.

[8] Опись ящика № 604 // Там же. Л. 352.

[9] Описи ящиков № 578, 608, 858–862, 865, 867 // Там же. Л. 70, 71, 74, 76, 185, 215, 218, 270, 273.

[10] Закс А. Б. Из истории Государственного Исторического музея (1941–1957)... С. 6.

[11] Отчет о проделанной работе Лабораторией ГИМ за II-ую половину 1941 г.... Л. 4–4 об.

[12] Закс А. Б. Из истории Государственного Исторического музея (1941–1957)... С. 6.

[13] Зверева Н. П. Как ГИМ в условиях войны сохранял свои сокровища // Государственный Исторический музей в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. / Сост. А. Б. Закс; отв. ред. К. Г. Левыкин. М.: ГИМ, 1988. С. 24–32.

[14] Автобиография Марии Николаевны Левинсон-Нечаевой // НВА ГИМ. Оп. 1. Д. 118. Л. 7; Отчеты Государственного объединенного музейно-библиотечного хранилища № 1 // НВА ГИМ. Оп. 2. Д. 414. Л. 224–224 об.

[15] Закс А. Б. Из истории Государственного Исторического музея (1941–1957)... С. 6.

[16] Там же. С. 9.

[17] Обращение сессии Ученого Совета Научно-исследовательского института краеведческой и музейной работы Наркомпроса РСФСР «Ко всем работникам советских музеев и краеведам». Июль 1942 г. // Кантор Ю. З. Невидимый фронт: Музеи России в 1941–1945 гг. М.: РОССПЭН, 2017. С. 302–304.

[18] Протокол № 642. 18.09.1941 // НВА ГИМ. Оп. 1. Д. 709. Л. 108–108 об.

[19] Закс А. Б. Из истории Государственного Исторического музея (1941–1957)... С. 9.
[20] Симкин М. П. Советские музеи в период Великой Отечественной войны // Труды Научно-исследовательского института музееведения. Вып. 5. М., 1961. С. 240.
[21] Закс А. Б. Из истории Государственного Исторического музея (1941–1957)... С. 9.
[22] Закс А. Б. Опыт собирания материалов по истории Великой Отечественной войны Государственным Историческим музеем в 1941–1944 гг. // Археографический ежегодник за 1975 г. М.: Наука, 1976. С. 153.
[23] Докладная записка Л. И. Якуниной. 03.02.1942 // НВА ГИМ. Оп. 2. Д. 123. Л. 1.
[24] Там же. Л. 1 об.
[25] Белозерова И. Государственный исторический музей в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. URL: https://blog.mediashm.ru/?p=3431 (дата обращения 29.01.2025).
[26] Отчет Отдела тканей ГИМ за 1945 г. // НВА ГИМ. Оп. 2. Д. 530. Л. 23.
[27] Закс А. Б. Опыт собирания материалов... С. 153.
[28] Закс А. Б. Из истории Государственного Исторического музея (1941–1957)... С. 10.
[29] Белозерова И. Государственный исторический музей в годы Великой Отечественной войны...
[30] Протокол № 1454 // НВА ГИМ. Оп. 1. Д. 928. Л. 30–31.
[31] Невмержицкая О. История гимнастерки защитника Брестской крепости: Погиб, но не побежден. URL: https://www.sb.by/articles/pogib-no-ne-pobezhden.html (дата обращения 09.01.2025).
[32] Протокол № 1477 // НВА ГИМ. Оп. 1. Д. 928. Л. 15–16 об.
[33] Сведения получены от К. В. Мозжориной.
[34] Советникова Галина Александровна // НВА ГИМ. Оп. 1л. Д. 128. Л. 36–36 об.
[35] Сведения получены от Г.А. Советниковой.

И. И. Кротов (Санкт-Петербург)

ГРАЖДАНСКИЙ ЗНАК ОТЛИЧИЯ DECORATION CIVIQUE 1914–1918 В НАГРАДНОЙ СИСТЕМЕ БЕЛЬГИИ

Цель и предмет изучения

ЦЕЛЬЮ РАБОТЫ является попытка упорядочить имеющиеся сведения об особенностях отдельных элементов бельгийской наградной системы и представить ранее публиковавшуюся только в зарубежных изданиях информацию, основанную на правовых актах — королевских указах, а также рассмотреть историю происхождения, изменения во внешнем оформлении знаков отличия, предназначенных для гражданских лиц и государственных служащих за акты мужества, самоотверженности и гуманизма, проявленные в ходе Первой мировой войны.

Опыт Бельгии является интересным примером адаптации наградной системы государства к масштабному вооруженному конфликту, в который помимо профессиональных военнослужащих вовлекаются широкие слои населения. В статье будут рассмотрены носившие вынужденный характер изменения в наградной системе Бельгии периода Первой мировой войны на примере знаков отличия, предназначенных для гражданских лиц.

Предмет и источниковая база исследования

Предметом рассмотрения в данной статье является Decoration Civique — награда, учрежденная в 1867 г. королем Бельгии Леопольдом II для поощрения государственных служащих и приравненных к ним лиц за многолетнюю и достойную службу, а также

для всех граждан, совершивших исключительные акты мужества, самоотверженности и гуманизма. Дословным переводом наименования награды с французского языка, который оставался единственным государственным языком Бельгии до конца XIX века, является «Гражданское украшение». В целом, в отечественной литературе и в материалах сайтов по вопросам фалеристики эта награда именуется «Орден гражданских заслуг», «Гражданский знак отличия», «Знак гражданских заслуг», «Крест за административную службу», «Гражданский знак за войну 1914–1918» и т. п. Поэтому, чтобы однозначно указать предмет, в тексте статьи используется оригинальное название награды на французском языке.

Источниковая база исследования состоит из предметов, находящихся в частных коллекциях, а также графических материалов каталогов из списка литературы.

Обзор литературы

Отечественных работ, посвященных бельгийской наградной системе, при поиске источников не выявлено. С учетом того, что бельгийские вооруженные силы и гражданские лица принимали участие в важных событиях Первой мировой войны, степень изученности темы видится недостаточной.

При обозрении отечественных источников сведения об орденах, медалях и знаках отличия Бельгии обнаруживаются среди прочих в посвященных вопросам фалеристики каталогах и энциклопедиях, исследованиях, таких, как Л. М. Гаврилова, С. С. Левин. Европейские ордена в России, конец XVII – начало XX века из собрания музеев Московского Кремля и Государственного исторического музея: каталог. М.: Арт-Родник, 2007. 231 с.; В. И. Борулько, Е. Г. Кац, В. В. Кондрусь, Д. Г. Ларионов. Великая война 1914–1918. Страны. Награды: Каталог. Минск: Четыре четверти, 2014. 600 с.; Потрашков С. В., Лившиц И. И. Награды Второй мировой войны: Энциклопедии. М.: Эксмо, 2015. 240 с.

Тема наградной системы Бельгии наиболее подробно рассмотрена в зарубежных изданиях: Borné A. C. Distinctions honorifiques de la Belgique, 1830–1985; Barac B. Reference Catalogue Orders, Medals and Decorations of the World Part 1: Iron Book A–D, Obol, Zagreb; Quinot H. Recueil illustré des décorations belges et

congolaises. 1963, 5e Edition. При этом, Х. Кинот и А. Борне приводят выдержки из текстов нормативных актов — королевских указов, которыми учреждались награды, а также указов, которыми вносились изменения в статуты. К недостаткам указанных работ следует отнести пробелы в вопросах локализации производства, клейм изготовителей, а также количества награждений.

В описании наград из отечественных изданий, в части, касающейся Бельгии, нередко допускаются досадные неточности в указании наименования наград, которые вводят в заблуждение читателей, интересующихся данной тематикой. В частности, некоторые авторы причисляют знак отличия Decoration Civique к орденам, ограничивают период существования 1918 годом (1867–1918)[1]. На аукционах, в том числе зарубежных, периодически появляются в продаже знаки с лентами от других наград, с произвольно закрепленными на лентах эмблемами или планками от наград других государств. Нередки попытки продажи знаков отличия Decoration Civique образца 1867 г. под видом «Decoration Civique 1914–1918» путем крепления соответствующей ленты на крест более распространенной награды.

Актуальность темы

Наличие в России интереса к наградам Бельгии подтверждается активностью пользователей разделов «Бельгия» на профильных ресурсах коллекционеров в сети Интернет, продажами на аукционах. Коллекционерами предпринимаются усилия для самостоятельной систематизации фалеристического материала на основе известных из зарубежных источников сведений о наградной системе Бельгии.

Интерес коллекционеров вызывает взаимосвязь между русской и бельгийской историей участия в Первой мировой войне, которая нашла свое отражение, в том числе, в практике награждения государственными наградами иностранных подданных государств-союзников, в участии бельгийских военнослужащих в боевых действиях в составе русской армии. В 2020 г. были впервые опубликованы архивные материалы такого бельгийского подразделения — Васильев А. А. Бельгийский броневой автомобильный дивизион в составе русской армии: сборник документов 1915–1917 гг. М.: Фонд «Русские Витязи», 2020. 512 с.

Учреждение награды и ее характерные особенности

По мнению специалистов, наградные системы стран — участниц Первой мировой войны в основном отвечали своему предназначению — содействовать мобилизации и объединению усилий как элитарных, так и широких слоев населения на выполнение приоритетных задач, поставленных руководством страны[2]. Вместе с тем, выполнение задачи поощрения различных слоев населения за совершение полезных государству и королю Бельгии действий в 1914–1918 гг. потребовало учреждения новых наград, дополнительных элементов и особых знаков отличия на орденских лентах, а также целого ряда медалей в послевоенный период.

До 18 мая 1915 г. для награждения отличившихся гражданских лиц, медицинского персонала, а также военнослужащих тыловых служб и бежавших из плена военнослужащих использовалась награда Decoration Civique образца 1867 г. Она была учреждена королем Леопольдом II указом от 21 июля 1867 г. для поощрения гражданских государственных служащих за многолетний труд на благо общества, а также за выдающиеся проявления мужества, самоотверженности и гуманизма.

Королевский указ от 21 июля 1867 г. об учреждении Decoration Civique подразумевал наличие двух различных оснований для награждения: выслугу лет на государственной гражданской службе и отдельные акты выдающегося поведения. В связи с этим королевским указом были предусмотрены два класса Decoration Civique, которые различались между собой только лентой.

Впоследствии, после опубликования соответствующих королевских указов, круг лиц, имеющих право на получение Decoration Civique, неоднократно расширялся. В перечень лиц, соответствующих критериям награждения знаками отличия Decoration Civique за выслугу лет, включались дополнительные категории работников и служащих, промышленников и предпринимателей, выполняющих общественно значимые задачи в сфере общественной безопасности, пенитенциарной системы, образования, транспорта, связи, религии.

На ленте Decoration Civique за выслугу лет в министерствах и ведомствах, муниципальных органах управления и учреждениях имеются три вертикальных черных полосы на красном фоне.

На ленте Decoration Civique за акты выдающегося поведения, предназначенной для всех граждан вне зависимости от

Ил. 1 (слева направо): крест Decoration Civique образца 1867 г. 1-й степени на ленте за выслугу лет, бронза, позолота, горячая белая эмаль, производство неизвестной мастерской, до 1914 г.; крест Decoration Civique образца 1867 г. 2-й степени на ленте за выслугу лет, серебро, горячая белая эмаль, производство брюссельской мастерской «Walravens», до 1914 г.; крест Decoration Civique образца 1867 г. 2-й степени на ленте за выслугу лет, серебро, горячая белая эмаль, производство неизвестной мастерской, предположительно между 1867 и 1880 гг.

занимаемой должности, — две вертикальных черных полосы с желтой каймой на красном фоне.

Для обоих классов предусматривалось деление на пять степеней: кресты первой (в золоте) и второй (в серебре) степени (ил. 1), медали первой (в золоте), второй (в серебре) и третьей (в бронзе) степени[3] (ил. 2). Как видно из приведенных изображений, награды от разных производителей могли иметь некоторые отличия, но обязательно сохраняли основные элементы внешнего оформления, которые были в общих чертах закреплены в королевском указе.

Кресты Decoration Civique представляли собой знак в виде мальтийского креста, покрытого эмалью белого цвета, который был наложен на бургундский крест (косой крест св. Андрея). В верхней части мальтийского креста расположено огниво

Ил. 2 (слева направо): медаль Decoration Civique образца 1867 г. 1-й степени на ленте за выслугу лет, бронза, позолота, производство неизвестной мастерской, до 1914 г.; медаль Decoration Civique образца 1867 г. 1-й степени на ленте за выдающиеся проявления мужества, самоотверженности и гуманизма, серебро, производство мастерской «Fisch & C», Joseph Fisch, до 1914 г.; медаль Decoration Civique образца 1867 г. 3-й степени на ленте за выслугу лет, бронза, производство неизвестной мастерской, до 1914 г.

с высеченными из него языками пламени между расходящимися концами верхнего луча мальтийского креста. На аверсе и реверсе центральной части креста находится медальон с изображением монограммы короля Леопольда — двух переплетенных букв L. Единственным отличием, которое определяло ведомственную принадлежность награды, являлась лента, на которой крепился знак отличия (ил. 3)[4].

По своему внешнему виду кресты Decoration Civique образца 1867 г. повторяли памятный знак отличия в честь 25-летия правления короля Леопольда I, учрежденный в 1856 г. для награждения офицеров и нижних чинов, находившихся на службе с 1831 г. (ил. 4)[5], но имели ряд небольших различий в диаметре центрального медальона, деталях бургундского креста и др. Внешнее сходство не являлось случайным, а было предусмотрено статьей 3 королевского указа от 21 июля 1867 г. Главным отличием между этими двумя наградами являлись цвета ленты: амарантовый

Civil Decoration

Instituted: 21.7.1867
Orig. name: Decoration Civique
Size: Cross - 35 mm, Medal - 30 mm, vgAE, vsAE

Type I - monogram LL II (1867-1914)

94	Gold Cross I Class	30
95	Silver Cross II Class	20
96	Gold Medal I Class	15
97	Silver Medal II Class	15
98	Bronze Medal III Class	12

Types of ribbon:

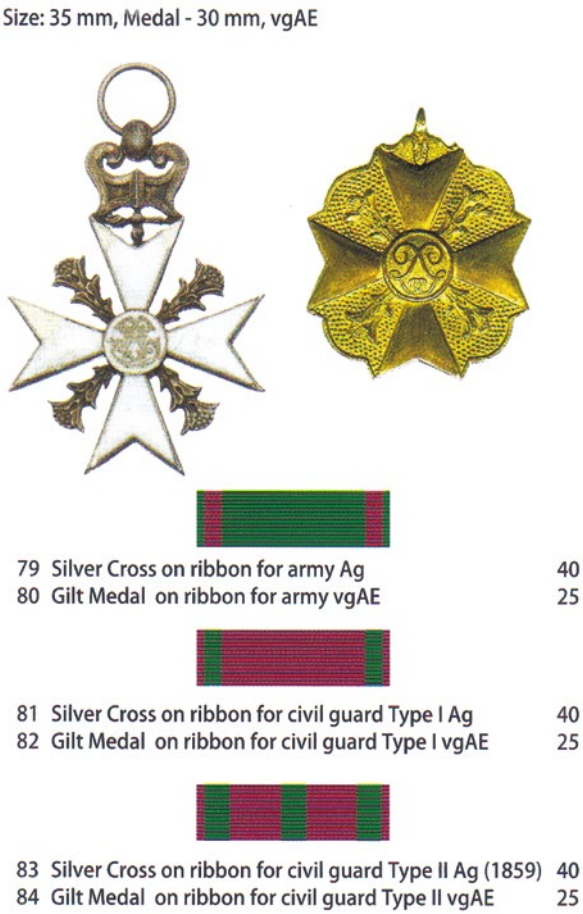
a) for administrative long service

b) for bravery, devotion and humanity

c) for long service Civil Guard and Fire Service

d) for bravery in Civil Guard and Fire Service

Ил. 3. Внешний вид знаков отличия Decoration Civique образца 1867 г., с обозначением цветов лент для различных категорий награжденных



Ил. 4. Внешний вид креста и медали в память 25-й годовщины инаугурации короля Леопольда I, с обозначением типов лент для военнослужащих и гражданских лиц

и зеленый для знаков 1856 г., красный, черный и черный с желтым кантом на красном фоне для знаков 1867 г.

На аверсе и реверсе медалей Decoration Civique повторялось изображение такой же композиции, что и на кресте, за исключением детали в виде огнива для всех трех степеней. Медали, изготовленные с 1867 по 1914 гг., должны были иметь диаметр 30 мм. Практика показывает, что это правило не всегда соблюдалось

производителями. В частных коллекциях, а также в коллекции автора имеются медали Decoration Civique, выпущенные до 1914 г., с диаметром от 27 до 30 мм. Ширина лент различных бельгийских наград в зависимости от производителя могла составлять от 25 до 37 мм (ил. 5, 6).

Только после окончания Первой мировой войны ленты всех крестов и медалей стали изготовлять шириной от 35 до 37 мм[6]. Диаметр медалей, изготовленных после 1914 г., составляет 35–38 мм.

В целом, производители бельгийских наград не утруждали себя строгим соблюдением массогабаритных характеристик продукции, как и соблюдением единообразного подхода к внешнему оформлению отдельных деталей. Указанные особенности были вызваны отсутствием единого стандарта и ответственности за его нарушение. Производство наград осуществлялось частными мастерскими, которые учитывали предпочтения заказчика, веяния моды, собственные технические возможности. Клейма производителей на орденах и медалях удается обнаружить достаточно редко, что затрудняет их атрибуцию. Как правило, информация о производителе наносилась на внутренней части крышки коробки от награды.

Важной для бельгийской наградной системы особенностью являлось награждение определенной степенью орденов в зависимости от занимаемой должности, звания, социального статуса, а не характера заслуг. Это правило в полной мере относилось к награждению знаками отличия Decoration Civique за выслугу лет. Статьей 6 указа от 21 июля 1867 г. предусматривалось награждение медалью знака отличия Decoration Civique после 25 лет безупречной службы. Крестом первой степени могли быть награждены только лица, имеющие стаж государственной службы не менее 35 лет и занимавшие соответствующую степени награды должность[7]. Позднее сроки выслуги лет для награждения сокращались, а категории служащих, имевших право на награждение, расширялись. Например, указом от 17 октября 1894 г. продолжительность службы в различных званиях гражданской гвардии и пожарных для награждения Decoration Civique составила 30 лет для креста первой степени, 25 лет для креста второй степени. Золотая, серебряная и бронзовая медали вручались нижним чинам за 20, 15, и 10 лет выслуги соответственно (ил. 7). Указом от 21 марта 1892 г. положения о награждении распространялись на директоров и учителей государственных учебных заведений,

Ил. 5. Медаль Decoration Civique образца 1867 г. 2-й степени на ленте за выслугу лет, серебро, производство мастерской «Fisch & C», до 1900 г.; медаль Decoration Civique образца 1867 г. 3-й степени на ленте за выслугу лет, бронза, производство мастерской «Hart», до 1900 г.

Ил. 6. Медаль Decoration Civique образца 1867 г. 2-й степени на ленте за выслугу лет, серебро, производство мастерской «Wolfers», до 1900 г.; медаль Decoration Civique образца 1867 г. 3-й степени на ленте за выслугу лет, бронза, производство неизвестной мастерской, до 1914 г.

Ил. 7 (слева направо): крест Decoration Civique образца 1867 г. 1-й степени на ленте за выслугу лет для пожарных, бронза, позолота, горячая белая эмаль, производство мастерской «Van Larebeke». XX в.; крест Decoration Civique образца 1867 г. 2-й степени на ленте за выслугу лет, серебро, горячая белая эмаль, производство мастерской «Van Larebeke». XX в.

а с 1895 г. и на преподавателей частных школ. Указом от 1 октября 1895 г. право на награждение получили работники железных дорог, а с 23 марта 1896 г. — и персонал водного транспорта[8].

В отличие от Decoration Civique на ленте за выслугу лет, знаками отличия на ленте за выдающиеся проявления мужества, самопожертвования и гуманизма гражданские лица, офицеры и нижние чины гражданской гвардии и пожарных команд награждались вне зависимости от звания и социального положения.

В 1883 г. губернаторам провинций Бельгии был направлен циркуляр министра внутренних дел, в котором отмечался излишне благодушный подход должностных лиц и их склонность к преувеличениям значимости событий в представлениях к наградениям Decoration Civique за акты мужества и выдающегося поведения. Циркуляр внес важные уточнения в критерии: во-первых, действия должны быть совершены с риском для жизни, во-вторых, следует различать исполнение служебного долга

уполномоченным должностным лицом и добровольно совершаемый поступок гражданином, который не был обязан его совершать[9].

Эволюция награды в период Первой мировой войны

Уже на начальном этапе боевых действий значительная часть территории Бельгии оказалась быстро занята войсками противника, что в итоге привело к оставлению большинства населения на оккупированной территории. К ноябрю 1914 г. вооруженные силы Бельгии и союзников удерживали только часть провинции Западная Фландрия.

Ожесточенное сопротивление бельгийских вооруженных сил, неповиновение гражданских лиц оккупационным властям, работа подпольных организаций по сбору и передаче союзному командованию информации разведывательного характера, бегство угнанных на работы в Германию мирных жителей или их уклонение от принудительных работ требовало поощрения и закрепления такого поведения в качестве образца исполнения воинского и гражданского долга.

Именно Decoration Civique 1914–1915, знак отличия для гражданских лиц, стал первой новой государственной наградой, появившейся в Бельгии в ходе Первой мировой войны. Учрежден по представлению министерства внутренних дел королевским указом от 18 мая 1915 г. для награждения гражданских лиц и некомбатантов за заслуги в период событий 1914–1915 гг. Crox de Guerre (Крест войны, Военный крест) для награждения бельгийских военнослужащих за проявленную на поле боя храбрость был учрежден королевским указом от 25 октября 1915 г., т. е. на пять месяцев позже, чем Decoration Civique 1914–1915.

Не исключено, что на появление этих наград повлияло то, что 8 апреля 1915 г. для награждения отличившихся в боях с германской армией военнослужащих президентом Франции был учрежден Crox de Guerre (Военный крест 1914–1915)[10].

Кресты и медали Decoration Civique 1914–1915 фактически представляли собой вариант военного времени аналогичных наград за выдающиеся проявления мужества, самоотверженности и гуманизма образца 1867 г. Пунктом 4 королевского указа от 18 мая 1915 г. была предусмотрена замена выданных с 31 июля 1914 г. Decoration Civique образца 1867 г. на знаки отличия 1914–1915 гг.

того же класса (степени)[11]. При этом знаки Decoration Civique образца 1867 г., которые вручались на ленте за выслугу лет, не претерпели никаких существенных изменений внешнего оформления, и награждения ими осуществляются до настоящего времени. Награждения Decoration Civique на ленте за выдающиеся проявления мужества, самопожертвования и гуманизма, совершенные после окончания войны, также продолжились.

В связи с тем, что правительство Бельгии эвакуировалось во Францию, наиболее ранние образцы Decoration Civique 1914–1915 изготавливались мастерской Артюса Бертрана в Париже[12]. Эти награды имели ряд существенных отличий от знаков образца 1867 г. Основными из них, для крестов первой и второй степеней, являлись скрещенные мечи вместо бургундского креста, на которые был наложен мальтийский крест знаков первой и второй степеней, отсутствие детали в форме огнива над верхним лучом мальтийского креста, вместо которой к кресту крепился небольшой декоративный элемент с кольцом для ленты бледно-зеленого цвета с вертикальными полосами цветов бельгийского флага по краям. Характерным отличием медалей Decoration Civique 1914–1915 всех трех степеней от аналогичных медалей Decoration Civique образца 1867 г. являлось наличие скрещенных мечей с кольцом для крепления ленты в верхней части медали, при этом изображение бургундского креста и монограммы короля Леопольда на медалях сохранилось.

На ленту награды крепится горизонтальная металлическая дополнительная планка шириной 4–5 мм с указанием дат «1914–1915», изготовленная из металла соответствующего степени награды: позолоченная (из желтого металла) для первой степени, посеребренная (из белого металла) для второй степени, бронзовая для третьей степени.

Королевским указом от 12 декабря 1918 г. наименование «Decoration Civique 1914–1915» было изменено на «Decoration Civique 1914–1918» с учетом фактической продолжительности войны.

Королевским указом от 14 июня 1919 г. были утверждены следующие изменения внешнего оформления Decoration Civique 1914–1915 (1914–1918):

– монограмма короля Леопольда в виде двух переплетенных литер L заменяется на монограмму короля Альберта I в виде литеры A;

Ил. 8. Крест Decoration Civique 1914–1918 образца 1918 г. 1-й степени, бронза, позолота, горячая белая эмаль, производство неизвестной мастерской. 1918–1940 гг.; медаль Decoration Civique 1914–1918 образца 1918 г. 1-й степени, бронза, позолота, горячая белая эмаль, производство неизвестной мастерской. 1918–1940 гг.

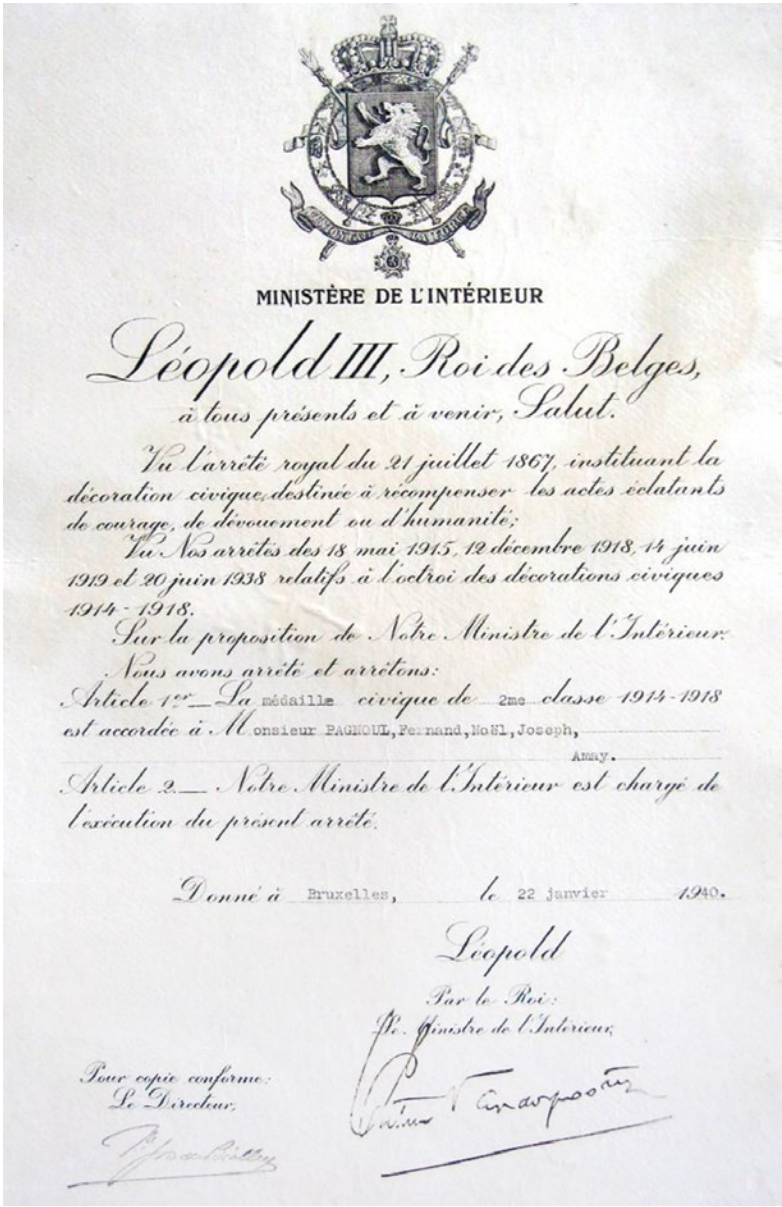
– на ленте располагается горизонтальная металлическая дополнительная планка шириной 4 мм с указанием соответствующих дат — 1914–1918;

– лента крестов первой и второй степени должна иметь проходящую посередине вертикальную золотистую полосу[13] (ил. 8).

19 ноября 1918 г. королем Альбертом I была учреждена отдельная награда для моряков гражданского флота «Decoration Martime 1914–1918», кресты и медали которой не имели каких-либо отличий от Decoration Civique 1914–1918. Указ от 19 ноября 1918 г. определил признаки Decoration Martime только в цветах ленты — цвета морской волны, с двумя двойными каймами цветов национального флага, разделяющими ленту по вертикали на три равных части, а также крепившихся на ленту двух скрещенных якорей шириной 25 мм из металла, соответствующего металлу степени награды[14] (ил. 9).

Ил. 9. Крест Decoration Martime 1914–1918 образца 1918 г. 1-й степени, бронза, позолота, горячая белая эмаль, производство неизвестной мастерской. 1918–1940 гг.; крест Decoration Martime 1914–1918 образца 1918 г. 2-й степени, серебро, горячая белая эмаль, производство неизвестной мастерской. 1918–1940 гг.

Награждение Decoration Civique 1914–1918 было прекращено в конце 1925 г. Исключение было сделано для граждан, пострадавших за отказ от работы на оккупационную администрацию либо угнанных на принудительные работы, награждения которых продолжались по мере поступления представлений к награде. Однако королевским указом от 20 июня 1938 г. сроки подачи заявок на получение наград за отличия в период Первой мировой войны были продлены, в том числе для знаков отличия Decoration Civique 1914–1918. Право подачи заявки было предоставлено для молодых людей, которые пересекали границу с целью присоединиться к бельгийской армии, но при этом были задержаны оккупантами и подверглись аресту не менее чем на месяц, а также для бежавших из Германии или с оккупированных территорий и вступивших в ряды бельгийской армии в течение трех месяцев после пересечения границы[15]. Награждения Decoration Civique 1914–1918 продолжались до 1940 г. включительно (ил. 10)[16].



MINISTÈRE DE L'INTÉRIEUR

Léopold III, Roi des Belges,

à tous présents et à venir, Salut.

Vu l'arrêté royal du 21 juillet 1867, instituant la décoration civique, destinée à récompenser les actes éclatants de courage, de dévouement ou d'humanité;

Vu Nos arrêtés des 18 mai 1915, 12 décembre 1918, 14 juin 1919 et 20 juin 1938 relatifs à l'octroi des décorations civiques 1914-1918.

Sur la proposition de Notre Ministre de l'Intérieur;

Nous avons arrêté et arrêtons:

Article 1er. — *La* médaille *civique de* 2me *classe 1914-1918 est accordée à M*onsieur PAGNOUL, Fernand, Noël, Joseph, Amay.

Article 2. — *Notre Ministre de l'Intérieur est chargé de l'exécution du présent arrêté.*

Donné à Bruxelles, *le* 22 janvier *1940.*

Léopold

Par le Roi:

Le Ministre de l'Intérieur,

Pour copie conforme:
Le Directeur,

Ил. 10. Свидетельство о награждении медалью Decoration Civique 1914–1918 2-й степени, врученное 22.01.1940 г.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о том, что знаки отличия Decoration Civique 1914–1915, 1914–1918 и Decoration Martime 1914–1918 являются разновидностями Decoration Civique образца 1867 г. военного времени. Их учреждение имело целью расширить круг подлежащих награждению лиц за счет граждан, не состоящих на государственной службе, не соответствующих квалификационным требованиям к занимаемой должности и социальному положению, предусмотренным указом от 21 июля 1867 г. и последующих дополнений к нему.

Упомянутая в тексте королевского указа от 18 мая 1915 г. замена выданных после начала войны знаков отличия образца 1867 г. за выдающееся проявление мужества, самоотверженности и гуманизма на знаки образца 1915 г. не означала прекращения существования ранее учрежденной награды, а только дополняла наградную систему в связи с изменением обстоятельств: вовлечением гражданского населения в боевые действия, повышенным риском для жизни, даже в связи с актами неповиновения оккупантам, не связанными с вооруженной борьбой.

Также следует отметить, что на лентах знаков отличия Decoration Civique не могут размещаться какие-либо дополнительные эмблемы, планки и т. п., кроме непосредственно предназначенных для обозначения вариантов 1914–1915 и 1914–1918, а также скрещенных якорей для награждения моряков бельгийского гражданского флота.

Неоднократная пролонгация соответствующими королевскими указами награждения знаками отличия за гражданские заслуги в период 1914–1918 гг. вплоть до начала Второй мировой войны свидетельствует о признании практики применения поощрений в виде награждения Decoration Civique 1914–1918 успешной, отвечающей задачам внутренней политики государства. Бельгийское правительство было вынуждено обратиться к этому опыту в период Второй мировой войны, вновь учредив соответствующие обстоятельствам военного времени награды для некомбатантов — Decoration Civique 1940–1945.

«Первое неотъемлемое качество награды — способность прямого воздействия на сознание людей. Сам факт награждения, выделения данного лица среди многих, воздаяния заслуг вызывает

у человека подъем, энтузиазм, зачастую надолго, и чувство гордости, нередко — на всю жизнь.

Вторая из этих особенностей заключается в том, что подавляющее большинство наград имеет длительное, многолетнее воздействие, в отличие от лозунга или призыва, которые устаревают, от газетной статьи, которая забывается, едва появившись в печати. Знаки наград кавалер носит на груди каждый праздник, гордость от обладания ими он зачастую испытывает всю жизнь[17]».

В настоящее время вовлечение граждан в процессы, связанные с вооруженным противостоянием, происходит посредством участия в волонтерской деятельности, сборах гуманитарной помощи, финансировании специально созданных фондов и частных гражданских инициатив. Нередко эта деятельность сопряжена с повышенным риском для жизни.

Возможно, было бы целесообразным изучить имеющийся опыт поощрения некомбатантов за заслуги как в случае добровольного участия в волонтерской деятельности, так и в случаях вынужденного, в силу непреодолимых обстоятельств, вовлечения в процессы, связанные с вооруженными конфликтами.

---

[1] Гаврилова Л. М., Левин С. С. Европейские ордена в России, конец XVII – начало XX века из собрания музеев Московского Кремля и Государственного исторического музея: каталог. М.: Арт-Родник, 2007. Приложение, С. 14.

[2].Розанов О. Н. Азия и Африка в Первой мировой войне. М., 2006. С. 10.

[3] Borné A. C. Distinctions honorifiques de la Belgique, 1830–1985. Bruxelles, 1985. P. 152.

[4] Barac B. Reference Catalogue Orders, Medals and Decorations of the World Part 1: Iron Book A–D. Obol, Zagreb, 2009. P. 140.

[5] Ibid. P. 139.

[6] Quinot H. Recueil illustré des Ordres de chevalerie et décorations belges de 1830 a 1963, 5e Edition, 772, Chaussee de Gand, Bruxselles 8, 1963, P. 21.

[7] Borné A. C. Distinctions honorifiques de la Belgique. P. 153.

[8] Ibid. P. 155.

[9] Ibid. P. 156.

[10] Розанов О. Н. Азия и Африка в Первой мировой войне. С. 155.

[11] Quinot H. Recueil illustré des Ordres... P. 91–92.

[12] Borné A. C. Distinctions honorifiques de la Belgique. C. 312.

[13] Quinot H. Recueil illustré des Ordres... P. 93–94.

[14] Barac B. Reference Catalogue Orders... P. 143.

[15] Borné A. C. Distinctions honorifiques de la Belgique. P. 314.

[16] Ordres, decorations et medailles 1914-1918. URL: https://www.medailles1914-1918.fr/belgique-decorat.html, (дата обращения 26.12.2024).

[17] Демин А. Л. Наградная система государства как компонент политической культуры. М., 2003. С. 65.

А. А. Леонов (Санкт-Петербург)

БЕРЕТЫ МОРСКОЙ ПЕХОТЫ И СПЕЦИАЛЬНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ВОЕННО-МОРСКИХ СИЛ УКРАИНЫ (1991–2025 гг.)

ВОЕННО-МОРСКИЕ СИЛЫ Украины имеют довольно разветвленную организационную структуру, которая включает множество различных подразделений, учреждений и служб. В том числе в состав этого рода войск входят элитные подразделения — морская пехота и 73-й морской центр специальных операций.

Морская пехота Украины находилась в составе войск береговой обороны военно-морских сил Украины и входила в состав объединенных сил быстрого реагирования. В настоящее время выделена в отдельный вид войск. Сейчас морская пехота Украины развернута до корпуса — 30-й корпус морской пехоты, в состав которого входят пять бригад, а также отдельные полки и батальоны. Основными задачами морской пехоты являются действия по захвату пунктов базирования ВМС, портов, островов, отдельных участков побережья противника. Если же основную часть десанта составляют подразделения сухопутных войск, морская пехота высаживается в передовых эшелонах для захвата уреза воды, пунктов и участков на побережье и обеспечения высадки на них основных сил. У отдельных батальонов морской пехоты Украины задачи несколько отличаются от общих задач морской пехоты, их приоритетом являются миротворческая деятельность и борьба с террористическими формированиями, ведение военных действий на своей территории по отражению агрессии со стороны противника. С 2014 г. морские пехотинцы принимают активное участие в боевых действиях на востоке и юге Украины, зачастую выполняя преступные приказы киевского режима.

73-й морской центр специальных операций имени кошевого атамана Антона Головатого (73 МЦ СпО, в/ч А1594, ранее 7-я отдельная бригада специальных операций, укр. 73-й морський центр спеціальних операцій імені кошового отамана Антіна Головатого) — часть специальной разведки военно-морских сил вооруженных сил Украины. При распаде СССР и разделе его Вооруженных сил 17-я отдельная бригада специального назначения ВМФ СССР, незадолго до этих событий переформированная в 1464-й морской разведывательный пункт, досталась вновь образованному украинскому государству. 9 апреля 1992 г. более двух третей офицерского состава и сто процентов остальных военных 1464-го морского разведывательного пункта во главе с командиром, капитаном 1-го ранга Анатолием Леонидовичем Карпенко приняли присягу на верность народу Украины. Вскоре части возвращен статус бригады — она стала 7-й отдельной бригадой специальных операций ВМС Украины, в 2010 г. переименована в 73-й морской центр специальных операций и под этим названием существует и в наши дни. Организационная структура подразделения включает три отряда специального назначения и части обеспечения: 1-й отряд подводного минирования, 2-й отряд подводного разминирования и прорыва противодесантных заграждений, 3-й разведывательный отряд, подразделения боевого и тылового обеспечения. Оперативными задачами 73-го МЦ СпО являются: проведение разведывательных мероприятий, совершение диверсий, подводное минирование, разминирование, захват судов, захват береговых сооружений. В настоящее время военнослужащие подразделения участвуют в боевых действиях в основном на юге Украины, осуществляя террористические акции в соответствии с приказами киевских националистов, в том числе на территории Российской Федерации.

После провозглашения Украиной независимости в вооруженных силах этой страны первое время применялась форма одежды, использовавшаяся в Вооруженных силах СССР в соответствии с Приказом министра обороны СССР № 250 от 4 марта 1988 г. «О введении в действие Правил ношения военной формы одежды военнослужащими Советской Армии и Военно-Морского Флота». В дальнейшем, когда стали появляться первые проекты формы одежды для военнослужащих ВСУ, дизайн советской униформы и знаков отличия оказал немалое влияния на внешний вид вновь появившегося военного костюма независимой

Украины. Одним из форменных головных уборов, применяемых военнослужащими ВМС Украины, стал берет.

В частях морской пехоты, начиная с 1992 г., использовался берет черного цвета. Берет № 1, имеющийся в нашем распоряжении, изготовлен во второй половине 90-х годов XX в., был взят в качестве трофея Вооруженными силами России весной 2014 г. в пункте постоянной дислокации частей морской пехоты Украины на территории Республики Крым. Берет изготовлен из шерстяного сукна черного цвета, состоит из сшитых между собой четырех частей: донца, передней части и двух боковых частей. На правой и левой сторонах по центру высоты боковой части справа и слева от бокового шва на расстоянии 25 мм находятся металлические люверсы — по два на каждой стороне, служащие для вентиляции. Подкладка изготовлена из искусственного шелка черного цвета, по конструкции аналогична верхней части. По центру донца подкладки находится пришитая по всему периметру деталь в виде ромба со стороной 45 мм из искусственной кожи черного цвета. Под одну из сторон этой детали справа вшита бирка из искусственной ткани белого цвета размером 10×10 мм, на которой черной краской нанесена надпись арабскими цифрами — «57», которые обозначают размер головного убора. В передней части берета к подкладке в верхней и нижней части пришита деталь из искусственной кожи черного цвета в виде прямоугольника размером 40×65 мм, служащая для защиты кожи от повреждений элементами крепежа знака принадлежности к роду войск. Снизу по краю берет обшит полосой искусственной кожи черного цвета шириной 30 мм, которая образует рукав, имеющий напротив заднего шва разрез. В рукав вставлен плетеный из синтетических нитей черного цвета шнур диаметром 3 мм, служащий для регулировки размера берета по голове владельца способом утяжки. Изготовлен, вероятно, в одном из ателье по пошиву военной формы одежды, оставшихся со времен существования СССР на территории Украины.

Знак на берете, обозначающий принадлежность военнослужащего к подразделению морской пехоты, располагается спереди со смещением вправо от центра. При берете, надетом на голову, он находится над левым глазом военнослужащего. Знак представляет собой расположенный вертикально овал; высота знака 50 мм, ширина 35 мм, изготовлен из алюминия методом штамповки. Поле знака окрашено краской голубого цвета. По периметру

имеется рельефный бортик естественного цвета алюминия шириной 3 мм. В центре поля расположено изображение адмиралтейского якоря, окрашенное краской белого цвета. На веретено якоря наложено изображение меча, он расположен вертикально, острие направлено к рыму якоря, рукоять — к тренду. Меч относится к типу «ксифос» («зифос») — прямой обоюдоострый, острие ярко выраженное, клинок листообразный. Ксифос был распространен в основном у греков. Использовался гоплитами, реже — македонскими фалангитами. Позже распространился среди различных племен варваров на Апеннинах. На изображение меча в области рукояти наложено стилизованное изображение двух птичьих крыльев, поднятых вверх. Каждое крыло насчитывает по восемь перьев. Изображение меча и крыльев имеет естественный цвет алюминия.

Подразумевалось, что подобное сочетание будет стилизованным изображением малого герба Украины, наложенного на якорь, так называемого «трезубца». Существует несколько теорий о происхождении знака Владимира Великого, который сейчас называют «трезубцем». Самая распространенная из них — это стилизованное изображение сокола Рарога, падающего на добычу — фамильный знак князей Рюриковичей. Знаки Рюриковичей не являлись «средневековыми гербами», хотя бы потому, что средневековая геральдика возникла в Европе не ранее XII в. Однако геральдика существовала и до средневековой Европы — с глубокой древности известны геральдические знаки правителей, богов, отдельных родов; религиозные знаки, которые входили в состав гербов. Подобные знаки наносились на стены крепостей, изображались на монетах, амулетах, перстнях и других предметах. Эмблему Рюриковичей некоторые исследователи трактуют как схематическое изображение сокола, падающего на добычу. При этом другие видят в ней изображение трезубца или вил. Стилизованным вариантом этого изображения и является нынешний герб Украины.

Крепление знака представляет собой полосу, изготовленную из латуни шириной 1,5 мм, длиной 60 мм, закрепленную на тыльной стороне между двух приливов методом запрессовки.

Утвержден знак был приказом министра обороны Украины № 109 от 25 мая 1993 г., изготовлен в первой половине 90-х годов XX в. на экспериментальном заводе «Динамо» в Киеве. Знаки для беретов изготавливались разными предприятиями-произ-

водителями и отличались материалом (алюминий, пластмасса), цветом элементов, способами крепления, но геральдическая составляющая изображений всегда была аналогична описанной выше (ил. 1).

Ил. 1

Берет № 2, имеющийся в нашем распоряжении, изготовлен в первой половине нулевых годов XXI в., был взят в качестве трофея Вооруженными силами России весной 2014 года в пункте постоянной дислокации частей морской пехоты Украины на территории Республики Крым в районе Феодосии. Берет изготовлен из шерстяного сукна черного цвета способом формовки из цельной заготовки. На правой и левой сторонах по центру высоты боковой части находятся металлические люверсы — по два на каждой стороне, служащие для вентиляции. Подкладка изготовлена из искусственного шелка черного цвета, состоит из сшитых между собой трех частей: донца, передней части и задней части. По центру донца подкладки находится пришитая по всему периметру деталь в виде ромба со стороной 85 мм из искусственной кожи черного цвета. Слева от этой детали на ткань белой краской нанесена надпись «59» — размер головного убора. В передней части берета к подкладке в верхней и нижней части пришита деталь из искусственной кожи черного цвета в виде прямоугольника размером 60 × 70 мм, служащая для защиты кожи от повреждений элементами крепежа знака принадлежности к роду войск. Справа в задней части в шов между донцем и боковой деталью вшита бирка из искусственной ткани белого цвета размером 20 × 50 мм в виде полосы, сложенной пополам. На бирке черной краской нанесены изображение женской шляпы с широкими

полями и надпись на украинском языке «АТВТ «Стиль-Модерн», м. Київ, вул. Бутлерова, 1, 2003 р. – 2004 р.» («АООТ «Стиль-Модерн», г. Киев, ул. Бутлерова, 1, 2003 г. – 2004 г.») — название предприятия-производителя, адрес и годы изготовления берета. Также имеется надпись, выполненная шариковой ручкой пастой черного цвета: «Кулик» — фамилия владельца. Снизу по краю берет обшит полосой искусственной кожи черного цвета шириной 20 мм, которая образует рукав, имеющий в задней части берета разрез. В рукав вставлен плетеный из синтетических нитей черного цвета шнур диаметром 5 мм, служащий для регулировки размера берета по голове владельца путем его утяжки.

Знак на берете, обозначающий принадлежность военнослужащего к подразделениям морской пехоты и специальной разведки ВМС Украины, располагается спереди по центру. Знак представляет собой круг диаметром 45 мм, изготовлен из синтетической ткани черного цвета. С обратной стороны имеется подкладка из синтетической ткани белого цвета. По периметру имеется бортик шириной 2 мм из пластизоля желтого цвета. В центре поля находится изображение розетки в форме вертикально расположенного овала высотой 35 мм и шириной 30 мм, состоящее из 30 лучей в форме пятиугольных геометрических фигур. В центре розетки находится овальное поле высотой 20 мм и шириной 13 мм, обрамленное по периметру рельефным кантом шириной 2 мм. Розетка и кант изготовлены из пластизоля желтого цвета, поле голубого цвета. В центре поля расположен малый герб Украины «трезубец» из пластизоля желтого цвета. Если смотреть на берет спереди, то справа на расстоянии 40 мм от вышеописанного знака находится второй знак в виде неправильного четырехугольника, полученного путем усечения правого нижнего угла тупоугольного треугольника. Знак изготовлен из приборного сукна малинового цвета, с обратной стороны имеется подкладка из синтетической ткани белого цвета. Размеры знака: высота слева 40 мм, высота справа 15 мм, длина сверху 80 мм, длина снизу 70 мм. По периметру знак обрамлен кантом в виде полосы шириной 2 мм. В левой широкой части знака расположено изображение адмиралтейского якоря высотой 20 мм в обрамлении венка из стилизованных листьев лавра диаметром 23 мм. Венок состоит из двух частей, перевязанных внизу лентой. Правая и левая часть венка доходят сверху до рыма якоря, который находится в промежутке. Кант, якорь и венок выполнены из пластизоля желтого

цвета. При надетом на голову берете знак находится над левым глазом военнослужащего. Способы крепления обоих знаков к берету — пришивание нитью по периметру либо на клеящий состав, как в описываемом случае. Встречался вариант изготовления знаков способом машинной вышивки изображений нитями из искусственного шелка (ил. 2).

Ил. 2

Берет и знаки на нем утверждены приказом министра обороны Украины № 150 от 12 июня 1995 г. «О введении в действие Правил ношения военной формы одежды военнослужащими Вооруженных сил Украины» и предназначены для ношения всеми военнослужащими частей и подразделений ВМС Украины, в том числе личным составом морской пехоты и Морского центра спецопераций. Однако личный состав морской пехоты продолжал по собственной инициативе с разрешения местных командиров в нарушение правил носить на беретах знак образца 1993 г., чтобы подчеркнуть свою элитность и отличие от корабельных и береговых моряков. Уставные знаки на беретах практически не использовались.

В начале 2000-х годов появился второй вариант знака-вымпела, который представлял собой пятиугольную геометрическую фигуру сложной формы: правая часть представляет собой треугольник с острым углом в вершине, лежащий на боку, левая часть имеет форму пятиугольного щита, который состыкован с правой частью, и они образуют единую фигуру. Поле знака разделено пополам: верхняя часть окрашена краской голубого цвета, нижняя — желтого цвета, в соответствии с расцветкой национального флага Украины. В левой части расположен пятисторонний

геральдический щит, поле щита голубого цвета, на поле изображение «трезубца». Знак изготовлен из пластмассы методом отливки. Крепление в виде двух приливов-шпилек с резьбой диаметром 3 мм, на которые накручиваются гайки-закрутки в форме вогнутого диска из черной пластмассы диаметром 12 мм. Длина знака 85 мм, максимальная высота 25 мм. Знак также изготавливался способом нанесения пластизоля на тканевую основу и способом машинной вышивки изображений нитями из искусственного шелка. Этот вариант вымпела просуществовал недолго и практически не носился (ил. 3).

Ил. 3

Весной 2014 г. после событий так называемого «евромайдана» Украина утратила часть территории в результате отделения Республики Крым и перехода ее в состав России. Большая часть личного состава расположенных на этой территории частей и подразделений морской пехоты Украины приняла присягу на верность Российской Федерации. Эвакуированные на территорию Украины морские пехотинцы, пожелавшие служить киевскому режиму националистов, осуществившему незаконный захват власти в стране, были сведены в подразделение, которое в августе 2014 г. было отправлено на восток страны на территорию Донецкой области, где велись активные боевые действия против вооруженных отрядов ДНР. Следует отметить, что ситуация со снабжением в вооруженных силах Украины оставляла желать лучшего все время их существования, начиная с 1991 г. Предметы формы одежды не были в этом плане исключением. Коррупция и воровство среди ответственных лиц вещевой службы приводили к тому, что зачастую головные уборы и знаки отличия, как и другие предметы форменной одежды, военнослужащие часто приобретали за свой счет. После февральского переворота на Украине командование блока НАТО обратило внимание на состояние вооруженных сил этого государства как возможного союзника, которого можно использовать для прямого боевого столкновения с армией России. Начались поставки из стран Европы различных видов помощи. В том числе предметов форменного обмундирования производства стран, входящих в НАТО,

которые по внешнему виду соответствовали тем, что использовались в украинской армии. Особенно часто встречались предметы обмундирования, используемые в вооруженных силах Федеративной Республики Германии.

Берет № 3, имеющийся в нашем распоряжении, изготовлен в первой половине 2010-х гг., был взят в качестве трофея Вооруженными силами ДНР осенью 2015 г. в районе Широкино. Берет изготовлен из шерстяного сукна черного цвета способом формовки из цельной заготовки. На левой стороне по центру высоты боковой части находятся два металлических люверса, служащие для вентиляции. Подкладка изготовлена из хлопчатобумажной ткани черного цвета, состоит из сшитых между собой трех частей: донца, передней части и задней части. По центру донца подкладки находится пришитая по всему периметру деталь в виде прямоугольника со сторонами длиной 60 мм и 45 мм из искусственной ткани пятнистой расцветки (пятна различной формы белого, голубого, серого, светло-коричневого и бежевого цветов). На ткань нанесены изображения краской черного цвета: четырехмоторный винтовой самолет, три раскрытых парашютных купола и стилизованный земной шар, на котором имеется надпись латинскими буквами «MFH INT. COMP». В передней части берета к подкладке в верхней и нижней части пришита деталь из натуральной кожи черного цвета в виде прямоугольника размером 60×60 мм, служащая для защиты кожи от повреждений элементами крепежа знака принадлежности к роду войск. На детали имеются рисунок и надписи, нанесенные краской серебристого цвета: стилизованный земной шар, на котором имеются надпись латинскими буквами «MFH INT. COMP», латинская буква «R» в круге, «Art.-Nr: 10103A», «Obermat: 100 % Wolle», «Innenmat: 100 % Baumwolle», арабские цифры «58», перечеркнутый крест-накрест таз для стирки, перечеркнутый крест-накрест утюг, латинская буква «A» в круге, стилизованное изображение шкуры животного. В передней части берета за подкладкой в районе вышеописанной детали находится вставка из твердого материала (предположительно, пластмассы), служащая основанием для беретного знака. Во вставке и сукне самого берета имеются четыре отверстия для крепления стандартного беретного знака принадлежности к определенному роду войск армии ФРГ. В нижний шов детали с изнаночной стороны вшита бирка из искусственной ткани голубого цвета размером 30 × 25 мм. На бирке краской

Ил. 4

черного цвета нанесены буквами латинского алфавита надписи, разобрать которые не представляется возможным, кроме слова «Germany». По всей вероятности, адрес производителя. Снизу по краю берет обшит полосой натуральной кожи черного цвета шириной 20 мм, которая образует рукав, имеющий в задней части берета разрез. В рукав вставлена плетеная из синтетических нитей черного цвета лента шириной 10 мм, служащая для регулировки размера берета по голове владельца путем его утяжки. Берет изготовлен немецкой компанией MFH (Max-Fuchs AG) Int. Comp., созданной в 1981 г., которая производит полный ассортимент тактической экипировки, в том числе военную форму одежды для вооруженных сил ФРГ. Беретный знак представляет собой несколько видоизмененный вариант знака образца 1993 г. Знак изготовлен методом литья из немагнитного металла. Геральдическая составляющая полностью соответствует той, что использовалась ранее. Элементы знака рельефные, прорезные, форма — овал, образованный корабельным канатом, на который наложен адмиралтейский якорь. Вверху канат пропущен через рым якоря, внизу перекрывается лапами. На веретено якоря наложен меч-ксифос и два стилизованных поднятых вверх птичьих крыла, состоящих из 16 перьев каждое. Канат, меч и крылья золотистого цвета, якорь — серебристого. Крепление знака состоит из шпильки с резьбой диаметром 2 мм, припаянной к обратной стороне, и гайки в форме вогнутого диска диаметром 23 мм, изготовленной из латуни методом штамповки. На внешней стороне гайки имеется

растительный орнамент. Высота знака 43 мм, максимальная ширина 28 мм (ил. 4).

После захвата власти на Украине националистами в результате государственного переворота 22 февраля 2014 г. страна до сегодняшнего дня управляется различными преступными режимами, основной идеологией которых была и есть ориентация на ценности коллективного Запада, вступление в НАТО, разжигание ненависти и проявление агрессии к русскоязычному населению восточных областей и соседней России. Избранный в 2014 г. президент Украины П. Порошенко начал реформировать вооруженные силы страны — переходить на натовские стандарты вооружения, изменилась структура подразделений, началась подготовка к ведению агрессивной войны с Российской Федерацией, отказ от советских традиций и насаждение в армии националистической идеологии. Все это происходило на фоне активных боевых действий на востоке Украины против ополченцев ДНР и ЛНР. Реформа коснулась также военной формы одежды и знаков различия украинской армии. Разработка дизайна униформы была поручена авторскому коллективу во главе с В. Гайдукевичем. В 2015 г. руководству Министерства обороны Украины был представлен первый проект. Для военнослужащих морской пехоты был предусмотрен черный берет. Беретный знак представлял собой вариант ранее существовавших, из композиции был убран канат, знак стал прямоугольной формы, изображение якоря и птичьих крыльев более стилизованным. Якорь наложен на крылья, на веретено якоря наложено изображение меча европейского типа, направленного острием вверх, так называемый «меч гетмана П. Сагайдачного», который заменил древнегреческий ксифос. Цвет всех элементов знака золотистый (ил. 5).

Ил. 5

Второй вариант проекта формы одежды предусматривал для военнослужащих морской пехоты берет черного цвета. Первый вариант беретного знака представлял собой овальный венок, правая часть которого состояла из дубовых листьев, левая из листьев лавра. В центре расположена композиция, состоящая из адмиралтейского якоря, перевитого канатом, на веретено якоря наложены два перекрещенных под углом 90 градусов ружья с колесцовыми кремневыми замками. Цвет знака золотистый. Второй вариант состоял из овального венка, правая часть которого состояла из дубовых листьев, левая — из листьев лавра. В центре расположено изображение парусно-гребного корабля — чайки, беспалубного плоскодонного челна запорожских казаков XVI–XVII вв. с развернутым парусом. Цвет знака золотистый. Для военнослужащих 73-го морского центра специальных операций ВМС предусматривался берет цвета морской волны (сине-зеленый). Беретный знак представлял собой овальный венок, правая часть которого состояла из дубовых листьев, левая — из листьев лавра. В центре расположена композиция, состоящая из двух перекрещенных боевых ножей, на которые наложено изображение морского конька (лат. Hippocampus) — небольшой морской лучеперой рыбы семейства игловых. Цвет венка золотистый, цвет ножей и морского конька серебристый. В целом по дизайну и композиции беретные знаки этого варианта напоминали знаки, используемые в вооруженных силах ФРГ (ил. 6).

Третий вариант проекта, представленный в 2016 г., предусматривал для военнослужащих морской пехоты и 73-го морского центра специальных операций ВМС берет цвета морской волны (сине-зеленый). Беретный знак морской пехоты был представлен в двух вариантах. Первый представлял собой круг, образованный изображением корабельного каната. Внутри круга находится композиция из перекрещенных под углом 90 градусов адмиралтейского якоря и ружья с колесцовым кремневым замком. Тренд якоря направлен вниз и вправо, приклад ружья вниз и влево. Цвет знака бронзовый. Второй вариант — круг, образованный изображением корабельного каната. Внутри круга находится композиция из перекрещенных под углом 90 градусов адмиралтейского якоря и «меча гетмана П. Сагайдачного». Тренд якоря направлен вниз и влево, рукоять меча вниз и вправо. Цвет знака бронзовый. Беретный знак для военнослужащих 73-го МЦ СпО ВМС представлял собой вертикально расположенный острием вверх «меч

Ил. 6

гетмана П. Сагайдачного», на клинок которого наложено стилизованное изображение профиля морского конька, хвост которого обвивает рукоять меча. Цвет знака бронзовый. Все вышеописанные беретные знаки остались только в виде проектов, не были утверждены, не изготавливались и не носились (ил. 7).

Окончательный проект новой формы одежды и знаков различия вооруженных сил Украины был утвержден президентом П. Порошенко и руководством ВСУ 5 июля 2016 г. Для военнослужащих морской пехоты и 73-го МЦ СпО ВМС был введен берет цвета морской волны (сине-зеленого). Беретный знак для морской пехоты представлял собой круг, образованный изображением корабельного каната. Внутри круга находится композиция из адмиралтейского якоря, на веретено которого по центру

Ил. 7

наложены два перекрещенных под углом 120 градусов ружья с колесцовыми кремневыми замками и «меч гетмана П. Сагайдачного», направленный острием вверх. Все элементы композиции объемные, прорезные. Диаметр знака 50 мм, изготовлен методом литья из немагнитного металла. Цвет бронзовый с переходами светлых зон в темные. Крепление знака состоит из двух проволочных колец, припаянных к оборотной стороне, и продетого в них отрезка латунной проволоки диаметром 1 мм и длиной 120 мм, сложенного пополам с образованием вверху кольца. Первая партия знаков была изготовлена с логической ошибкой: кремневые замки обоих ружей оказались на лицевой стороне. Получалось, что замок одного ружья находится на правой стороне, а второго — на левой. В дальнейшем были изготовлены новые формы для литья, и одно из ружей перевернули замком к оборотной стороне знака (ил. 8).

В сопроводительной записке к проекту формы одежды и знаков различия руководитель творческого коллектива авторов В. Гайдукевич написал: «Береты... наверное, будет недовольство и сопротивление в частях морской пехоты и десанта. Это предсказуемо, но в концепции утверждены новые цвета. Это стратегическое решение, и учитывая, как будут возмущаться «ватники» за границей, решение правильное. Возможно, для уменьшения недовольства в частях морской пехоты и десанта они будут пока носить береты старых цветов. Если нужен период адаптации для морской пехоты и десанта — будем искать время для психологической адаптации, разъяснений, пропаганды. Хочется надеяться на

Ил. 8

здравый смысл наших воинов, но не исключены скандалы, демарши, ультиматумы, угрозы и хлопанье дверью...» (перевод с украинского). Исходя из этих предложений, вначале были изготовлены первые партии новых беретов и знаков для них. Носилось это все военнослужащими редко и с большой неохотой, так как личный состав был в большинстве своем против отказа от традиционного цвета беретов. К 23 мая 2018 г. президент Украины П. Порошенко издал специальный указ о введении Дня морской пехоты Украины и замене беретов старого образца на новые. Церемония проходила в городе Николаеве, при этом не обошлось без «скандалов, ультиматумов и хлопанья дверью» — начальник пресс-центра ВМС ВСУ Олег Чалык по этому поводу сообщил: «Есть соответствующий приказ, обязательный для исполнения, одним из элементов является смена черного берета на новый — цвета морской волны. Кое-кто из морских пехотинцев отказался сменить береты. Большинство из них уже уволены в запас. Это их личная позиция. Но подавляющее большинство морпехов надело новые береты». При этом береты были выданы со знаками нового образца, который заменил тот, что был утвержден в 2016 г. Знак являлся вариацией на тему самого первого образца 1993 г. и образца из первого проекта 2015 г., из композиции были убраны канат, голубое поле, меч-ксифос. Форма знака стала более прямоугольной. На поднятые вверх птичьи крылья, состоящие из пяти перьев каждое, наложено изображение адмиралтейского якоря, на веретено якоря наложено изображение направленного остриём вверх «меча гетмана П. Сагайдачного». Цвет всех элементов

знака бронзовый с переходами светлых зон в темные. Крепление знака состоит из двух проволочных колец, припаянных к оборотной стороне знака, и продетого в них отрезка латунной проволоки, сложенного пополам с образованием вверху кольца. Изначально этот знак был предназначен для военнослужащих 73-го МЦ СпО ВМС, но при постоянно возникающей путанице, чехарде с дизайнерскими решениями и недовольстве был выдан для ношения и морским пехотинцам (ил. 9).

Ил. 9

Берет № 4, имеющийся в нашем распоряжении, изготовлен во второй половине 2010-х гг., был взят в качестве трофея Вооруженными силами России в 2024 г. в зоне проведения Специальной военной операции на территории ДНР. Берет изготовлен из приборного сукна цвета морской волны (сине-зеленого), состоит из сшитых между собой трех частей: донца, передней части и задней части. Подкладка не предусмотрена конструкцией. Снизу по краю берет обшит полосой искусственной ткани черного цвета шириной 30 мм, которая образует рукав, имеющий в задней части разрез. В рукав вставлен плетеный из синтетических нитей черного цвета шнур диаметром 1,5 мм, служащий для регулировки размера берета по голове владельца способом утяжки. Изготовлен, вероятно, на одном из многочисленных предприятий по пошиву одежды и головных уборов на территории Украины. Знак на берете, обозначающий принадлежность военнослужащего к 73-му МЦ СпО ВМС, представляет собой композицию, состоящую из расположенного вертикально острием вверх «меча гетмана П. Сагайдачного» и наложенного на клинок профиля морского конька, хвост которого обвивает рукоять меча. Знак изготовлен методом литья из немагнитного металла. Элементы знака рельефные. Крепление знака состоит из двух проволочных колец, припаянных к оборотной стороне знака и продетого в них отрезка латунной проволоки диаметром 1 мм и длиной 120 мм, сложенного пополам с образованием вверху кольца. Высота знака

53 мм, максимальная ширина 25 мм. Цвет знака бронзовый с переходами светлых зон в темные. Утвержден 5 июля 2016 г. По геральдической составляющей знак идентичен первоначальному неутвержденному варианту, но изображение морского конька другое, менее стилизованное (ил 10).

Ил. 10

1 сентября 2020 г. президент Украины В. Зеленский утвердил новую эмблему для берета морской пехоты и 73-го МЦ СпО ВМС, введенную приказом Министерства обороны Украины № 238 от 30 июня 2020 г., которая используется и в настоящее время.

Берет № 5, имеющийся в нашем распоряжении, изготовлен в первой половине 2020-х гг., был взят в качестве трофея Вооруженными силами России в 2024 г. в зоне проведения Специальной военной операции на территории ДНР. Берет изготовлен из шерстяного сукна цвета морской волны (сине-зеленого) способом формовки из цельной заготовки. На правой и левой стороне по центру высоты боковой части находятся металлические люверсы — по два на каждой стороне, служащие для вентиляции. Подкладка изготовлена из синтетической ткани черного цвета, состоит из сшитых между собой трех частей: донца, правой части и левой части. В передней части берета со смещением вправо к подкладке в верхней и нижней части пришита деталь из искусственной кожи черного цвета в виде прямоугольника размером 45 × 60 мм, служащая для защиты кожи от повреждений элементами крепежа знака принадлежности к роду войск. За подкладкой, в районе вышеописанной детали, находится вставка из

твердого материала (предположительно, пластмассы), служащая основанием для беретного знака. Знак на берете, обозначающий принадлежность военнослужащего к подразделению морской пехоты, располагается спереди со смещением вправо от центра. При берете, надетом на голову, он находится над левым глазом военнослужащего. Знак представляет собой адмиралтейский якорь, на веретено которого наложены два поднятых вверх птичьих крыла, состоящих из 9 больших перьев и 12 малых каждое, и «меч гетмана П. Сагайдачного», направленный остриём вверх. Цвет якоря серый, крылья и меч цвета бронзы. Крепление знака состоит из двух проволочных колец, припаянных к оборотной стороне знака, и продетого в них отрезка латунной проволоки диаметром 1 мм и длиной 110 мм, сложенного пополам с образованием вверху кольца. Высота знака 47 мм, максимальная ширина 35 мм. Изготовлен методом литья из немагнитного металла (ил. 11).

Ил. 11

В вооруженных силах Украины с момента их образования и до наших дней ситуация с обеспечением личного состава предметами военной формы одежды и знаками различия всегда была непростой по причине отсутствия разумного руководства, нормального финансирования и дисциплины. Все это усугублялось постоянной сменой власти, политических курсов, коррупцией и воровством. Утвержденные знаки различия носились и носятся одновременно с отмененными, в зависимости от желания отдельных командиров и каждого конкретного военнослужащего. Береты и знаки для них изготавливались различными

предприятиями-производителями — частично по заказу Министерства обороны, частично для свободной продажи в магазинах военного и тактического снаряжения, в том числе с помощью телекоммуникационной сети Интернет. Отследить историю появления того или иного образца представлялось задачей весьма сложной, но мы надеемся, что наше исследование будет полезно всем любителем военной истории, униформологии, создателям кинофильмов и художественных произведений, а также, возможно, нашим славным защитникам Отечества в зоне проведения Специальной военной операции для идентификации подразделений противника, находящихся на линии боевого соприкосновения.

Список литературы

1. Правила носіння військовоі форми одягу. Київ, Воэнне видавництво «Варта», 1995 р.
2. Правила носіння військовоі форми одягу. Київ, 2016.
3. https://www.gazeta.ru/army/2020/09/05/13237328.shtml (дата обращения 28.02.2024)
4. https://moda.hrest.info/2015/07/vsu-pereodenut-po-natovskim-standartam/ (дата обращения 28.02.2024)
5. https://zib.com.ua/ru/117212.html (дата обращения 28.02.2024)
6. https://www.pravda.com.ua/rus/news/2016/08/16/7117874/ (дата обращения 28.02.2024)
7. https://topwar.ru/142013-ne-vseh-ustroil-cvet-beretov-skandal-na-prazdnovanii-dnya-morskoy-pehoty-ukrainy.html (дата обращения 28.02.2024)
8. https://korrespondent.net/ukraine/4258374-voennym-yzmenyly-pravyla-noshenyia-formy-y-znakov-razlychyia (дата обращения 28.02.2024)

В. Б. Миловидов (Москва)

НЕИЗВЕСТНАЯ (РАНЕЕ НЕ ПУБЛИКОВАВШАЯСЯ) ФОТОГРАФИЯ ГЕРОЕВ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ

В ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ человека, который просил не афишировать его имя, находится около 400 фотографий, имеющих непосредственное отношение к Сталинградской битве. Происхождение этих снимков, со слов владельца, таково. В начале 1990-х гг. он обнаружил коробку негативов (пленок) в мусорном баке во дворе издательства «Известия». С развитием цифровых технологий в 2000-х гг. ему удалось отсканировать их и перевести из негатива в позитив. Анализ изображений, произведенный после обработки, показал, что эти фотографии являются некой отбраковкой или «некондицией» снимков, сделанных одним или несколькими фронтовыми корреспондентами. Именно по этой причине 95% вышеназванного материала никогда ранее не публиковалось. Электронные технологии позволили сохранить снимки в очень высоком качестве.

Среди этих фотографий есть одна, на которой запечатлены два офицера, командиры Красной армии С разрешения владельца появилась возможность провести исследование этого снимка и узнать, кто же изображен на нем.

Сразу следует отметить, что каких-либо достоверных сведений об авторстве этих снимков найти пока не удалось. Единственное, что их объединяет, это общая тема — Сталинградская битва. Вывод этот сделать несложно, на многих снимках хорошо видны легко узнаваемые здания и пейзажи Сталинграда и его окрестностей, а также понятен временной интервал: осень–зима 1942 г. — зима–весна 1943 г.

Сложность же опознания людей на исследуемом снимке в том, что, с одной стороны, отсутствует какая-либо информация об

Ил. 1. Исследуемая фотография. На снимке — командир 284-й стрелковой дивизии подполковник Николай Филиппович Батюк и бригадный комиссар Константин Терентьевич Зубков. Восточный берег Волги в районе Сталинграда, октябрь 1942 г. Автор неизвестен. Из частной коллекции

этом снимке, об этом говорилось выше. С другой стороны, запечатленные на снимке офицеры Красной армии стоят так, что совершенно скрыты их знаки отличия, это могло быть сделано намеренно, из соображений секретности.

Анализ изображения позволяет сделать вывод о том, что на снимке офицеры сухопутных войск Красной армии, причем офицеры старшего командного состава, а снимок сделан осенью 1942 г.

Из чего можно сделать такие выводы? В первую очередь — возраст офицеров, они немолодые, среднего возраста. Во вторую очередь — форма, точнее, шинели и головные уборы — шапки-ушанки. Шинели пошиты из качественного неворсованного сукна и хорошо пригнаны по фигурам. На одном из офицеров — очевидно, старшего из них, — надета каракулевая шапка-ушанка, что говорит о достаточно высоком звании. Отсутствие погон и хорошо видимый край петлицы на воротнике шинели другого указывают на временной промежуток до 1943 г. – осень 1942 г. (конец октября – начало ноября). На это же указывает

Ил. 2. Генерал-майор Н. Ф. Батюк. Весна–лето 1943 г. Автор неизвестен. https://ru.wikipedia.org

окружающий пейзаж — голые деревья, пожухлая трава. Дата установления снежного покрова в районе Сталинграда известна. В ночь на 7 ноября температура упала до минус 15 градусов, а первый снегопад был 20 ноября. Эти косвенные дополнительные данные позволили значительно сузить поиск, хотя и не полностью ответить на все вопросы, поскольку предположение о том, что снимок имеет отношение к «Сталинградской серии», могло оказаться ошибочным, а сама фотография в этой подборке оказалась случайно. Во всей подборке снимки сгруппированы по сериям с похожими сюжетами в разных ракурсах, но фотография с этими офицерами была единственной.

Поиск проводился из предположения, что на снимке изображены старшие офицеры сухопутного подразделения Красной армии, имеющие отношение к Сталинградской битве. На начальном этапе исследование проводилось исключительно в сети Интернет. Для этого был выявлен список частей и соединений советских войск, принимавших участие в Сталинградской битве[1]. Как известно, в ней принимали участие три фронта (с учетом переименований и переформирований) в составе 18 армий, 20 корпусов, 104 стрелковых, 9 кавалерийских, 15 артиллерийских и 33 авиационных дивизий. В этой последовательности в поисковике вводились название (номер) фронта, армии, корпуса, дивизии. Был составлен список командного состава, командиров, комиссаров и далее в сторону убывания.

Нелишне отметить, что если бы офицеры с исследуемой фотографии оказались в командном составе не дивизий, а, к примеру,

Ил. 3. Командующий 62-й армией генерал-лейтенант В. И. Чуйков (справа) и его подчиненные в разрушенном здании в Сталинграде. Слева — командир 284-й сд полковник Н. Ф. Батюк (фрагмент снимка). Сталинград, 1 января 1943 г. Фотография Георгия Зельмы. https://riamediabank.ru/

полков или подразделений меньшего звена, то поиск мог закончиться безрезультатно, поскольку даже среди командного состава дивизий личные (портретные) фотографии в сети Интернет были не у всех. Однако поиск именно среди командного состава дивизий дал результат.

Так, в самом конце списка стрелковых дивизий, принимавших участие в Сталинградской битве, среди комсостава 284-й дивизии были найдены офицеры, запечатленные на снимке, — командир дивизии Николай Филиппович Батюк (ил. 2–4) и бригадный комиссар Константин Терентьевич Зубков (ил. 5, 6). 284-я дивизия и ее командир были поистине героическими и неоднократно отмечались в сводках. В ее рядах воевал знаменитый снайпер Василий Зайцев.

Конечный результат оказался впечатляющим. Дело в том, что командир 284-й стрелковой дивизии Н. Ф. Батюк скоропостижно скончался 27 июля 1943 г. Довоенных снимков его в открытом доступе сохранилось мало. Возможно, в семейном архиве их больше. Фотографий Н. Ф. Батюка периода Великой Отечественной войны считаные единицы, а периода Сталинградской битвы и того меньше, учитывая, что дивизия, которой он

Ил. 4. В блиндаже командира 284-й сд полковника Н. Ф. Батюка (справа). У телефона — начальник штаба дивизии подполковник А. К. Садовский, слева облокотился на стол начальник штаба артиллерии дивизии майор И. М. Найман. Декабрь 1942 г. Фотография Георгия Зельмы. https://waralbum.ru

командовал, была в самом пекле сражения, на Мамаевом кургане, а командир руководил ее действиями, находясь там же.

Это в полной мере относится и к комиссару дивизии К. Т. Зубкову. В открытом доступе имеется всего три его снимка. Учитывая вышесказанное, можно смело утверждать, что обнаружение этой фотографии и опознание офицеров на ней — явление весьма примечательное.

Итак, на представленной фотографии командир и комиссар 284-й стрелковой дивизии — подполковник (а возможно, уже полковник) Н. Ф. Батюк и бригадный комиссар К. Т. Зубков. Они находятся в индивидуальной ячейке и ведут наблюдение при помощи артиллерийской буссоли в конце октября – начале ноября 1942 г.

Фотография постановочная, о чем говорят позы офицеров и положение фотографа (он находится как бы со стороны противника), снята не во время боя, что, впрочем, не делает ее менее интересной и информативной. Сфотографированы командир и комиссар дивизии в тот редчайший момент, когда им разрешили

Ил. 5. Полковник К. Т. Зубков.
Дата съемки неизвестна.
Автор неизвестен.
https://info@1418museum.ru1418

Ил. 6. Полковник К. Т. Зубков.
Дата съемки неизвестна.
Автор неизвестен

покинуть расположение и, по-видимому, отдохнуть и привести себя в порядок. Скорее всего, снимок сделан на восточном берегу Волги, в районе штаба армии или фронта. В этот день их застал корреспондент одной из центральных газет и попросил попозировать. Вероятно, это произошло в день торжественного вручения знаков различия и документов о присвоении звания полковника Н. Ф. Батюку. Это звание было ему присвоено 17 октября 1942 г. Несколько позже, в один из периодов затишья, командир и комиссар дивизии были вызваны в штаб, на левый берег Волги, где и был сделан этот снимок. Но точную дату установить пока не удалось.

В фотофонде ЦМВС РФ данная фотография отсутствует.

[1] https://stalingrad1942-1943.ru

В. В. Морозова (Санкт-Петербург)

АРХИТЕКТОР СКИДАЛЬСКИЙ

«...Нашим единственным утешением остаются вещи;
это бытовая мифология, в которой гасится
наш страх времени и смерти».
Жан Бодрийяр, «Система вещей»[1]

ОДНУ ИЗ НАДПИСЕЙ на колонне рейхстага в мае 1945 г. оставил Скидальский Абрам Моисеевич [ил. 1][2], 32-летний старший техник-лейтенант, начальник штаба 11-го отдельного штурмового инженерно-саперного Мариенбургского батальона 3-й штурмовой инженерно-саперной Неманской бригады Резерва Верховного Главнокомандования. «Архитектор Скидальский» — два слова, выведенных под углом, читаются на фотографии фронтового корреспондента Е. А. Халдея[3] [ил. 2[4]]. Снимок был публикован в книге «Автографы Победы» Е. А. Долматовского, принимавшего участие в поиске авторов надписей на здании немецкого парламента. В число «раскрытых» имен у немногочисленных исследователей в этой области Скидальский не попал. Нетипичность его автографа в том, что в качестве элемента самоидентификации он указал свою профессию, тогда как сотни других запечатленных фамилий чаще всего сопровождались наименованиями полков или родов войск, званиями, датами, топонимами. В июне 1945 г. А. М. Скидальский получил краткую служебную характеристику, в которой после перечисления его положительных качеств и недостатков ему была дана рекомендация вернуться к мирной профессии — архитектуре[5].

После тяжелых военных лет возросла социально-эстетическая значимость предметного окружения человека, бытового оформления жизни. Недавние творцы Победы, помимо восстановления

масштабных объектов промышленности, культуры, социальной инфраструктуры, формировали вещественное наполнение повседневности. Настольные и настенные украшения, игрушки, стаканы для карандашей, сувениры — все эти бессчетные тиражируемые «автографы времени», отодвинутые на второй план в 1941–1945 гг., тоже стали символами мирной жизни.

Ил. 1. Абрам Моисеевич Скидальский. 1969 г.

Не зная об архитекторе Скидальском и о подавляющем большинстве создателей атрибутов советского быта, люди, тем не менее, обладали коллективным неявным знанием о них — через массово повторяющиеся промышленные изделия ежедневного пользования, проникающие в жилые пространства и пребывающие в них столь долго, сколько позволяли эксплуатационные возможности этих изделий.

Фамилия Скидальских, проживавших в Астраханской области[6], встречается в краеведческих и мемуарных текстах, документах 1941–1945 гг., доступных в бумажных и электронных источниках. В 1-м томе «Книги памяти жертв политических репрессий. Из тьмы забвения» указано, что в марте 1919 г. в Астрахани во время контрреволюционного мятежа рабочих арестовали Моисея Лазаревича Скидальского (год рождения неизвестен). Арестованного расстреляли 12 марта 1919 г. «без предъявления конкретного обвинения» по «списку, утвержденному начальником Особого отдела при Реввоенсовете Каспийско-Кавказского фронта»[7]. Возможно, это был родственник Абрама Моисеевича Скидальского, упоминавшего в автобиографии, что «отец умер в 1918 г.»[8].

Абрам Моисеевич Скидальский родился 30 марта 1913 г. в Астрахани. В 1930 г. он окончил среднюю школу, переехал

Ил. 2. На колонне: «Архитектор Скидальский». Берлин, май 1945 г. Фотография Е. А. Халдея. 1945 г.

в Баку, где был взят учеником токаря по металлу на электромеханический завод[9], в 1933 г. поступил в Бакинский политехнический институт на архитектурное отделение. После 1-го курса перевелся в Московский архитектурный институт, в 1939 г. защитил диплом и получил квалификацию архитектора[10]. Работал в 8-й архитектурной мастерской при Моссовете[11], был заместителем главного художника Табачного павильона[12] на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке (ВСХВ).

В октябре 1939 г. Скидальский был призван военкоматом Коминтерновского района Москвы на действительную службу. К началу Великой Отечественной войны его часть размещалась на территории Литвы, где «выполняла специальные работы»[13]. А. М. Скидальский служил техником-маскировщиком на строительном участке № 78 в составе Управления начальника строительства (УНС) 210[14], занятого оборудованием Каунасского укрепрайона. Получив в июле 1942 г. звание военного техника

2-го ранга[15], до июня 1943 г. находился в составе военных комендатур и штаба Московского военного округа[16], в июле попал на фронт в составе 3-й шисб РГК. Бригада, в которой Скидальский начал службу в должности адъютанта ее командира, была переформирована из 65-й отдельной инженерно-саперной бригады РГК. Штурмовые инженерно-саперные части и соединения являлись новым видом инженерных войск, рожденным в ходе Великой Отечественной войны, опыт их использования приобретался в процессе боев[17]. Впервые бригада была использована как штурмовое саперное подразделение в августе 1943 г. на Западном фронте. Штурмовики-саперы в числе первых ворвались в г. Ельня (Смоленская область) и произвели очистку города от оставшихся фашистских захватчиков[18].

В журналах боевых действий[19] подробно зафиксированы мероприятия комендантской службы и прочие действия 3-й шисб РГК в период с мая 1943 г. по ноябрь 1945-го. Это заготовка лесоматериалов для постройки и ремонта мостов и штурмовых мостиков; устройство жердевых настилов, колейных и жердевых дорог. Устройство и ремонт кюветов и труб. Заготовка жердей для рогаток и «ежей», установка вертикальных масок. Изготовление плотов, паромов, саперных деревянных лодок. Разминирование дорог, населенных пунктов и сплошное разминирование местности; обезвреживание мин. Минирование мостов, устройство минных полей и минных шлагбаумов. Инженерная разведка дорог и систем траншей, проделывание проходов в минных полях и проволочных заграждениях. Возведение блиндажей, наблюдательных и командных пунктов, постройка огневых позиций, в том числе ложных. Сопровождение и пропуск артиллерии и транспорта через переправы. Штурм укрепленных полос противника в переднем крае обороны и населенных пунктов, занятых врагом. Упоминается также заготовка бойцами «материала для постройки памятника саперам-штурмовикам, погибшим в бою при штурме Нового Села 14.11.1943 г.» (Витебская обл.)[20].

В апреле 1944 г. 3-я шисб РГК вошла в состав 3-го Белорусского фронта. На территории Смоленской области в мае 1944 г. А. М. Скидальский проявил себя как опытный маскировщик, под артиллерийско-минометным огнем руководил работами по маскировке сооружений на опытном артполигоне в районе деревни Любавичи и в процессе строительства командного пункта «на высоте 208.0». За отличное выполнение специальных заданий, в том

числе за оформление инженерной выставки минно-взрывной техники, заслужившей отличную оценку командования фронта и начальника инженерных войск 3-го Белорусского фронта, Скидальский представлялся к награждению орденом «Красная Звезда», но в итоге был награжден медалью «За боевые заслуги»[21]. В июне 1944 г. участвовал в успешном наступлении на Витебск и Оршу, в их захвате, а также в разминировании последней.

За отличное выполнение поставленной задачи при форсировании Немана и прорыве обороны противника на Западном берегу 3-й шисб РГК было присвоено наименование «Неманская»[22]. На границе Восточной Пруссии в октябре 1944 г., помимо инженерно-саперной деятельности, батальоны и взводы бригады выступали как подвижные отряды заграждения (ПОЗ).

В конце 1944 г. А. М. Скидальский вступил в должность начальника штаба 11-го отдельного штурмового инженерно-саперного батальона (далее — 11 ошисб) в составе 3-й шисб РГК[23]. В последние месяцы войны на территории Западной Европы нашим войскам пришлось иметь дело с «увеличением плотностей инженерных сооружений и с увеличением их прочности, а овладение ими потребовало от войск особой выучки и наличия специально подготовленных для участия в блокировании и штурме» саперов-штурмовиков[24]. С их помощью получали освобождение Цеханув, Дзержаново и другие города. За успешный захват Мариенбурга и Штума в Восточной Пруссии 11-му ошисб было присвоено наименование «Мариенбургский»[25].

24–25 марта 1945 г. А. М. Скидальский отличился в боях за важные объекты в г. Олива (ж/д станция, газовый и сахарный заводы): «В условиях интенсивного артиллерийского и пулеметного огня противника находился с действующими штурмовыми группами батальона, где четко организовывал связь в части управления штурмовыми группами в бою». С 25 по 30 марта 1945 г. при штурме г. Данцига, форсировании р. Мертвой Вислы Скидальский в ряду действующих штурмовых групп батальона под вражеским огнем организовывал связь с подразделениями, способствуя успешному выполнению приказов командования. За эти операции он был награжден орденом Отечественной войны I степени[26], а бригада за овладение городом и крепостью Гданьск (Данциг) была награждена орденом Кутузова 2-й степени. За «образцовое выполнение боевых заданий командования в боях с немецкими захватчиками при овладении городами Штеттином, Гартцем, Пенкуном, Казакувом

и Шведтом и проявленные при этом доблесть и мужество» 11-й ошисб, в котором служил А. М. Скидальский, был награжден орденом Красной Звезды[27].

С 1 на 2 мая 1945 г. при строительстве моста под грузы в районе Флетер-Мюле (северо-западнее Берлина) между озерами Фильцзе (Vilzsee) и Рецзе (Rätzsee), А. М. Скидальский осуществлял заготовку и транспортировку элементов моста, лично руководил разведкой места постройки моста, а в ночное время — установкой двойной рамной опоры. «Благодаря исключительной настойчивости и требовательности к себе и подчиненным, обеспечил своевременное окончание строительства моста и пропуск мотомехчастей корпуса 67-й механизированной бригады». За эту операцию Скидальский представлялся к награждению орденом Отечественной войны II степени, но был награжден орденом Красной Звезды[28].

После соединения передовых отрядов наступающих войск с войсками союзников в районе Нойштадта 3 мая 1945 г. боевая деятельность 3-й шисб РГК была окончена[29]. С 4 по 7 мая 1945 г. бригада стояла в районе г. Зуккова (земля Мекленбург), где и встретила день Победы. Видимо, в один из этих дней А. М. Скидальскому удалось побывать в Берлине и сфотографироваться у стен рейхстага, а также оставить свою подпись на одной из его колонн[30]. Как отмечал Е. А. Долматовский, «...росписи на рейхстаге были неким стихийным движением, труднообъяснимым порывом, охватившими тех, кто участвовал в битве за Берлин, а затем передавшимися всем, кому доводилось быть в Берлине в первые послевоенные месяцы»[31].

В мае 1945 г. 3-я шисб РГК начала долгое возвращение на родину. Для участия в Параде Победы 24 июня 1945 г. в Москву от бригады было откомандировано 15 человек[32]. В середине июля 1945 г. бригада расположилась в Кенигсберге и вошла в состав Особого военного округа[33]. До ноября 1945 г. велись работы по подрыву не подлежащих восстановлению зданий, демонтажу станков артиллерийского завода для последующего вывоза, восстановлению школы, театра, Дома Красной Армии и Окружного дома офицеров. Также бойцы привлекались к караульной службе по охране военнопленных[34]. При 11-м ошисб была организована модельная мастерская по изготовлению макетов и моделей. В альбоме, посвященном фронтовому пути А. М. Скидальского, сохранились фотографии, на которых он запечатлен с макетами

крепости Пиллау[35]. Медали «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» были вручены Скидальскому начальником бригады Немировским в Кенигсберге на празднике 28-й годовщины Октябрьской революции 7 ноября 1945 г.[36] В ноябре 3-я шисб РГК была расформирована[37].

С сослуживцами Скидальский общался до самых преклонных лет, в его личном фонде в Музее Москвы хранятся письма боевых товарищей с воспоминаниями и фотографии послевоенных встреч. Всего за время войны был награжден двумя орденами и четырьмя медалями, в том числе медалью «За оборону Москвы»[38], благодарностями за участие в ряде операций, овладение рядом опорных пунктов, городов[39].

После демобилизации в ноябре 1945 г. А. М. Скидальский вернулся в Москву. Архитектор с высшим образованием, военный инженер, он работал в организации «Всекохудожник», во Всесоюзном объединении по торговой рекламе («Союзторгреклама») в должности архитектора-художника, на Скульптурно-производственном комбинате в должности художника-скульптора. В 1946 г. вступил в Союз архитекторов СССР. Создавал авторские образцы архитектуры малых форм, среди которых — телефонная будка, киоски, павильоны, торговое оборудование, интерьеры общественных зданий; занимался графическими работами (рекламными плакатами, этикетками, упаковкой, фирменными знаками, эмблемами), а также сувенирно-подарочными изделиями для промышленного выпуска. С 1965 г. работал художником в Союзглавнаучприборе Министерства приборостроения[40].

С середины – второй половины 1950-х гг. в штат промышленных предприятий стали вводиться должности художников. Они отвечали за эстетическую составляющую (не вступающую при этом в конфликт с технологическими процессами и особенностями материалов) проектируемого изделия, разработку новых образцов, оформление упаковки, товарных знаков. Чуть позже, в 1962 г., был учрежден Всесоюзный научно-исследовательский институт технической эстетики (ВНИИТЭ), осуществляющий информационное обеспечение в области технической эстетики и художественного конструирования для организаций, предприятий и специалистов всех ведомств.

1950–1970-е гг. стали интересным и насыщенным этапом развития предметного творчества в целом и сувенирной отрасли

в СССР в частности. А. М. Скидальский оказался одним из несметного числа художников — бывших фронтовиков, формирующих наполненность и характер предметного окружения советского человека. В создании материальной среды, быстро меняющейся, зависящей в том числе от ускорения смены ее элементов под влиянием промышленного прогресса и социальных требований, роль художника оказывается скрытой «за кадром». Без сомнений, Скидальский оставался архитектором, даже если его изделие могло легко поместиться на ладони. В 2016 г. племянник Абрама Моисеевича Дмитрий Аркадьевич Голубков упоминал, что его дядя «...гордился своей профессией и после войны воспитал не одно поколение архитекторов...»[41].

Внедрение методов художественного конструирования на рубеже 1950–1960-х гг. совпало с этапом активного применения полимеров во многих отраслях производства. Цель у этих совпавших во времени новшеств также была общая — создание удобных и надежных в эксплуатации, экономичных в производстве, отвечающих эстетическим требованиям промышленных изделий и товаров народного потребления. Сувенирную продукцию также не обошло повсеместное применение различных видов пластмасс, особенно если эти «прогрессивные материалы» применялись на основном производстве непрофильного для художественной продукции предприятия[42].

Одними из ранних игрушек-сувениров Скидальского были «Забавные фигурки животных», рекомендованные Главному управлению торговли Мосгорисполкома к массовому производству в 1955 г.[43], и фигурки спортсменов — медведей и людей[44]. Их модели разрабатывались Скидальским к VI Всемирному фестивалю молодежи и студентов 1957 г. в Москве, который стал своеобразной демонстрацией международного мира после войны 1939–1945 гг. Подготовка к фестивалю включала отработку тактики культурного диалога с иностранцами на территории, по которой чуть более десяти лет назад некоторые ступали как захватчики, а также отечественного гостеприимства. При том что обособленной сувенирной индустрии в стране не существовало, качеству сувениров уделялось пристальное внимание. Толчком к развитию советской сувенирной отрасли стал как раз VI Всемирный фестиваль 1957 г. В его преддверии были положительно восприняты и большое распространение получили человечки-спортсмены А. М. Скидальского — шаржированные фигурки

с утрированными «спортивными» пропорциями, поднимающие штангу, играющие в мяч, скачущие на лошади и т. д. У спортсменов разный цвет кожи — встречаются фигурки из неокрашенного белого полистирола, из желтого и из темно-коричневого. Это символизировало интернационализм, равенство участников фестиваля, чей символ — цветок с пятью разноцветными лепестками — был изображен на картонных коробочках, в которых человечки-спортсмены поступали на реализацию. В 1957 г. в журналах «Огонек» (№ 14, март) и «Новые товары» (№ 5, май), посвященных VI Международному фестивалю молодежи и студентов, на нескольких страницах были размещены, наряду с изображениями другой тематической продукции, цветные фотографии спортсменов Скидальского. За активное участие в подготовке и проведении фестиваля он получил благодарность[45], а выпуск спортсменов московской артелью инвалидов (позже — фабрикой) «Детская игрушка» продолжался и в начале 1960-х гг. Фотография футболистов из этой серии иллюстрировала статью Л. Вороновой «Нужны сувениры» в журнале «Декоративное искусство СССР» в 1959 г. (№ 8) в качестве положительного образца отечественной разработки, противопоставленного бездумному копированию сувенирной продукции западных стран.

В стране появлялись специализированные фабрики, комбинаты и объединения по производству сувениров, их изготовлением занимались также предприятия легкой и тяжелой промышленности, промысловые артели и артели инвалидов, колхозы и леспромхозы, исправительные учреждения. Одновременно формировалась разветвленная структура советской сувенирной линейки товаров. Сувенир имел вполне определенные функции — декоративные, утилитарно-декоративные, утилитарные и четкую адресованность по назначению и возможности использования в конкретно заданных условиях. Утверждение образцов и организация торговли были сосредоточены в Главкультторге Министерства торговли и его органах[46].

Большинство сувениров, за исключением плоскостных бумажных, — это миниатюрные объемные изображения, отражающие важные исторические события, раскрывающие черты текущего момента; это носители концентрированной информации, своеобразные капсулы времени. Являясь одним из наиболее мобильных видов декоративно-прикладного искусства, советская сувенирная скульптура не исключала высокого профессионализма,

яркого образного видения. «Скульптура малых форм — это мир поэзии и юмора, фантазии и мастерства... Все это очень человечный мир вещей, который вписывается в интерьер любого жилого помещения»[47].

Среди миниатюрных работ А. М. Скидальского присутствуют настольные скульптуры, игрушки-сувениры, шахматные фигуры, настенные маски, хозяйственные принадлежности — подставки, держатели для комнатных термометров, салфетницы, декоративная деревянная посуда.

Деревянные «фигурки-куколки», созданные Скидальским в 1960–1970-х гг., — это токарные игрушки высотой до 15 см. В отличие от фестивальных спортсменов, деревянные человечки оформлены в виде мужчин и женщин, олицетворяющих род деятельности: тут есть доярка, официантка, повар, клоун, врач, монтер, регулировщик, моряк, водолаз, летчик, космонавт; купальщица, рыбак, турист, охотник. В фигурках людей Скидальского можно увидеть собирательный образ советского общества, имеющего как нужные и важные профессии, так и время для активного отдыха. Детали простой формы (цилиндры, шары, конусы), яркие цвета, лица без прорисовки придают им максимальную декоративность. Лишь у космонавтов лица с эмоциями: все они улыбаются. Образцы деревянных космонавтов рассматривались на заседании творческой комиссии по декоративному искусству правления Союза художников СССР 25 декабря 1962 г. и были одобрены со следующим условием: «Внести изменения в образ космонавтов, переработав выражение лиц»[48]. Появились ли улыбки после этого замечания или же именно их следовало «переработать», неизвестно. Весной 2021 г. на выставке, посвященной 60-летию полета Ю. А. Гагарина в космос, Музей Москвы демонстрировал серию деревянных игрушек-космонавтов Скидальского. Согласно сопроводительному тексту, такие космонавты были в массовом производстве и продавались в московских магазинах подарков и сувениров[49].

Анималистическая серия настольных фигурок А. М. Скидальского разнообразнее антропоморфной и не менее выразительна. Медведь и бегемот, жираф и кенгуру, утка с утятами и лев, верблюд и буйвол[50] — каждый персонаж обладал своей скульптурной логикой. Далекие от натурализма, «забавные фигурки животных» Скидальского еще в 1955 г. заслужили сравнение с персонажами басен Михалкова[51]. Настольные фигурки — свинка, мишка[52], заяц,

собака, кошка, обезьянка, слон, бегемот[53] — изображены в виде так называемых «очеловеченных зверей», в формованной одежде, повторяющей силуэты детского гардероба тех лет. Выпускались под названием «Комические фигурки» из пластических масс московской фабрикой «Детская игрушка». В конце 1950-х гг. фотографии персонажей А. М. Скидальского в одном из советских журналов нашли отклик даже за границей. Художнику-архитектору пришло письмо от представителя педагогического училища в г. Циньдао (Китайская Народная Республика): «Мне очень понравились эти забавные фигурки. Мастерская по производству игрушек при нашем училище решила начать опытное производство таких игрушек». В письме была изложена просьба поделиться опытом изготовления игрушек и высказана надежда, что советский художник не откажется «помочь в деле эстетического воспитания китайских детей»[54].

Натура и сложившийся в восприятии человека образ зверя диктовали архитектору силуэт: вот коровка — в форме шарика, а бычок — в форме кубика. Бычок еще и с секретом: если его потянуть за нос (ноздри в виде деревянной трубочки), из угловатого туловища выдвигается крохотный ящичек[55].

Пластмассовых экзотических птиц с птенцами выпускала московская «Фабрика целлулоидных игрушек», в 1960-х преобразованная в завод игрушек «Малыш». В журнале «Советский Союз», 1962 г., № 1(143), была опубликована статья Георгия Балла «Кто лучше?», посвященная игрушкам А. М. Скидальского, с цветными фотографиями, где среди деревянных фигурок животных фигурировал пластмассовый тукан. Пара «Тукан с туканчиком» в ряду образцов предприятий Управления полиграфической промышленности и товаров Мосгорисполкома была утверждена к производству Художественно-техническим советом в апреле 1962 г., а «Пеликаны» (большой и малый) — в декабре 1962 г. [ил. 3][56]. Модель попугая в виде токарной игрушки хранится в фондах Музея Москвы[57] и в точности соответствует пластмассовому варианту.

На фабрике «Детская игрушка» в Москве с 1960-х гг. производили фигурки кошек — сидящей[58], выгнувшей спину[59] и лежащего котенка. Скульптура кошек выстроена на сочетании плоских срезов и округлых объемов: тело сидящей кошки можно сравнить с половинкой вертикально разрезанного яйца, где сторона среза — это грудка кошки, выпуклая часть — спина, а на

Ил. 3. Пеликаны. Москва, 1960-е гг. Из коллекции С. Кёпке (Берлин)

верхушке — шарообразная голова. Стоящая с выгнутой спиной кошка имеет силуэт подковы с острыми гранями, где лапы и тело сливаются в крутую дугу, с шарообразной головой и прямым хвостом-цилиндром [ил. 4]. Фотографии кошек Скидальского сопровождали статью «Химия — детям» в журнале «Крестьянка» (1964 г., № 6). Фигурка кошки с выгнутой спиной присутствует в интерьере комнаты коммунальной квартиры в новелле «Дядя Саша» (киноальманах «У нас есть дети», 1966 г.). Этих черных (реже — белых) кошек также можно отнести к игрушкам-сувенирам — они могли и украшать письменный стол, и служить забавой для ребенка. По воспоминаниям людей, детство которых пришлось на вторую половину 1960-х – 1980-е гг., такие кошки считались полноценными игрушками, любимыми за характерность и удобный для игры размер.

Хотя А. М. Скидальский был известен в своих кругах как «энтузиаст деревянной игрушки и настольной комической скульптуры»[60], самыми тиражируемыми стали варианты его работ в пластмассе. Экземпляры из дерева также рассматривались и утверждались на художественных и технических советах различных организаций. В личном фонде А. М. Скидальского в Музее Москвы имеется распоряжение Совета Министров Северо-Осетинской АССР, в котором мебельной фирме «Казбек» «в целях дальнейшего развития сувенирного производства по дереву» рекомендовалось приобрести образцы Скидальского — «наиболее оригинальные по форме и содержанию». Художественный совет при Совете Министров должен был рассмотреть указанные образцы, установить тираж и стоимость массового выпуска, а директор мебельной фирмы — организовать массовый выпуск принятых худсоветом сувениров[61].

Ил. 4. «Турист» и «Кошка, выгнувшая спину». Москва, 1970–1980-е гг.

К созданию сувениров призывались как профессиональные художники, так и мастера-умельцы народных промыслов. Для их привлечения в СССР организовывались конкурсы-смотры сувениров. Темы конкурсов диктовались либо датами, относящимися к группе значимых событий и личностей, либо не имели темы вообще и ориентировались на формальные признаки — «конкурс на лучший московский сувенир и памятный подарок» (Москва, 1964 г.)[62].

В 1967 г. к «50-летию Советской власти»[63] был приурочен конкурс на лучшие сувениры и памятные подарки, организованный Министерством приборостроения, средств автоматизации и систем управления. Участие в конкурсе принимали подведомственные министерству организации, коллективы авторов и индивидуальные авторы; одним из них был А. М. Скидальский. По результатам конкурса он получил сразу две премии — первую и третью. Первая премия в размере 200 рублей была присуждена ему за группу сувениров «Пожарник», «Винтовки», «Тигренок», «Мышка» и другие, а третья премия в размере 75 рублей — за письменный прибор с часами. Также по итогам конкурса было принято решение — предприятиям Главоргатехники и Главэлектроприбора «обеспечить освоение и выпуск в 1967 году»

письменного прибора с часами и сувениров «Тигренок» и «Мышка» по образцам художника Скидальского. Очевидно, что связь между полувековым юбилеем Советской власти и «мышкой» с «тигренком», удостоенных первой премии, была весьма относительная; формализм был присущ и тематическим конкурсам.

Письменные принадлежности в СССР также выступали в качестве сувениров: на корпус наносились надписи и/или изображения, в комплект включались художественно оформленные подставки, футляры. «Сувенирно-игрушечный» ряд в творчестве А. М. Скидальского гармонично дополняют всевозможные подставки для карандашей и ручек. С теплым юмором исполнены подставки в виде петушка (карандаши и ручки размещаются на месте перьев хвоста) и в виде набора садовых инструментов (карандаши и ручки имитируют рукоятки лопаты и грабель)[64]. Оригинальный настольный разъемный футляр-держатель «Пингвин» позволял хранить шариковую ручку в вертикальном положении[65]. Выпускался из пластмассы, с авторучкой в комплекте со второй половины 1960-х до второй половины 1980-х на ленинградском заводе «Союз» и на московском опытном заводе «Энергоприбор».

В 1970–1980-х гг. одной из наиболее тиражируемых подставок для пишущих принадлежностей работы Скидальского был «Турист»[66] — пластмассовый человечек в кепке с рюкзаком [ил. 4]. Туристические путешествия внутри СССР с начала 1950-х гг. становятся признаком мирного бытия, востребованной и доступной формой досуга советских граждан. Активный отдых для рабочих поощрялся, туристское движение развивалось в соответствии с государственной политикой в области охраны здоровья народа. К середине 1970-х гг. по размаху туристского движения СССР занимал одно из первых мест в мире, Центральный совет по туризму и экскурсиям был одной из крупнейших туристических организаций мира, предоставляющей услуги 26 млн туристов и 130 млн участников экскурсий в год[67]. «Наверное, фигуры шагающих по планете туристов с рюкзаками... могли бы быть эмблемой земного шара», — так в 1974 г. обозначил популярность туризма автор книги о советских сувенирах Э. И. Орловский[68]. Пластмассовый «турист» А. М. Скидальского, как принято говорить, «был у всех» (такого можно увидеть и сегодня в одном из служебных помещений ВИМАИВиВС). Он представлял собой устойчивую, основательную конструкцию с упрощенными до предела формами, гладкими поверхностями без деталей, с головой — однотонным шаром. При

этом у безликого «туриста» есть взгляд, обозначенный развернутым вбок козырьком кепки. Через плечи перекинуты капроновые веревочки, имитирующие лямки рюкзака, а сам рюкзак за спиной «туриста» — это емкость для канцелярских принадлежностей. Над козырьком кепки крепилась бумажная полоска с надписью «Турист». В преддверии Олимпиады 1980 г. в Москве завод-изготовитель менял надпись на «Олимпиада-80» или «Москва-80». Была разновидность «туриста», закрепленного на подставке в виде пластмассовой прямоугольной пластины.

Также тиражировался в пластмассе и был распространен в 1970–1980-х гг. стакан для карандашей в виде совы с объемными глазами[69].

В 1964 г. А. М. Скидальский создает шахматные фигуры «с учетом новых конструктивных образных решений»[70]. 10 сентября 1964 г. Шахматная федерация СССР обращалась с ходатайством к председателю художественного совета и к директору Скульптурно-производственного комбината Московского отделения Художественного фонда РСФСР о рассмотрении и утверждении шахмат Скидальского. В письме высказывалась просьба о скорейшей передаче в промышленность образцов шахмат в двух видах оформления фигур — цельных и расчлененных, для воспроизводства из пластмассы и дерева[71]. Днем позже датировано письмо к тому же адресату и с той же просьбой от Центрального Комитета ВЛКСМ[72]. Народный художник СССР Н. Н. Жуков также высоко оценил идею «шахмат современной формы» Скидальского. В отзыве, адресованном в 1965 г. Комбинату диорамно-макетных и художественно-исполнительских работ Московского отделения Художественного фонда СССР, Жуков отмечал простоту и «предельную выразительность» фигур, в которых «много мудрого и приятного глазу», а также «общую цельность и единство решения всей доски»[73].

А. М. Скидальский владел искусством группировки элементов и свойств конструируемого предмета для достижения его целостной и выразительной формы. Эстетическое отношение к миниатюрной вещи уравновешивалось авторской практичностью архитектора: «Как в основе архитектуры лежат законы строительного дела, так в основе создания предметного окружения лежат требования промышленного производства»[74].

Целесообразность внедрения какого-либо изделия в немалой степени зависела от величины основных производственных

затрат, на которые, в свою очередь, влияли конструктивные особенности изделия. Уменьшая вес изделия или упрощая его конфигурацию, можно было существенно снизить не только его себестоимость, но и художественную и функциональную ценность («турист» без утяжеления в ногах терял равновесие при перегруженности ручками и карандашами). «Все, что предлагалось художниками для промышленности, выпускалось с большими изменениями (упрощалось), да и то с большим, иногда до десяти лет, опозданием»[75].

В том числе по вышеназванным причинам лишь некоторые экземпляры мелкой пластики А. М. Скидальского — из десятков им задуманных — занимали прочное место в массовом производстве. Не всегда на этом месте оказывались лучшие по эстетическим критериям образцы, так как предприятие брало в расчет в первую очередь свои технические и материальные возможности. Изначальный вариант (модель) сувенира или игрушки часто упрощался и огрублялся еще на этапе изготовления форм для массового выпуска, тем более на непрофильном (не художественной направленности) предприятии.

Вопрос, согласно каким критериям предметы промышленного «ширпотреба» могут рассматриваться как художественные произведения, не имеет однозначного ответа. Ответ зависит от контекста и времени, в котором оказываются эти вещи, от взгляда на них, от эмоционального восприятия. Так, с уходом перьевых ручек «острота» идеи подставки в виде петушиного хвоста, где эти самые перьевые ручки занимали место птичьих перьев, сходила на нет. Работы Скидальского выручала их изначальная лаконичность — и в форме, и в росписи. «Турист» выпускался годами и даже десятилетиями. Меняя надписи на бумажной полоске над козырьком кепки, предприятие сопровождало сувенирной продукцией текущие события в стране (Олимпиада 1980 г.), одновременно «обновляло» ассортимент, а форма для отливки оставалась при этом неизменной. Многолетнее производство одного изделия, оказавшегося по определенным показателям удачным, обеспечивало вещественную наполненность (иногда — переполненность) временного отрезка на определенной территории и, следовательно, своеобразное единение обладателей этих фигурок — «и у меня такая же есть/была», или «у меня не было, но была у соседей/друга/бабушки». Эффект узнавания предметов советского ширпотреба даже постсоветским

поколением — интересное и недолговечное, трудно фиксируемое документально явление (его можно наблюдать в появившихся в 2000–2010-х гг. на территории России и некоторых бывших советских республик множестве частных музеев — так называемых музеев советского быта[76]). Говорить об угасании аттрактивности этих предметов еще рано. Рожденным и жившим в СССР, а отчасти и постсоветскому поколению, заставшему атмосферу родительского дома / места работы с их предметным наполнением из прошлого, еще не хватило времени отрефлексировать резкий переворот 1991 г., сопровождаемый такой же резкой сменой предметного окружения. Восприятие глобальной смены миропорядка, нарушенной повседневности со всем ее «советским» наполнением обретет объективность и должную чистоту в непрогнозируемо растянутой перспективе. Вещи прошлого, пережив этапы полного отрицания, забвения, способности вызывать ностальгические ассоциации, избавятся от заложенных в них функций и получат окончательный статус потенциального музейного предмета со всеми его атрибуционными потребностями.

Творческая жилка наравне с практичностью проявлялась у Скидальского и на девятом десятке лет. В 1994 г. компания, разместившаяся на территории одного из цехов карандашной фабрики им. Красина, планировала выпускать игрушки с конфетами внутри. Их предполагалось оформить в виде символов восточного (китайского) календаря, мода на который пришла в СССР в середине 1980-х. Возникли трудности с воплощением идеи, и в одной из газет было опубликовано объявление о поиске подходящих предложений, на которое откликнулся Абрам Моисеевич Скидальский. Он приехал и привез маленького деревянного поросенка — наступающий 1995 г. соответствовал зодиакальному году кабана (свиньи). Молодая компания воспроизвела этого поросенка в виде пустотелой пластиковой игрушки, которую было решено заполнить цветным драже. Как вспоминает Михаил Евгеньевич Энтин, владелец той самой компании, «Буся (Абрам Моисеевич в свои 82 года почему-то отзывался только на Бусю) оказался прав»[77]. Поросенок с конфетами имел спрос у покупателей, а компания более десяти лет продолжала свой бизнес в том же духе — пластмассовые игрушки с леденцами внутри, упаковка для производителей детских новогодних подарков.

В большей или меньшей степени война задела судьбы всех, чей профессиональный расцвет пришелся на 1950–1970-е гг. и чья

деятельность вплетена в ткань повседневности страны, которой больше нет. С приходом на российский рынок дешевых импортных товаров народного потребления отечественные разработки с их региональными особенностями и целые производства, переживающие кризис, не выдерживали конкуренции. Случай с поросенком московского художника скорее явился счастливым исключением.

Абрам Моисеевич Скидальский скончался в 2002 г.[78] Во втором десятилетии XXI в. его работы декоративно-прикладного характера демонстрировались в галереях и выставочных залах Берлина, региона Мекленбург и других городов современной Германии. Яркие и жизнерадостные изделия представителя московской школы декоративно-прикладного искусства, оставившего когда-то подпись на рейхстаге и встретившего Победу на Мекленбургской земле, были показаны как образцы советского промышленного дизайна в рамках проекта ZOO-Москва[79]. Сувениры и игрушки А. М. Скидальского хранятся в частных собраниях России и других стран, экспонируются в государственных и частных музеях. Документальный и вещественный архив архитектора передан родственниками в Музей Москвы.

---

[1] Цит. по: Малинкин А. Н. Коллекционер. Опыт исследования по социологии культуры. М.: ИД Гос. университета — ВШЭ, 2011. 192 с. (Исследования культуры). С. 88.

[2] ММ ОФ-32501/1. Ф. 491 Л/ф. № ГК 12664378. Фотография. Скидальский Абрам Моисеевич.

[3] Долматовский Е. А. Автографы Победы. М.: ДОСААФ, 1972. С. 135; 2-е изд. 1975. С. 139.

[4] ММ ОФ-32501/52. Ф. 491 Л/ф. № ГК 12664429. Фотография. Автографы. Май 1945 г. Фот. Е. Халдея.

[5] ММ ОФ-32501/50. Ф. 491 Л/ф. № ГК 12664428. Документ. Краткая служебная характеристика. Июнь 1945 г.

[6] Вариант: Скидельских.

[7] Книга памяти жертв политических репрессий. Из тьмы забвения. Т. 1: А–Я. 1918–1954 гг. Астрахань, 2000; Скидальский Моисей Лазаревич. Астраханская область / Открытый список: база данных жертв политических репрессий в СССР (1917–1991 гг.).

[8] ММ ОФ-32501/48. Ф. 491 Л/ф. № ГК 12664398. Автобиография. 27 ноября 1965 г.

[9] Там же.

[10] ММ ОФ-32501/2. Ф. 491 Л/ф. № ГК 12664410. Выписка из приказа № 111. 1939 г.

[11] ММ ОФ-32501/7. Ф. 491 Л/ф. № ГК 16871082. Справка за подписью академика Г. Гольца. 19 июля 1945 г.
[12] ММ ОФ-32501/48. Ф. 491 Л/ф. № ГК 12664398. Автобиография. 27 ноября 1965 г.
[13] ММ ОФ-32501/48. Ф. 491 Л/ф. № ГК 12664398. Автобиография. 27 ноября 1965 г.; ММ ОФ-32501/3. Ф. 491 Л/ф. № ГК 16886258. Удостоверение, выданное Управлением начальника строительства. 27 мая 1941 г.
[14] ММ ОФ-32501/4. Ф. 491 Л/ф. № ГК 16886263. Разовый пропуск № 1624. 8 июня 1941 г.
[15] ММ ОФ-32501/5. Ф. 491 Л/ф. № ГК 16886259. Справка, выданная Скидальскому А. М. 29 июля 1942 г.
[16] ММ ОФ-32501/48. Ф. 491 Л/ф. № ГК 12664398. Автобиография. 27 ноября 1965 г.
[17] ММ ОФ-32501/74. Ф. 491 Л/ф. № ГК 12664367. Статья подполковника запаса Каспарова Х. Г. 1980–1990 гг.
[18] Там же.
[19] ЦАМО. Ф. 30393. Оп. 1. Д. 4. Л. 53–116; Д. 14; Д. 35.
[20] Там же. Д. 14. Л. 36.
[21] ЦАМО. Ф. 30393. Оп. 1. Д. 14. Л. 72–74; ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 1966. Л. 91.
[22] ММ ОФ-32501/74. Ф. 491 Л/ф. № ГК 12664367. Статья подполковника запаса Каспарова Х. Г. 1980–1990 гг.
[23] ММ ОФ-32501/48. Ф. 491 Л/ф. № ГК 12664398. Автобиография. 27 ноября 1965 г.
[24] ММ ОФ-32501/74. Ф. 491 Л/ф. № ГК 12664367. Статья подполковника запаса Каспарова Х. Г. 1980–1990 гг.
[25] Там же
[26] ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 6529. Л. 249.
[27] ЦАМО. Ф. 30393. Оп. 1. Д. 35. Л. 84, 111, 113.
[28] ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 4239. Л. 202.
[29] ЦАМО. Ф. 30393. Оп. 1. Д. 35. Л. 108.
[30] Дмитрий Голубков и Лариса Лазутина приняли участие в праздновании Дня Победы в Одинцово: статья 10.05.2016 г. / Сайт Московского областного регионального отделения партии «Единая Россия»; ММ ОФ-32501/52. Ф. 491 Л/ф. № ГК 12664429. Фотография. Автографы. Май 1945 г. Фот. Е. Халдея.
[31] Долматовский Е. А. Автографы Победы. 1972. С. 10, 20.
[32] ЦАМО. Ф. 30393. Оп. 1. Д. 35. Л. 114.
[33] ММ ОФ-32501/74. Ф. 491 Л/ф. № ГК 12664367. Статья подполковника запаса Каспарова Х. Г. 1980–1990 гг.
[34] ЦАМО. Ф. 30393. Оп. 1. Д. 35. Л. 118–120.
[35] ЦАМО. Ф. 30393. Оп. 1. Д. 35. Л. 122; ММ ОФ-32501/51. № ГК 12664438. Фотоальбом. 1943 – ноябрь 1945 г.
[36] ММ ОФ-32501/89. Ф. 491 Л/ф. № ГК 16871007. Удостоверение А № 034812. 2 ноября 1945 г.; ММ ОФ-32501/91. Ф. 491 Л/ф. № ГК 16886260. Удостоверение к медали Д № 0230013. 2 ноября 1945 г.; ЦАМО. Ф. 30393. Оп. 1. Д. 35. Л. 129.
[37] Там же. Л. 129–130.
[38] ММ ОФ-32501/87. Ф. 491 Л/ф. № ГК 16871021. Удостоверение С № 046073. 25 сентября 1944 г.

[39] Пример: ММ ОФ-32501/58. Ф. 491 Л/ф. № ГК 16871002. Благодарность. 11 ноября 1945 г.
[40] ММ ОФ-32501/48. Ф. 491 Л/ф. № ГК 12664398. Автобиография. 27 ноября 1965 г.
[41] Дмитрий Голубков и Лариса Лазутина приняли участие в праздновании Дня Победы в Одинцово...
[42] Квасов А. С. Пластмассы. Технология и художественное конструирование изделий из них [Учебное пособие для студентов художественно-промышленных вузов]. М.: Высшая школа, 1976. С. 5, 10.
[43] ММ ОФ-32501/33. Ф. 491 Л/ф. № ГК 12664422. Письмо Научно-исследовательского института истории и теории архитектуры. 9 июля 1955 г.
[44] ММ ОФ-32501/32. Ф. 491 Л/ф. № ГК 12664395. Протокол № 1 заседания. 1957 г.
[45] ММ ОФ-32501/31. Ф. 491 Л/ф. № ГК 12664356. Благодарность Советского подготовительного комитета. 1957 г.
[46] Сувениры / Товарный словарь. Т. VIII. М., 1960. Ст. 489–490.
[47] Орловский Э. И. Сувениры. М.: Экономика, 1974. 184 с., XVI с. цв. фот. С. 52.
[48] ММ ОФ-32501/41. Ф. 491 Л/ф. № ГК 12664387. Выписка из протокола заседания. 25 декабря 1962 г.
[49] 13 апреля 2021 – 23 мая 2021. Выставка «К 60-летию полета в космос» / Музей Москвы: сайт.
[50] ММ ОФ-32501/46. Ф. 491 Л/ф. № ГК 12664368. Отзыв Народного художника СССР Жукова Н. Н. 12 июня 1965 г.
[51] ММ ОФ-32501/33. Ф. 491 Л/ф. № ГК 12664422. Письмо Научно-исследовательского института истории и теории архитектуры. 9 июля 1955 г.
[52] Например: ММ ОФ-32598/144. Инв. № 133-ДР. № ГК 7032428. Скидальский А. М. Фигурка-куколка «Мишка».
[53] ММ ОФ-32501/33. Ф. 491 Л/ф. № ГК 12664422. Письмо Научно-исследовательского института истории и теории архитектуры. 9 июля 1955 г.
[54] ММ ОФ-32501/40. Ф. 491 Л/ф. № ГК 12664348. Письмо У Да-пэна. 24 февраля 1960 г.
[55] ММ ОФ-32598/151. № ГК 16901029. Скидальский А. М. Фигурка-куколка «Коровка»; ММ ОФ-32598/153. № ГК 16901046. Скидальский А. М. Фигурка-куколка (коробочка) «Бычок».
[56] Köpcke S., Weinhold V., Soboleva D. ZOO Москва. Aufbruch in die Moderne. Spielzeugtiere der Sowjetunion 1950-1980. Dresden: Museum der Landeshauptstadt; Stadtmuseum Dresden, 2019. S. 125.
[57] ММ ОФ-32598/147. Инв. № ДР-134. № ГК 16901020. Скидальский А. М. Фигурка-куколка «Попугай».
[58] ММ ОФ-32598/165. Инв. № 173-ДР. № ГК 16874873. Скидальский А. М. Скульптура декоративная настольная «Сидящая кошка».
[59] ММ ОФ-32598/166. Инв. № 174-ДР. № ГК 16874871. Скидальский А. М. Скульптура декоративная настольная «Кошка, выгнувшая спину».
[60] ММ ОФ-32501/42. Ф. 491 Л/ф. № ГК 12664440. Рекомендация Народного художника СССР... 30 января 1964 г.
[61] ММ ОФ-32501/47. Ф. 491 Л/ф. № ГК 12664357. Распоряжение... 20 апреля 1971 г.

[62] Конкурс на лучший московский сувенир и памятный подарок: [Приглашение] / Редакция газеты «Вечерняя Москва»; Мосгорсовнархоз; Министерство торговли РСФСР и др. Москва, [1965] // РГБ.
[63] ММ ОФ-32501/43. Ф. 491 Л/ф. № ГК 12664394. Приказ Министра... 19 июля 1967 г.
[64] ММ ОФ-32598/323. № ГК 16881817. Скидальский А. М. Подставка настольная для ручек «Петушок»; ММ ОФ-32598/216. № ГК 16901007. Скидальский А. М. Подставка настольная для ручек «Садовые инструменты».
[65] ММ ОФ-32598/212. № ГК 16901051. Скидальский А. М. Подставка настольная для ручек «Пингвин».
[66] ММ ОФ-32598/294. № ГК 9160019. Скидальский А. М. Стакан для карандашей «Турист».
[67] Большая Советская Энциклопедия. Т. 26. Тихорецк–Ульяново. 3-е изд. М.: Советская Энциклопедия, 1977. С. 333.
[68] Орловский Э. И. Сувениры. С. 5.
[69] ММ ОФ-32598/243. № ГК 16901063. Скидальский А. М. Стакан для карандашей «Сова».
[70] ММ ОФ-32501/48. Ф. 491 Л/ф. № ГК 12664398. Автобиография. 27 ноября 1965 г.
[71] ММ ОФ-32501/44. Ф. 491 Л/ф. № ГК 12664393. Письмо Шахматной федерации. 10 сентября 1964 г.
[72] ММ ОФ-32501/45. Ф. 491 Л/ф. № ГК 12664408. Письмо ЦК ВЛКСМ. 11 сентября 1964 г.
[73] ММ ОФ-32501/46. Ф. 491 Л/ф. № ГК12664368. Отзыв Народного художника... 12 июня 1965 г.
[74] Аронов В. Р. Художник и предметное творчество. Проблемы взаимодействия материальной и художественной культуры XX века. М.: Советский художник, 1987. С. 11.
[75] Кирсанова Р. Отчет «самовидца»: предисловие // Андреева И. Частная жизнь при социализме: отчет советского обывателя. М.: НЛО, 2009. С. 7.
[76] По образцу московского магазина-музея «Сделано в СССР».
[77] Сидоров М. Недетский бизнес: статья от 11.05.2005 // Деловая газета «Бизнес».
[78] ЦАМО. ВК г. Москвы, Ф. Замоскворецкий РВК, Д. 21000212. Алфавитная карта.
[79] Köpcke S., Weinhold V., Soboleva D. ZOO Москва. S. 125; ZOO MOCKBA: сайт / Köpcke Sebastian, Weinhold Volker. Berlin, 2025.

Э. В. Оболонская (Санкт-Петербург)

МОДЕЛИ АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ВООРУЖЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ТЕХНИКИ ПЕРМСКОГО ПУШЕЧНОГО ЗАВОДА, ХРАНЯЩИЕСЯ В ГОРНОМ МУЗЕЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ЭКСПОНАТЫ ГОРНОГО МУЗЕЯ Санкт-Петербургского горного университета[1] иллюстрируют самые яркие страницы истории Пермского пушечного завода императорской России. Научно-техническое собрание Горного музея отражает историю горного дела в целом и историю горных казенных заводов в частности. Образцы Горного музея были своеобразным наглядным пособием. Их передавали в музей с различных предприятий, поскольку здесь готовили специалистов для горных заводов. Заводские экспонаты заключали в себе передовые достижения отечественной промышленности. Часть из них были переданы с Пермского пушечного завода. В дореволюционной России это был казенный завод, который подчинялся Горному ведомству. Завод был образован в середине 1860-х гг. в поселке Мотовилиха, и основная его задача заключалась в производстве нарезных орудий больших калибров для береговой и морской артиллерии. Пермский пушечный завод в историографии порой называют во множественном числе — Пермские пушечные заводы, поскольку первоначально он состоял из двух заводов — сталепушечного и чугуннопушечного, которые затем объединили. В истории промышленности Пермские заводы часто именуют «Мотовилихинские заводы». Это название перешло к современному предприятию.

Построил и оснастил оборудованием Пермский сталепушечный завод, наладил там производство артиллерийского

вооружения выпускник Горного института, а впоследствии и его директор в 1885–1892 гг. (уже после отставки с Пермского завода) Николай Васильевич Воронцов (1833–1893). Он строил завод по собственным чертежам.

Уже в январе 1864 г. были проведены первые удачные плавки, а в апреле отлиты первые четыре орудийные болванки. Подполковник И. П. Котляревский, командированный на Урал с целью обзора местных заводов и технических новшеств, отмечал: «Сталь капитана Воронцова обладает отличными качествами в инструментах и, будучи совершенно мягкою, связывается в узлы и расплющивается в самые тонкие пластины без малейших трещин»[2]. В Горном музее хранятся стальные стержни из литой стали от 15 до 30 мм в диаметре, завязанные в узлы на разный манер в холодном состоянии. С большой долей вероятности часть этих экспонатов поступила с Пермского сталепушечного завода. Таким образом демонстрировалось одно из важнейших качеств металла — вязкость, или «мягкость». Например, артиллерийский или ружейный ствол из вязкой стали при превышающем норму заряде не даст трещину и не разорвется, а растянется.

Весной 1865 г. завод получил первый большой заказ от Главного артиллерийского управления (ГАУ): на 100 орудий 4-фунтовых и 50 — 12-фунтовых. 27 июля этого же года первая партия готовых пушек была торжественно отправлена в столицу[3]. В это же время начались и неудачи: летом и осенью несколько пушек взорвались на испытательном полигоне[4] и ГАУ прекратило прием пушек с Пермского завода. После сложного периода и ряда неудач Воронцову удалось наладить выпуск качественных орудий. Им была усовершенствована технология выплавки стали и металлообработки. Воронцов организовал на предприятии лабораторию с новейшим европейским и отечественным оборудованием, в которой постоянно проводил исследования металла. Им также был составлен проект «прокатного станка и сталепудлинговых печей»[5] и заведено свое пудлинговое производство. В начале 1867 г. Пермский завод получил новый наряд от ГАУ в 120 орудий[6].

В 1869–1972 гг. успешно прошли опыты с 9-дюймовыми нарезными стальными скрепленными кольцами орудиями береговой артиллерии образца 1867 г. Эти орудия были скреплены кольцами по методу российского ученого, генерала от артиллерии

А. В. Гадолина. Изготовленные таким образом стволы орудий, впоследствии получившие название «скрепленных», выдерживали огромные давления пороховых газов. Это дало возможность значительно повысить их мощность и увеличить дальнобойность, не повышая общего веса системы[7]. В 1872 г. из Мотовилихи доставили такое орудие в Петербург, где оно прошло испытание на Волковом поле — артиллерийском испытательном полигоне. Эта пушка в 1874 г. с полигона была передана в Артиллерийский музей (в настоящее время — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи), где ее сегодня можно видеть в экспозиции. Орудие имеет затвор поршневой системы Пермских заводов и установлено на лафете системы С. С. Семенова[8]. Выставочная этикетка к орудию гласит, что это 9-дюймовая (229-мм) береговая пушка образца 1867 г., изготовленная на Пермском сталепушечном заводе в 1871 г. по проекту Н. В. Маиевского, имеет дальность стрельбы 6400 м, скорострельность 1 выстрел в 3 мин., начальная скорость снаряда — 408,8 м/с. Такая пушка, прежде всего, служила для борьбы с броней кораблей. Ее бронебойный снаряд на расстоянии одного километра пробивал броню толщиной до 203 мм. Орудие выдерживало до 700 выстрелов. Для того времени оно обладало передовыми технологиями. Многие государства Европы после испытания русской 9-дюймовой пушки отказались от ранее введенных артиллерийских систем англичанина Армстронга и приняли на вооружение русский образец[9].

В Горном музее находится модель 9-дюймового орудия береговой артиллерии образца 1867 г. (№ ТХВ-5) в комплекте с моделями чугунных бронебойных снарядов со свинцовой оболочкой (№ ТХВ-15/1-5) в масштабе 1:8. Всего в коллекции представлены три модели орудий Пермского пушечного завода. Во время Великой Отечественной войны модели сильно пострадали и имеют утраты. Их первоначальное качество отражает фотография 1930-х гг., где они все были представлены в экспозиции одного из залов Горного музея (ил. 1). На переднем плане фотографии как раз и находится модель описываемой 9-дюймовой береговой пушки на лафете Семенова. Модель была изготовлена на Пермском сталепушечном заводе специально для Московской политехнической выставки 1872 г., где широко был представлен артиллерийский отдел. Этот отдел курировал эксперт в области артиллерии генерал-лейтенант Николай Ефимович Бранденбург

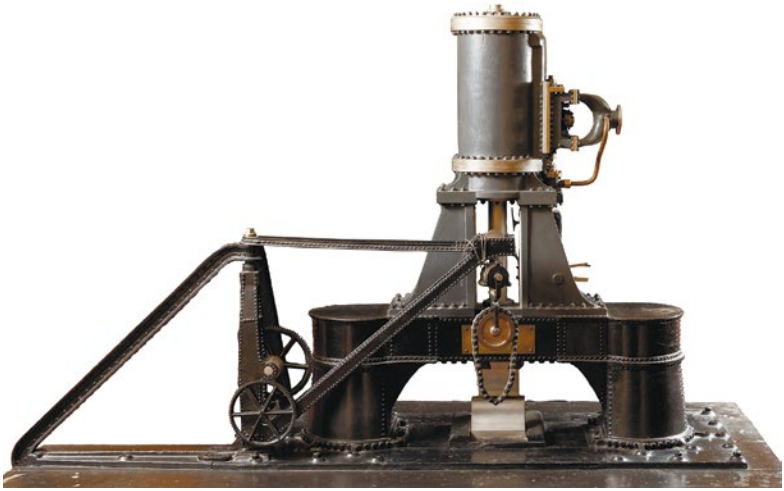
Ил. 1. «Зал VII. Техническое собрание». На переднем плане — модель нарезного скрепленного кольцами 9-дюймового орудия береговой артиллерии (№ ТХВ-5); в центре — модель нарезного двуствольного 120-мм артиллерийского орудия, спроектированного горным инженером М. Д. Назаровым (№ ТХВ-6); на заднем плане — модель «Уральской царь-пушки», 20-дюймового орудия береговой артиллерии (№ ТХВ-3). Фотография 1930-х гг. Горный музей. Фонд истории института

(1839–1903). За деятельное участие в организации выставки он был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени и в том же году назначен заведующим Артиллерийским музеем, которым руководил до конца жизни[10]. Модель стальной 9-дюймовой пушки после завершения выставки была передана в Горный музей вместе с другим экспонатом выставки — моделью «чугунного орудия с лафетом и платформой. 20-дюйм.»[11]. Это орудие береговой и морской артиллерии Пермского чугунно-пушечного завода в масштабе 1:8 (№ ТХВ-3). Модель чугунной пушки можно видеть на заднем плане упомянутой фотографии музейного зала 1930-х гг. Она находится на лафете, установленном на платформе, и снабжена краном для подъема ядер. Рядом с пушкой находится комплект ядер (№ ТХВ-20/1-4) в том же масштабе. Это модель знаменитой Уральской царь-пушки, или Пермской царь-пушки. У нее своя история.

Еще в августе 1864 г. рядом со сталепушечным заводом произвели закладку чугуннопушечного. Строительство завода возглавил Г. Л. Грасгоф (с 1871 г. директор Горного департамента). Завод строился ради производства крупнокалиберных гладкоствольных чугунных пушек, поскольку производство стальных нарезных орудий еще не было налажено. Чугунные пушки планировалось отливать по методу Родмана, заимствованному в США[12]. В 1868 г. была изготовлена опытная 20-дюймовая пушка. Она была успешно испытана, произведя 313 выстрелов, но в серию не пошла. В это время добились производства качественных 9-дюймовых стальных нарезных орудий и от гладкоствольных отказались. В настоящее время Пермская царь-пушка принадлежит Музею истории ПАО «Мотовилихинские заводы» и экспонируется около здания музея. Пушка весит 2800 пудов, что на 300 пудов тяжелее московской бронзовой Царь-пушки[13].

Модели стальной 9-дюймовой и чугунной 20-дюймовой пушек представляли на Политехнической выставке два Мотовилихинских завода — сталепушечный и чугуннопушечный. В 1871 г. произошло их слияние в единое предприятие — Пермский пушечный завод. Директором был назначен Н. В. Воронцов. Слияние было произведено «в том предположении, чтобы в случае приготовления чугунных орудий, одетых стальными кольцами, производство это не встретило препятствия»[14]. Главной задачей Пермского пушечного завода был выпуск орудий больших калибров. Стальных отечественных орудий хорошего качества производилось недостаточно, и по этой причине ГАУ поставило Горному департаменту задачу организовать на Пермских заводах производство чугунных орудий, скрепленных стальными кольцами. Это было необходимо для вооружения береговой и морской артиллерии, чтобы противостоять броненосцам. Объединенный завод изготовлял из чугуна орудия для крепостной артиллерии: 12-фунтовые пушки, 24-фунтовые длинные и короткие пушки, 11-дюймовые береговые пушки, 8-дюймовые и 9-дюймовые мортиры[15].

Одной из наиболее известных работ Воронцова стало проектирование и строительство 50-тонного парового молота для проковки крупных стальных пушечных болванок в период с 1869 по 1875 г. Сам молот не сохранился, но в Горном музее находится его действующая модель в масштабе 1:12 (№ ТП-95/1) (ил. 2). В настоящее время эта модель признана памятником науки и техники 1-й категории. Она была изготовлена на Пермском



Ил. 2. 50-тонный молот конструкции Н. В. Воронцова. Модель. 184 × 156 × 90 см. Масштаб 1:12. Пермские пушечные заводы. 1873 г. Горный музей. № TII-95/1

сталепушечном заводе и экспонировалась на Венской всемирной промышленной выставке в 1873 г. За нее Пермский пушечный завод был награжден в Вене «медалью заслуг», а Н. В. Воронцов за выдающееся изобретение — «медалью сотрудничества»[16]. Вместе с моделью на выставке был представлен чертеж молота. После закрытия выставки модель молота была передана в Горный музей[17]. В музее также находится «Чертеж общего расположения 50-тонного парового молота, устроенного на Пермских заводах Горным Инженером Воронцовым» (№ TV-22), приобретенный профессором Горного института И. А. Тиме в 1874 г. для «Музеума института»[18].

Воронцову, прежде чем монтировать молот, необходимо было установить стул, или шабот, который принимал на себя основную силу удара молота. Современники называли эпохальным событием в горнозаводском деле изготовление самой крупной в истории литейного дела отливки — 620-тонного чугунного шабота Пермского молота[19]. Для размещения формы понадобился кессон глубиной 40 м, дно его располагалось на 25 м ниже уровня воды в реке Каме. Колоссальные трудности были связаны с устранением воздействия грунтовых вод и плывунов. Для

заливки формы потребовалось почти 650 т чугуна, почти суточная выплавка крупной доменной печи. Около формы был построен специальный металлургический цех для производства чугуна. Отливка проводилась 26 января 1873 г. из 14 вагранок одновременно четырьмя плавками с перерывами в общей сложности в течение 27 часов при участии 700 рабочих[20]. Внутри литейной формы перед заливкой был отслужен молебен с участием хора певчих и начальствующих лиц[21]. Остывание шабота шло медленно. 24 февраля 1873 г. температура чугуна в форме достигла 700 °С, 26 марта — больше 300 °С, и только 7 октября стул освободили от формы, перевернули и установили на место[22].

17 февраля 1875 г. строительство 50-тонного молота было закончено. Воронцов сразу приступил (без испытаний) к ковке болванок для 11-дюймовой пушки. Болванка вышла весом в 400 пудов (6,5 т). Ковка продолжалась всего три часа. Управление молотом было легко и удобно. Во время ковки, несмотря на страшную силу удара, сотрясения были ничтожны. Это говорило о рациональном устройстве фундамента и стула. По словам И. А. Тиме, «все сооружение 50-тонного молота представляет собой шедевр механического искусства»[23]. Тиме также отмечает: «При таком относительно невысоком состоянии механического дела у нас, Н. В. не задумался соорудить домашними средствами 50-тонный молот. В то время в Европе существовал, в вид диковинки, только один 50-тонный молот на заводе Круппа. Доступ в этот завод иностранцам был строго воспрещен, а потому Н. В. пришлось разработать проект молота вполне самостоятельно во всех деталях. Пермский молот устроен с верхним паром, а следовательно, сила удара его в 2,5 раза превосходит силу удара Крупповского молота»[24]. Молот начал работать в 1875 г., был демонтирован в 1923 г. В советское время изображение чудо-молота вошло в эмблему Перми.

Еще один экспонат Горного музея рассказывает о модернизации завода — модель генератора для дров Пермских пушечных заводов в масштабе 1:12 (№ ТП-25). Такое устройство служило для получения горючего газа из твердого топлива. Представляет собой вертикальный генератор с горизонтальной решеткой и трубой, предназначенный для производства генераторного газа сухой перегонкой из дров. Состоит из собственно генератора и трубы, создающей тягу. В нижней его части находятся колосниковая решетка, зольник и дверка. Засыпка дров производится сверху

через прямоугольную засыпную коробку, обеспечивающую изоляцию внутреннего пространства генератора. Отток газообразных продуктов горения осуществляется через трубу, отделенную от генератора каналом с подвижной заслонкой. Труба квадратного сечения снабжена съемной крышкой и отверстием для отвода генераторного газа (ил. 3).

Ил. 3. Генератор для дров Пермских пушечных заводов. Модель. 73×50×24 см. Масштаб 1:12. Россия. 1896 г. Горный музей. № ТII-25

Впервые колошниковые газы доменных печей в качестве топлива были применены в 1811 г. Оберто во Франции. В 1830-х гг. появились первые генераторы — устройства для получения газов из твердого топлива, построенные Томасом во Франции и Бишофом в Германии. В середине XIX в. генераторы получили широкое применение. Их внедрением активно занимались Эбельмен во Франции и Ф. Сименс в Германии. В 1870-х гг., когда генераторные газы начали применять в печах Сименса–Мартена, они приобрели важное значение в металлургии. Генераторы использовали разные виды твердого топлива: кокс, торф, дрова, опилки, хвою и пр. Применялись самодувные генераторы (с трубой) и генераторы с дутьем. Во второй половине XIX в. было разработано много конструкций генераторов. Они, как правило, были небольшого размера и размещались ниже металлургической печи, в которую доставляли топливо, по несколько штук вместе, имея один общий отводной канал для газа[25].

На Пермском заводе использовались самодувные генераторы для дров. Ими на заводе были оборудованы печи Сименса–Мартена, работающие на горючем газе. Первая такая печь была запущена в 1875 г.[26] Модель генератора для дров Пермских

пушечных заводов была заказана для Горного музея мастеру-модельщику Смирнову и поступила в 1896 г.[27] Само наличие такой модели в Горном музее является свидетельством того, что подобное устройство применялось на заводе.

1870-е годы стали периодом расцвета Пермского пушечного завода. Здесь заработал самый мощный в мире 50-тонный паровой молот, были построены 10 тигельных печей Сименса и 4 мартеновские печи. По проекту Воронцова были построены большие механические мастерские, где насчитывалось 400 станков и работало около 700 человек[28]. Установка нового оборудования позволила наладить производство 9- и 11-дюймовых стальных пушек. Пермский пушечный завод по мощности и оснащенности занял одно из первых мест в мире.

В 1900 г. в Горный музей поступила еще одна модель орудия Пермского пушечного завода — экспериментальная разработка, не пошедшая в производство. Это модель нарезного двуствольного 120-мм артиллерийского орудия в масштабе 1:5 (№ ТХВ-6). Орудие разработано выпускником Горного института Михаилом Давидовичем Назаровым. Модель была изготовлена на Пермском пушечном заводе около 1900 г. На упомянутой выше фотографии 1930-х гг. она находится между стальной и чугунной пушками Пермского завода в центре зала. Модель орудия Назарова состоит из спаренных стволов, размещенных на вращающейся платформе, обеспечивающей круговой обстрел. Она снабжена защитным устройством — броневым щитом. В комплект к орудию входят модели двух стальных гильз в том же масштабе. Орудие Назарова сохранилось в единственном экземпляре в виде модели, которая была передана в Горный музей в 1900 г. самим создателем устройства[29].

В конце XIX столетия в России и за рубежом учеными велись работы по созданию скорострельных орудий. Военно-морской флот нуждался в таких орудиях, поскольку взамен броненосцев появились более скоростные и маневренные крейсеры. Спаренные системы, состоящие из двух и более стволов, рассматривались как один из вариантов повышения скорострельности. Орудие Назарова проектировалось для морской артиллерии. Но в России на вооружение морской артиллерии были приняты другие типы скорострельных орудий. С 1898 г. Пермский завод приступил к изготовлению французских скорострельных пушек Канэ с лафетом для крепостной и морской артиллерии[30]. Наличие

модели орудия Назарова, созданной на Пермском пушечном заводе, говорит о том, что здесь велась работа по созданию отечественной скорострельной системы. О биографии М. Д. Назарова вышла достаточно подробная публикация в 2018 г.[31], но в ней не упоминается о его орудии. В 1890 г. Михаил Давидович закончил обучение в Горном институте по I разряду и получил звание горного инженера. После окончания учебы работал на Пермском пушечном заводе, где занимал руководящие должности, в том числе заведующего орудийной и снарядной фабриками. Он работал при директорстве Н. Г. Славянова (1891–1897) и С. А. Строльмана (1897–1913). Назаров уволился с завода в 1905 г. и с января того же года стал работать на Путиловском заводе в Санкт-Петербурге в должности помощника директора. 13 февраля 1906 г. Михаилу Давидовичу во время террористического акта на Путиловском заводе было нанесено смертельное ранение, и вскоре он скончался[32]. Находящаяся в Горном музее модель — единственная известная разработка М. Д. Назарова. Свое орудие горный инженер создавал на заре возникновения спаренных систем, и поэтому оно исторически уникально.

Модели орудий и оборудования, хранящиеся в Горном музее, являются вещественными памятниками инженерных разработок и производственного процесса на Пермском пушечном заводе. Сегодня они имеют большое культурно-историческое значение.

---

[1] Горный университет основан в 1773 г. как Горное училище, в период 1804–1833 гг. именовался Горным кадетским корпусом, в 1833–1834 гг. — Горным институтом, в 1834–1866 гг. — Институтом Корпуса горных инженеров, с 1866 г. — Горным институтом, с 2016 г. — Горным университетом. В дальнейшем будет использоваться название, соответствующее историческому контексту.

[2] Котляревский И. П. Путешествие по уральским и в Луганский литейный заводы в 1864 г. // Горный журнал. 1865. Кн. 2 (февраль). С. 415–522.

[3] Рафиенко Л. С. Горный инженер Н. В. Воронцов. Пермь, 1989. С. 55.

[4] Там же. С. 59.

[5] Котляревский И. П. Обзор уральских заводов в 1865 г. // Горный журнал. 1866. № 3 (март). С. 401–441.

[6] Рафиенко Л. С. Указ. соч. С. 62.

[7] Гадолин А. В. Теория орудий, скрепленных обручами. СПб., 1861. 39 с.

[8] Вышенков В. П., Маковская Л. К., Сидоренко Е. Г. Каталог материальной части отечественной артиллерии // Л.: АИМ, 1961. С. 254, 256.

[9] Денисов А. П., Перечнев Ю. Г. Русская береговая артиллерия: исторический очерк. М.: Воениздат, 1956. С. 131.

[10] Канинский О. М., Крылов В. М., Маковская Л. К. и др. Артиллерийский музей: Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб.: Арт-Палас, 2001. С. 12.
[11] Архив Горного музея (АГМ). Ф. 1. Оп. 2. Д. 89. Л. 4.
[12] Шумкин Г. Н. Производство чугунных орудий на Урале в середине XIX века // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Восьмой международной научно-практической конференции: в 4 частях. СПб.: ВИМАИВиВС, 2017. Ч. 4. С. 574–586.
[13] Пермские пушечные. Пермь: Агентство «Стиль-МГ»; ОАО «Мотовилихинские заводы», 2011. С. 9.
[14] Шумкин Г. Н. Указ. соч. С. 583; РГИА. Ф. 40. Оп. 2. Д. 75. Л. 20–21.
[15] Шумкин Г. Н. Указ. соч. С. 574–586.
[16] Рафиенко Л. С. Указ. соч. С. 10.
[17] АГМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 113. Л. 47 об., 59.
[18] АГМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 113. Л. 166.
[19] Добонизский А. По поводу отливки стула под паровой молот // Горный журнал. 1873. № 1 (январь). С. 1–2.
[20] Иосса Н. А. Отчет об отливке стула под 50 тонный молот на Пермском заводе // Горный журнал. 1873. № 10 (октябрь). С. 1–25.
[21] РГИА. Ф. 945. Оп. 1. Д. 19. Л. 47–47 об.
[22] Рафиенко Л. С. Указ. соч. С. 80.
[23] Тиме И. А. Памяти Н. В. Воронцова // Горный журнал. 1893. № 3 (март). С. 531.
[24] Там же.
[25] Ледебур А. Металлургия чугуна, железа и стали. Т. 1: Часть общая. СПб., 1896. С. 98–106.
[26] Рафиенко Л. С. Указ. соч. С. 84.
[27] АГМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 113. Л. 62.
[28] Рафиенко Л. С. Указ. соч. С. 85.
[29] АГМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 89. Л. 72 об.
[30] Темников И. Т. Пермский пушечный завод (Мотовилиха) и его технические средства // Записки пермского отделения императорского русского технического общества. Пермь: Типо-Литогр. Губ. правления, 1911. № 3. С. 14–57.
[31] Кудрин А. В., Гриф М. Л. М. Д. Назаров: страницы биографии горного инженера // Историк-архивист Леон Кашихин: Штрихи к портрету. 2018. С. 127–137.
[32] Там же. С. 134.

Е. П. Петрова (Владимир)

К ВОПРОСУ ТРАНСЛИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НА ПРИМЕРЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПЕРЕДВИЖНОГО ВЫСТАВОЧНОГО ПРОЕКТА «БЛЕСК СТАЛИ. ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОРУЖИЕ XVIII–XX вв. ИЗ СОБРАНИЯ ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА»

КОЛЛЕКЦИЯ ОРУЖИЯ Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника насчитывает около 500 предметов XII–XX вв. В экспозициях Владимира и Суздаля представлены образцы боевого (строевого) оружия в контексте рассказа о сражениях и войнах. Значительная часть коллекции — охотничье, парадное, гражданское оружие XVIII – начала XX в., поступившее в 1920-е гг. из бывших владимирских дворянских усадеб В. С. Храповицкого, Трегубовых, Воронцовых-Дашковых, из Владимирской губернской Чрезвычайной комиссии[1], — практически не экспонировалась. Многолетняя проведенная работа по атрибуции, изучению, реставрации этих предметов позволила летом 2019 г. открыть в музейном центре «Палаты» (Владимир) выставку «Блеск стали. Художественное оружие XVIII–XX вв. из собрания Владимиро-Суздальского музея-заповедника». Впервые ставилась задача показать собранные в едином выставочном пространстве образцы холодного и огнестрельного оружия, оборонительного вооружения XVIII–XX вв. как предметы декоративно-прикладного искусства, свидетельствующие о вкладе, который внесли мастера-оружейники в развитие не только оружейного дела, но и искусства в целом. В производстве и декорировании оружия принимали участие не только ремесленники, но и художники[2]. Главная цель выставки — показать редкие образцы парадного и охотничьего

оружия, свидетельства «золотого века» и гибели дворянских усадеб, рассказать о старинных технологических приемах обработки металла и дерева (оброн, золочение, инкрустация, чеканка, резьба и др.), которые использовали мастера при создании оружия, познакомить с элементами украшений (листья, стилизованные побеги, воинские атрибуты), художественными стилями, сюжетами изображений (мифологические герои, мифические животные, звери, маскароны).

Экспозиция построена на сочетании тематического и историко-хронологического принципов. Демонстрировалось около 70 предметов: лучшие образцы холодного, огнестрельного оружия, оборонительного вооружения XVIII–XX вв. и бытовые вещи этого времени. История украшения оружия тесно связана с декоративным искусством в целом, и мастера нередко пользовались одними и теми же эскизами орнамента для отделки металлического прибора для оружия и оправ для мебели и бытовой утвари. В связи с этим выставку дополнили часы, предметы посуды, ювелирные изделия, в создании которых использованы технические приемы и элементы украшения, встречающиеся на предметах оружия и снаряжения.

Дизайнерским решением выставки явилось разделение выставочного пространства по цветовому принципу на две локации согласно тематическим разделам. В каждом зале были установлены информационные щиты, рассказывающие о представленном оружии, планшеты с кратким описанием техник украшения. Художественным дополнением выставки стали воспроизведения гравюр из коллекции «Графика» (ил. 1, 2).

Синий цвет в оформлении витрин, информационных щитов и этикетажа в первом разделе выставки был выбран для демонстрации предметов оружия из стран Западной Европы XVIII–XIX вв., изделий русских мастеров. Начало выставки — витрина с холодным оружием: строевые шашки с украшенными клинками и «камзольные» шпаги. Основное место в зале было отведено показу ружей и пистолетов оружейников XVIII–XIX вв.: лондонского мастера Д. Твигга, парижского Ж. Б. Ла Роша, придворного оружейного мастера из Мюнхена Ф. Х. Баадера, ружьям русских мастеров: П. Х. Шишкова из Москвы, М. Е. Аверина из Тулы, что дало возможность рассказать о разных художественных стилях. Особый акцент был сделан на витрине с каретными ружьями и каретными часами. Небольшой раздел выставки был посвящен

Ил. 1, 2. Выставка в Музейном центре «Палаты» (Владимир)

дворянской охоте: в отдельной витрине, наряду с традиционными ружьями и пистолетами, расположились тесаки, охотничьи аксессуары.

В XIX в. в Россию после русско-персидских и русско-турецких войн в качестве трофеев попадали произведения восточного оружейного искусства, которыми украшали стены кабинетов во дворцах. Красный цвет стал визитной карточкой второго раздела выставки, посвященного оружию и защитному вооружению XVIII–XIX веков народов Кавказа, Персии, Османской империи, дающему представление об отличительных чертах восточного оружия (Восток в выработке типов и форм оружия шел своим путем). В витринах были представлены традиционные кавказские кинжалы и шашки, легкие ружья и пистолеты, турецкие ятаганы, персидский шамшир, булава, секиры. Композиционным центром «красного» зала стала витрина, демонстрирующая комплект оборонительного вооружения персидского воина XVIII–XIX вв.

Отдельный зал был отведен под информационное сопровождение выставки: аннотации, фотографии дворянских усадеб Владимирской губернии, откуда ведут свое происхождение многие экспонаты выставки, видеоряд с материалами по данному выставочному проекту. Для привлечения посетителей различных возрастных групп был разработан квест по тематике выставки.

Нам очень важны были впечатления посетителей о представленных экспонатах, оформлении залов, доступности информационных материалов. Вот несколько записей, оставленных посетителями в «Книге отзывов» после осмотра выставки:

«Блеск! Блестящая выставка. Спасибо за стиль и эстетику... И пусть оружие выставляется в музейных залах, а не используется по назначению».

«Прекрасная, интересная экспозиция. Удачное расположение экспонатов, все доступно и познавательно. Прекрасные текстовые материалы на стенах, не перегружено информацией, интересно и доступно. Экспозиция в целом понравилась, оружие очень интересное. Спасибо».

«Выставка очень интересна! Экспонаты хорошо выглядят, радует, что так хорошо сохранились».

Очень приятно было получить отзыв от сотрудников Третьяковской галереи: «Выставка “Блеск оружия” изумительная. Дает великолепное представление о старинном оружии не только с точки зрения истории. Что самое прекрасное с точки зрения как

произведение искусства. Композиция выставки сделана на хорошем профессиональном уровне. Экспликации очень насыщены информацией».

Многие посетители писали о том, что узнали на выставке много нового, выражали сожаление, что выставлена небольшая часть коллекции музея, предлагали сделать эту экспозицию постоянной и расширить, благодарили за квест. На выставке, кроме экскурсий, сотрудники Детского музейного центра проводили занятия с детьми, на которых изучали и рисовали орнаменты.

Выставка получила возможность дальнейшего развития, выйдя за рамки временной музейной экспозиции и став передвижным выставочным проектом.

С октября 2020 г. по январь 2021 г. первыми нашу выставку увидели жители и гости Великого Новгорода. Это была программа сотрудничества музеев двух древних городов. Выставка проходила в здании Присутственных мест новгородского кремля. Рекламные анонсы имели информационный и вовлекающий контент:

«Мир оружия сложен и очень интересен. Посетители выставки смогут узнать о разных его видах, об особенностях европейского и восточного оружия, о техниках художественной обработки металла и дерева и об устройстве старинного огнестрельного оружия»;

«У ружья может быть хвост, на ятагане уши, на тесаке копытца. Не знали? Тогда вам на выставку художественного оружия, открывшуюся в Новгородском музее-заповеднике».

Для размещения экспонатов выставки было отведено три зала. Не обошлось без трудностей: мы не могли менять цвет ярко-голубых стационарных витрин, в результате чего несколько нарушалась первоначальная идея двух разделов выставки (ил. 3). Ружья экспонировались закрепленными на вертикальной поверхности витрины, что не позволяло показать их со всех сторон. Новгородский государственный музей-заповедник дополнил экспозицию интересными образцами оружия, снаряжения, часами, живописными произведениями из своей богатой коллекции. К сожалению, работа выставки совпала со вспышкой пандемии COVID-19, но это было и время новогодних каникул, поэтому ее сумели посетить около семи тысяч человек. Наиболее интересным оказался отзыв посетителя выставки, оставленный на сайте новгородского музея:

Ил. 3. Выставка в Новгородском государственном музее-заповеднике

«...Не могу сказать, что она захватывает, но любопытно, а для любителей оружия, наверное, будет и интересно. Там, например, есть такие ружья-мушкетоны — с расширяющимся стволом, то есть ствол, как дудка или звонок на детском велосипеде. Я как-то думал, что такие ружья целиком придуманы и встречаются только в кино в сказках-фэнтези, но оказалось, что это не так. В общем, такая выставка захваченного или отобранного у бывших владельцев с незавидной судьбой трофейного оружия».

С апреля по июль 2021 г. выставка экспонировалась в Музее изобразительных искусств Кузбасса в Кемерове — одном из крупнейших художественных центров Сибири, который сотрудничает с крупнейшими музеями России: Государственной Третьяковской галереей, Государственным Историческим музеем, Государственным Эрмитажем и другими известными музеями страны. Выставка разместилась в трех залах музея — постройке 1940-х годов в стиле «сталинского ампира» в центре Кемерова (ил. 4, 5). Навсегда запомнилось открытие выставки, которое сопровождалось выступлением казачьего коллектива, их танцы с шашками, огромная помощь сотрудников музея при монтаже. Наша выставка стала частью мероприятия, организованного в рамках празднования 300-летия промышленного освоения Кузбасса. Вот некоторые записи посетителей в «Книге отзывов»:

Ил. 4, 5. Выставка в музее изобразительных искусств (Кемерово)

«Узнала много нового для себя, например, как на самом деле выглядит лезвие шпаги или сколько разных видов пистолетов бывает... Также хорошо дополнили выставку пояснения о видах оружия и о техниках его украшения».

«С огромным удовольствием рассматривали уникальные работы, украшающие оружие... Замечательно, что все сопровождается очень стильным пояснением... Отлично сопровождение графикой побед и сражений. Думаю, такая экспозиция очень нужна современным ребятишкам. Хорошо выстроена экспозиция!»

«Выставка оружия — необычная, интересная и такая редкая для нашего города, плюс много новой информации».

«С огромным удовольствием познакомились с вашей выставкой. Оружие великолепное, жаль, что предназначено для убийства людей. Городу Владимиру огромный привет!»

Выставку в кемеровском музее посетило около 2500 человек, среди них было много школьников, сотрудники проводили интересные экскурсии, за которые получили огромные благодарности. Научный сотрудник музея Даниил стал лауреатом конкурса, где представил творческую работу, написанную по материалам нашей выставки.

С марта по май 2023 г. выставка экспонировалась в Музее истории «Выксунский металлургический завод» в г. Выкса Нижегородской области. Музей располагается в здании главного усадебного дома заводчиков Баташёвых-Шепелевых, построенного в 70-е годы XVIII в. (здание на балансе Выксунского металлургического завода АО «ВМЗ»). Выставка разместились в «турецком» флигеле, пристроенном к главному дому в 1840-е гг. Небольшой по размерам, сложной конфигурации (бывший Восточный флигель усадебного дома) зал внес коррективы в расположение витрин и маршрута показа предметов (ил. 6, 7). На открытии выставки выступили современные местные мастера-оружейники, которые продемонстрировали свои работы. Выставку посещали ветераны завода, школьники, с которыми проводили мастер-классы по декорированию. В красочно оформленной «Книге отзывов» несколько записей:

«Великолепно! Я не поклонник оружия, но выставка меня заворожила. Спасибо за тонкую прекрасную экспозицию!»

«С большим интересом осмотрели выставку! Мастерство оружейников поражает. Спасибо за прикосновение к истории».

Летом 2023 г. выставка «Блеск стали» открылась в крупнейшем музее Сибири — музейном комплексе им. И. Я. Словцова в Тюмени. Впервые пришлось работать в современном выставочном зале. Возникшее опасение, что витрины с экспонатами «потеряются» в этом огромном черном выставочном

Ил. 6, 7. Выставка в музее истории г. Выксы Нижегородской области

пространстве, быстро рассеялось (ил. 8, 9). Этот проект оказался наиболее удачным в дизайнерском решении. Выставку посмотрели 3270 человек. Посетители оставили много интересных отзывов:

Ил. 8, 9. Выставка в музейном комплексе им. И. Я. Словцова (Тюмень)

«Выставка великолепна! Обилие оружия разных культур и эпох поражает!!! Никогда не думал, что под одной крышей можно собрать такое великолепие!»

«Все виды оружия очень утонченно изготовлены, с гравировками, видно, что мастера старались, вкладывали душу, не то что сейчас — штамповка. Я, как женщина, обратила внимание на тонкости работы мастеров».

Были отзывы другого характера, пожелания: «Выставка не понравилась, т. к. отсутствует развернутая информация об экспонатах, хотелось бы знать «для чего», «кем» они сделаны».

«Выставка «Блеск стали» нам понравилась. Особенно охотничьи ружья, пистолеты. Еще хотелось бы увидеть выставку современного оружия».

С октября 2023 по январь 2024 г. выставка экспонировалась в Псковском государственном объединенном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике. Это был также совместный проект двух старейших музеев России, зал с восточным оружием был дополнен экспонатами Псковского музея (ил. 10, 11).

«Такую выставку нужно было обязательно привезти в Псков, потому что Псков — это город, который знает, что такое защищать свою Родину, что такое честь, верность и храбрость», — подчеркнула на открытии выставки генеральный директор Псковского музея-заповедника С. Мельникова[3].

Экспонаты разместились в двух залах цокольного этажа Поганкиных палат — памятника гражданской архитектуры Пскова XVII в. После огромного выставочного пространства в Тюменском музее пришлось приспосабливаться к небольшим по размеру старинным сводчатым помещениям с глубокими оконными проемами (витрина с холодным оружием оказалась в отдельном помещении). Выставку посетило более 6000 человек, многие были «в восторге от качества выставки». Достойным завершением выставочного проекта в Псковском музее было издание совместного каталога выставки, осуществленное при поддержке Псковского регионального отделения Российского военно-исторического общества.

Неоценим опыт, полученный нами при решении многих вопросов, возникавших при монтаже экспонатов в различных выставочных пространствах. Архитектурно-планировочные особенности помещения иногда заставляли менять структуру выставки

Ил. 10, 11. Выставка в Псковском государственном музее-заповеднике

и последовательность экспозиционного маршрута. В музее города Выксы камерный зал с боковыми галереями, стационарными витринами, ограниченным пространством для информационных щитов заставил внести самые большие изменения в порядок расположения экспонатов. Для выставки в музейном комплексе в Тюмени был предоставлен один зал площадью 1500 кв. м, где предстояло показать оба раздела выставки. Мы были вынуждены увеличить количество предметов, витрин, размеры информационных щитов.

Подводя итог, можно сказать, что за четыре года выставку «Блеск стали» смогли посмотреть жители и гости районного города Нижегородской области, промышленных центров Кузбасса, Сибири, древних русских городов Пскова и Великого Новгорода. Почти все представленные предметы экспонировались впервые. Главная задача, которая ставилась авторами проекта, выполнена: экспонаты выставки, давно утратившие свое практическое назначение, были представлены и восприняты посетителями как произведения оружейного искусства, свидетельства таланта и мастерства оружейников прошлого. Посетители выставки отмечали, что впервые увидели многие образцы оружия, узнали об устройстве и техниках его украшения. Выставка была интересна и доступна разным категориям зрителей, посетители с интересом и удовольствием отвечали на вопросы после осмотра выставки, вновь возвращались к экспонатам. Во время проведения выставки в музеях других городов нам удалось познакомить посетителей не только с лучшими экспонатами из коллекции Владимиро-Суздальского музея-заповедника, но и с историей и памятниками архитектуры Владимирского края.

---

[1] Петрова Е. П. Оружие из дворянских усадеб В. С. Храповицкого, Воронцовых-Дашковых, Трегубовых в собрании Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника // Война и оружие. Новые исследования и материалы: труды Третьей международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 16–18 мая 2012 г. Ч. 2. СПб.: ВИМАИВиВС, 2012. С. 556–565.

[2] Бахметова А. В. Традиции оформления художественного оружия как произведения декоративно-прикладного искусства и их проекция на современность. Текст научной статьи по специальности «Искусствоведение». М., МГУ, 2014.

[3] Блеск стали. Каталог выставки. Псков, 2024. С. 5.

Л. П. Рудакова (Санкт-Петербург)

ИЗ ИСТОРИИ БЫТОВАНИЯ ТРЕХ МЕЧЕТЕЙ, ВХОДЯЩИХ В ДВОРЦОВЫЙ АНСАМБЛЬ ШИРВАНШАХОВ В БАКИНСКОЙ КРЕПОСТИ

В НАУЧНОМ АРХИВЕ Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи хранится огромное количество чертежей по строительству и перестройке крепостей и укреплений, возведенных на территории Российской империи.

Этот обширный графический материал формировался на протяжении более двух столетий и связан, в основном, с деятельностью артиллерийского и инженерного ведомств. Собрание чертежей по крепостному строительству как уникальный исторический источник и как памятник архитектуры и культуры русского военно-инженерного искусства требует разностороннего и систематического исследования.

В настоящее время при изучении богатейших коллекций архитектурной графики по строительству и внутренней застройке крепостей было выявлено множество уникальных культурологических факторов, связанных с историческими событиями давно минувших лет, уходящих в далекое Средневековье. Это коснулось и чертежей, связанных памятниками древней Бакинской крепости, где и сейчас располагается и восхищает взоры многих путешественников восстановленный дворцовый ансамбль — бывшая резиденция ширваншахов, правителей государства Ширван. Ныне это территория современной Азербайджанской Республики.

Государство Ширван со столицей в г. Шемаха было одним из крупных средневековых феодальных государств Кавказа, обособившегося от Аббасидского халифата в 861 г., но состоявшего в полузависимости от Коджарского Ирана. В XII в. Шемаха сильно пострадала от землетрясения, и было принято решение

о переносе столицы в г. Баку. С этого момента Баку стал превращаться в хорошо укрепленный столичный город с удобной гаванью, где жили и творили известные ученые, просветители, поэты и архитекторы.[1]

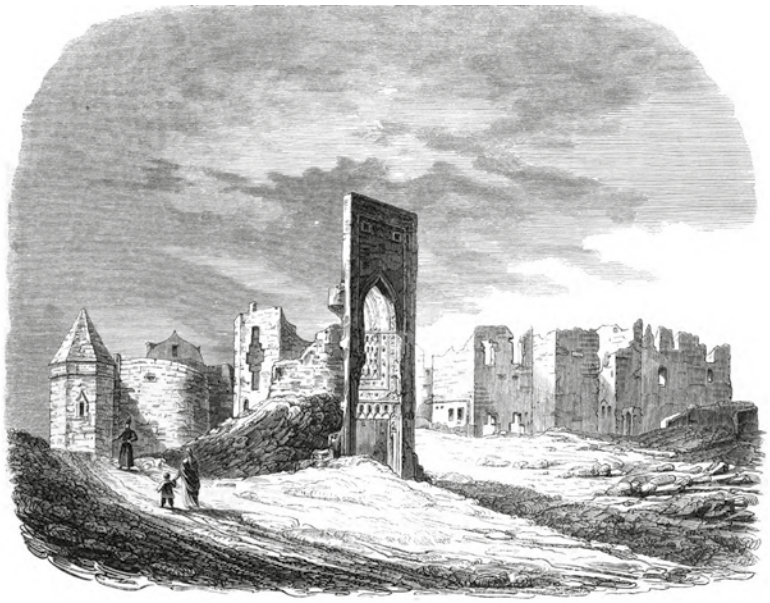
По замыслу ширваншахов начинают возводить дворец — один из уникальных исторических памятников Востока. По прочности материала и искусству постройки здание принадлежит к лучшим памятникам мусульманской архитектуры[2]. В дворцовый комплекс, создававшийся с XIV по XV в., входили: Диван-хане, служившее для приемов и заседаний шахов, мечети, располагавшиеся вблизи дворца, и другие строения различного назначения. Создание дворцового ансамбля не было подчинено единому архитектурному замыслу. Но его строители не только учитывали назначение каждого здания, но и способствовали формированию архитектурного пейзажа, где суровая гладь стен оттенялась пластикой орнамента[3]. Дворец и строения вокруг него были окружены крепостной стеной, которая служила внутренней цитаделью Бакинской крепости[4].

После завоевания Ширвана и казни последнего ширваншаха Шахрукха в 1539 г. завершилась династия Язидидов (Мазьядидов) и Ширван был включен в состав государства Сефевидов[5].

С этого периода опустевший дворцовый ансамбль ширваншахов начинает приходить в упадок. Один из представителей капуцинской миссии в Исфахане Рафаэль дю Ман, посетивший в XVII в. Баку, писал о запустении и разрушении дворца в своем труде «Состояние Персии в 1660 году», изданном в Париже в 1890 г. Этому способствовали не только войны, приводившие к упадку и разрушению строений, но и человеческий фактор. Многие местные жители разбирали на личные нужды гладко отесанные камни из ракушечного известняка[6] (ил. 1).

Очередное разрушение дворец получил в период Персидского похода императора Петра I. В июле 1723 г. в результате осады и бомбардировки Баку русскими войсками под командованием генерала М. А. Матюшкина одно ядро попало в восточную часть дворца. Осада крепости была недолгой. Вскоре городские власти, прекратив сопротивление, преподнесли русскому генералу ключи от городских ворот. В честь вхождения русских войск в Баку в Петербурге состоялась пушечная пальба.

По результатам Персидского похода 1722–1723 гг. в столице Российской империи был заключен Петербургский мирный



Ил. 1. Вид дворца ширваншахов в Баку с юго-восточной стороны. Берёзин И. Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью. С картами, планами и видами замечательных мест. Изд. 2-е доп. Ч. III. Гл. V (От Баку до Сальяна). Приложения. Казань, 1850 г.

договор между Россией и Персией. К России отошли южное и западное побережье Каспийского моря с Дербентом, Баку и Рештом, провинции Ширван, Гилян, Мазендеран и Астрабад[7].

На завоеванных землях России пришлось создавать администрацию, содержать экспедиционный корпус и флот, строить отношения с местной знатью и взаимодействовать с населением. Но пройдет совсем немного времени, и императрица Анна Иоанновна сочтет содержание этих провинций обременительным для русской казны и вернет эти территории персам в обмен на их обязательство не передавать земли под власть других держав[8].

Возвратив по Гянджинскому трактату 1735 г. провинции, завоеванные Петром I, Российская империя, тем не менее, не приобрела надежного союзника в лице персидского правителя.

Новая русско-персидская война, начавшаяся в 1804 г., привела к тому, что 15 октября 1806 г. Бакинское ханство без

Ил. 2. Вид города Баку с южной стороны. Берёзин И. Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью. С картами, планами и видами замечательных мест. Изд. 2-е доп. Ч. III. Гл. V (От Баку до Сальяна). Приложения. Казань, 1850 г.

кровопролития в результате дипломатических переговоров было включено в состав Российской империи, и русские войска под командованием генерала от инфантерии С. А. Булгакова вошли в город. Для России было крайне важно убедить бакинского хана встать под русскую защиту (ил. 2).

В 1813 г. был подписан Гюлистанский мир, и Персия признала переход к России Дагестана, Восточной Грузии, половины Восточной Армении и большей части современного Азербайджана, где и располагалось Бакинское ханство. Кроме этого Россия получила право держать флот на Каспийском море. Но персы не рассматривали Гюлистанский договор как окончательный и видели в нем лишь передышку.

После присоединения Баку Россия начинает укреплять крепость, восстанавливать здания и приспосабливать их, в первую очередь, для нужд военного ведомства, так как новая война с персами была неизбежна.

Еще до окончания войны с Персией император Александр I именным указом от 25 августа 1808 г. повелел в крепостях, присоединенных к России в ходе русско-персидской войны, создавать равные возможности с российскими по их оснащению и содержанию[9].

Согласно указу императора генералу от инфантерии гр. Ф. Ф. Буксговдену и инспектору всей артиллерии генерал-лейтенанту барону П. И. Меллеру-Закомельскому было поручено привести крепость Баку в надлежащее состояние[10]. Инженерной и артиллерийской экспедициям было предписано определить необходимое количество орудий в крепости, создать план крепости с чертежами всех казенных строений для размещения в них воинского гарнизона и артиллерийских орудий. Все эти сведения должны были быть представлены в Артиллерийскую экспедицию[11].

Вскоре в Баку были учреждены инженерная и артиллерийская команды[12], и к концу 1808 г. все имеющиеся в крепости орудия были приведены в совершенную исправность[13]. Чертежи планов Бакинской крепости и всех казенных строений в ней составлялись инженерной командой под началом инженер-подполковника И. Х. Трузсона[14]. В октября 1809 г. Трузсон отправил в Артиллерийскую экспедицию вместе с докладной запиской чертежи казенных строений с планом крепости на 11 листах[15]. Но обнаружить их в научном архиве не удалось.

Делопроизводственная переписка инженерной и артиллерийской команд с Военным ведомством свидетельствует о том, что летом 1814 г. инженерной командой под началом инженер-поручика Смирнова были закончены ремонтные работы по приспособлению двух старинных каменных персидских мечетей, расположенных около старого полуразрушенного ширваншахского дворца, под артиллерийские цейхгаузы для хранения снарядов и различных принадлежностей[16]. Эти мечети уже давно не служили как культовые сооружения для совершения религиозных обрядов и нуждались в ремонте.

Согласно описи произведенных работ, в мечетях были вставлены железные двери, произведено остекление окон с установкой на них железных решеток, ремонт и восстановление куполов, штукатурка и побелка стен и потолков. Произведены установка деревянных стеллажей и новая настилка полов тесаным камнем с заливкою по швам известью. Обветшавшая местами каменная ограда вокруг дворцовых строений была восстановлена также с использованием тесаного камня[17]. Ремонт третьей каменной персидской мечети, расположенной неподалеку от дворца, закончили в сентябре 1814 г., а в ноябре все три мечети, переделанные внутри под артиллерийские склады, были приняты в полное

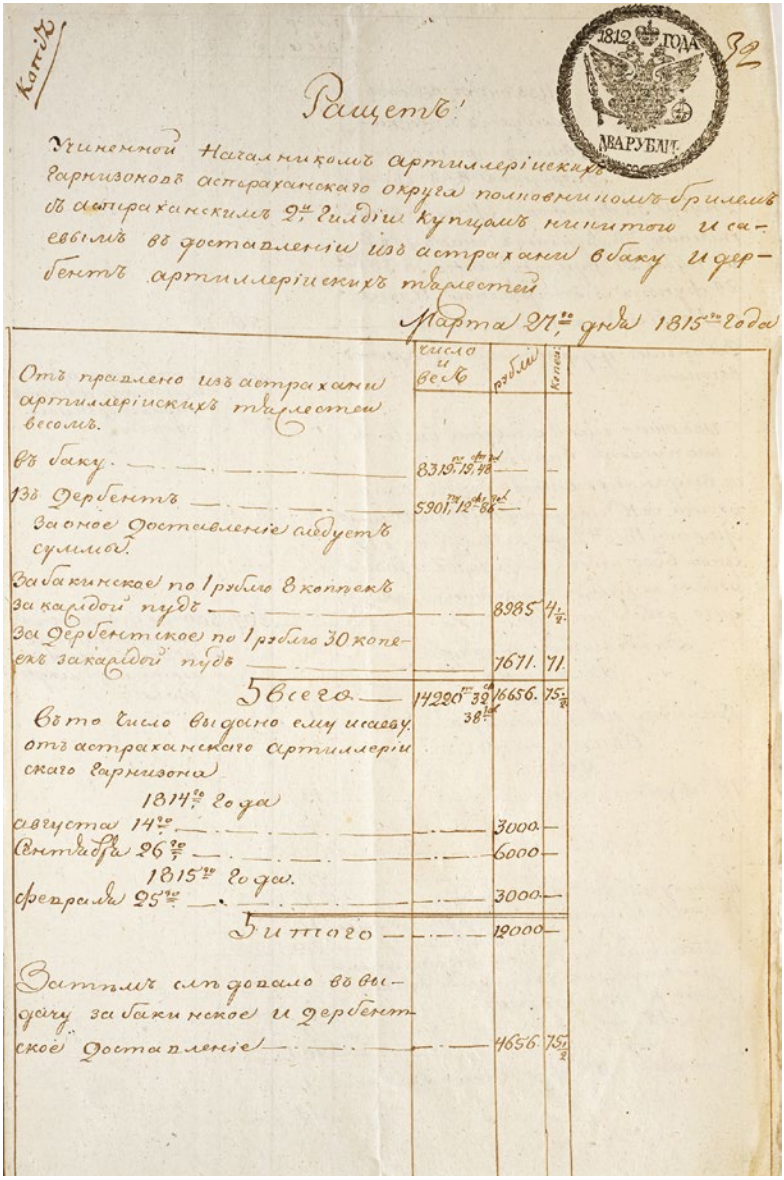
распоряжение артиллерийского гарнизона[18]. Ведомости по приему работ были подписаны инженер-поручиком Смирновым и унтер-цейхвартером 13-го класса Татлиным[19] (ил. 3).

В феврале 1815 г. командиром артиллерийского гарнизона крепости подполковником Спижарным[20] был отправлен в Артиллерийский департамент чертеж планов, фасадов и разрезов трех персидских мечетей, приспособленных под цейхгаузы. В описи Чертежного отделения Артиллерийского департамента в архивном деле № 51 среди перечня чертежей различных строений, поступавших на хранение в архив, имеется запись под № 49 о поступлении чертежа с детальными планами, фасадами и профилями трех каменных персидских мечетей, оборудованных под склады в крепости Баку[21]. Но и этого чертежа, как и предыдущих одиннадцати за 1809 г., в научном архиве не имеется.

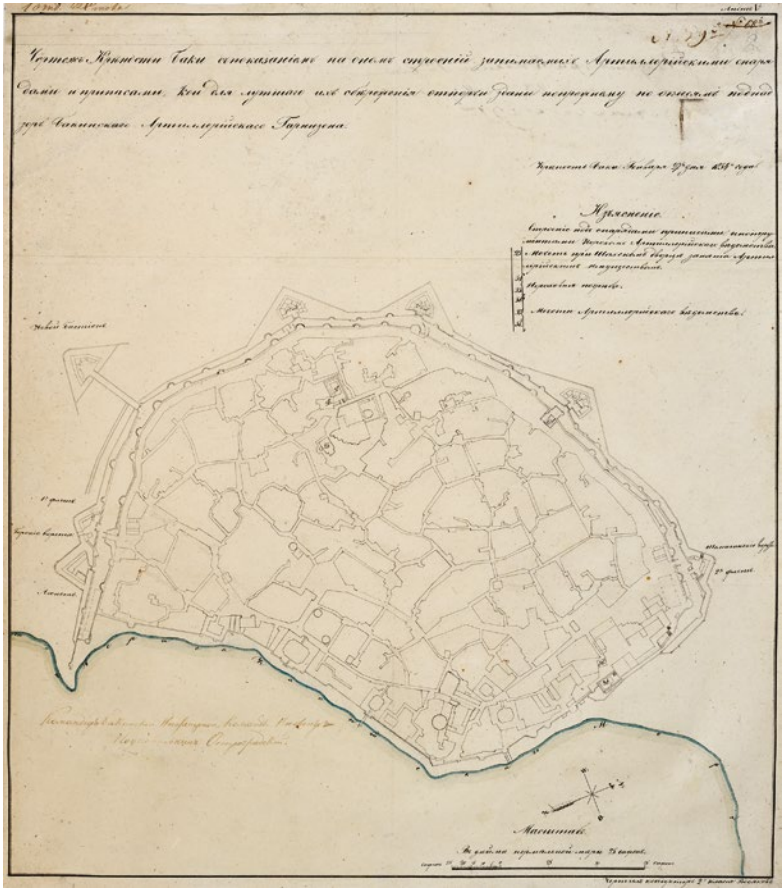
В 1826 г. началась новая русско-иранская война. Шах предпринял успешное продвижение иранских войск по Кавказу со стороны Армении. Но генерал-адъютант И. Ф. Паскевич, назначенный императором Николаем I командовать Отдельным Кавказским корпусом, в 1827 г. смог не только развить контрнаступление, но и вторгнуться в пределы самого Ирана. Чтобы не допустить окончательного разгрома страны, шаху пришлось идти на заключение мира.

По Туркманчайскому мирному договору 1828 г. в состав России вошли ханство Эриванское и ханство Нахичеванское. Россия вновь начала укреплять свои завоевания на Кавказе. Об этом свидетельствует новый чертеж планов, фасадов и профилей трех старинных персидских мечетей, обозначенных на чертеже под № 25, 37 и 38 и приспособленных под артиллерийские цейхгаузы. Чертеж, обнаруженный при исследовании картотеки «Склады», был составлен 15 декабря 1833 г. в крепости Баку и подписан командиром инженерной команды подполковником Остроградским. Чертил прапорщик Залеский (бумага, тушь, акварель)[22] (ил. 4).

А в картотеке «Крепости и укрепления № 1» значится план крепости Баку, составленный 27 января 1834 г. и подписанный все тем же подполковником Остроградским. Чертил кондуктор 2-го класса Ведяков[23]. На плане крепости все три мечети расположены вблизи дворца ширваншахов и выделены номерами 37, 38 и 25. План крепости Баку с показанием места расположения трех персидских мечетей является дополнением к чертежу с планами, фасадами и профилями трех персидских мечетей,



Ил. 3. Рапорт в Артиллерийский департамент о доставлении из Астрахани в Баку артиллерийского вооружения купцом 2-й гильдии Никитой Исаевым в 1814 г. АВИМАИВиВС

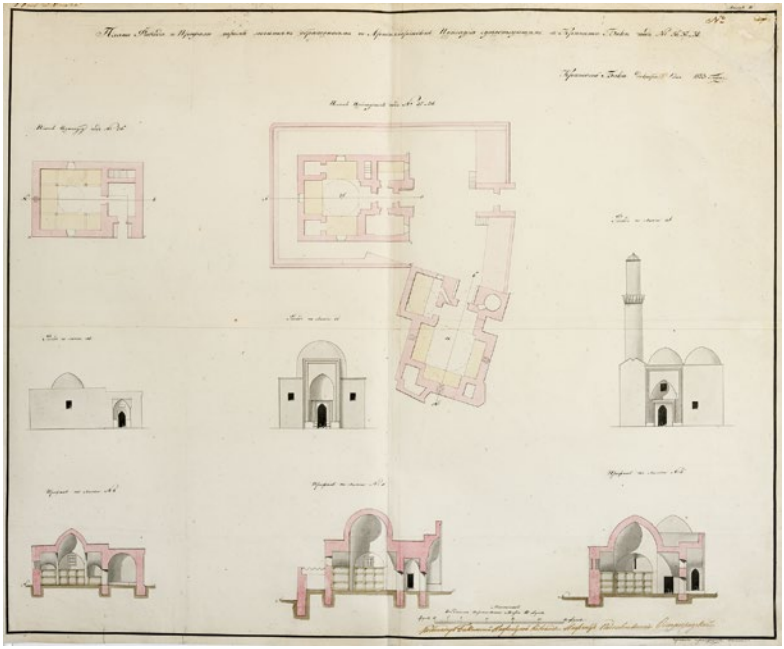


Ил. 4. План Бакинской крепости с показанием расположения трех ширваншахских мечетей. 1833 г. АВИМАИВиВС

приспособленных под артиллерийские склады, составленному в крепости в декабре 1833 г. (ил. 5).

Бытование этих мечетей насыщено многими историческими событиями и неразрывно связано с историей Баку и государством Ширван.

Заслуженный профессор Петербургского университета и известный востоковед И. Н. Берёзин, совершив поездку на Кавказ в 1842 г., побывал и в Баку. В своей книге «Путешествие по Дагестану и Закавказью», изданной в 1850 г., профессор красочно



Ил. 5. Планы, фасады и профили трех персидских мечетей, приспособленных под артиллерийские цейхгаузы. 1834 г. АВИМАИВиВС

описал персидские мечети, входившие в дворцовый комплекс ширваншахов (ил. 6). И. Н. Берёзин писал, что в середине обширного двора находится Шахская мечеть, очень красивое квадратное здание с высоким куполом и изящным входом, совершенно похожим на главный вход в Диван-ханэ: над этим входом красуется резной стих мусульманского символа[24]. Мечеть возведена в XIV в. и названа в честь заказчика ширваншаха Кей-Кубада. Как показано на чертеже, площадь мечети была небольшой и состояла из прямоугольного зала, в центре которого были расположены четыре колонны. К залу примыкали вестибюль и портал. Это свидетельствует о том, что сюда приходил избранный круг лиц. До наших дней мечеть не сохранилась. Она была сожжена армянами в марте 1918 г. во время межэтнических столкновений[25]. Сохранилась лишь ее небольшая часть. Поэтому чертеж мечети Кей-Кубада под № 37 из научного архива ВИМАИВиВС имеет особое значение.

Ил. 6. План шахского двора в Баку. Берёзин И. Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью. С картами, планами и видами замечательных мест. Издание 2-е дополненное. Ч. III. Гл. V (От Баку до Сальяна). Приложения. Казань, 1850 г.

Ил. 7. Крепость Баку с показанием прилежащей местности.
Атлас «Крепости и укрепления Российской империи». 1865 г.
ВИМАИВиВС ИДФ НВФ 13540

Мечеть Дворцовая, обозначеная на чертеже под № 38, находится на нижнем уровне дворцовых сооружений. План мечети прямоугольный с двумя молельными залами: большим мужским и поменьше женским. Молельные залы покрыты куполами на сферических парусах. Мужской зал с большим куполом, женский — с куполом поменьше. Главный вход в мечеть — северный. Он выделен порталом, обрамленным широкой рамой, высеченной в камне. Второй вход с востока отмечен более скромным порталом, а западный ничем не выделен. В северо-восточной части мечети возведен минарет, возвышающийся на 22 м. Сталактитовый пояс минарета обвивает арабская вязь, которая содержит дату его постройки: 1441–1442 гг. Тонкий минарет с большим и малым куполами составляют живописный силуэт дворцовой мечети[26].

Мечеть Джин под № 36 также входит в дворцовый ансамбль ширваншахов. Возведена в XIV в. (1375 г.). Считается, что она названа в честь одной из сур Корана — Аль-Джинн. Мечеть прямоугольной формы с однокамерным молельным залом и остроконечным куполом. На фасаде имеются эпиграфические надписи, повествующие о дате строительства. Главный фасад мечети асимметричен, а ее жесткая объемная композиция подчеркивается классически высоким порталом главного входа.

Все три мечети использовались как артиллерийские цейхгаузы, вероятнее всего, до 1867 г. В связи с укреплением Российской империи на Кавказе Бакинская крепость как военное фортификационное укрепление потеряла свое значение. Высочайшим указом она была упразднена и перестала числиться в составе военных крепостей Российской империи, а мечети были возвращены верующим (ил. 7).

В 1964 г. дворцовый комплекс как памятник архитектуры XIV–XV вв. был объявлен музеем-заповедником и взят под охрану государства. В этот период началась его масштабная реставрация. В 2000 г. уникальный ансамбль был включен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО и считается одной из жемчужин архитектуры Азербайджана.

---

[1] Рыжов К. В. Все монархии мира. Мусульманский Восток. VII–XVII века. М.: Вече, 2004. С. 236.

[2] Берёзин И. Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью с картами, планами и видами замечательных мест. Издание 2-е доп. Ч. III. Гл. V (От Баку до Сальяна). Казань, 1850. С. 19.

[3] Там же; Рыжов К. В. Указ. соч. С. 242.
[4] Азербайджанская советская энциклопедия. 1987. Т. X. С. 541.
[5] Там же. С. 248.
[6] Берёзин И. Н. Указ. соч. С. 17.
[7] Гациева Т. И. Значение Петербургского договора 1723 г. для народов Северо-Восточного Кавказа // Научные проблемы гуманитарных исследований. Пятигорск: Институт региональных проблем российской государственности на Северном Кавказе, 2010. С. 35.
[8] Курукин И. В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1723–1735). М.: Объединенная редакция МВД России, 2010. С. 124.
[9] АВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. Креп. Д. 3379. Л. 1.
[10] Там же. Д. 3379. Л. 7.
[11] Там же. Д. 3379. Л. 8.
[12] Там же. Д. 3500. Л. 11.
[13] Там же. Д. 3500. Л. 5.
[14] Трузсон Иван Христианович — инженер, генерал-лейтенант Русской императорской армии, родился в 1780 г. в Кобленце. В 1796 г. поступил на российскую военную службу. После присоединения крепости Баку к Российской империи Трузсон был назначен командиром инженерной команды Бакинской крепости и занимал эту должность до 1810 г. Руководил строительством Динабургской крепости в 1815–1819 гг. В 1822 г. был назначен начальником Санкт-Петербургского инженерного корпуса. С 1832 г. был председателем Инженерного отделения Военно-ученого комитета. Умер в 1843 г. и похоронен в Петербурге на Смоленском евангелическом кладбище (Саитов В. И. Петербургский некрополь. Т. 4. СПб., 1913. С. 298).
[15] АВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. Креп. Д. 3500. Л. 58.
[16] Там же. Д. 3646. Л. 2.
[17] Там же. Д. 3646. Л. 7 об.
[18] Там же. Д. 3646. Л. 20.
[19] Там же. Д. 3646. Л. 22.
[20] Там же. Д. 3646. Л. 26.
[21] Там же. Ф. 3. Оп. 31. Д. 51. Л. 5 об.
[22] Там же. Ф. 27. Картотека «Склады». Д. 3. Л. 1.
[23] Там же. Ф. 27. Картотека «Крепости и укрепления № 1» Д. 255. Л. 1.
[24] Берёзин И. Н. Указ. соч. С. 19.
[25] Смит М. Память об утратах и азербайджанское общество // Азербайджан и Россия: общества и государства. М.: Летний сад, 2001. С. 38.
[26] Л. С. Бретаницкий, Б. В. Веймарн. Очерки истории и теории изобразительных искусств. Искусство Азербайджана IV–XVIII вв. 1976. С. 55.

Л. Д. Сабуров (Москва)

РЕЛИКВИИ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ В КОЛЛЕКЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО МУЗЕЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

По УНИКАЛЬНОСТИ музейных предметов, по своему значению для истории нашего Отечества равных ЦМВС РФ на территории постсоветского пространства нет. К примеру, только по истории Второй мировой и Великой Отечественной войн в его фондах собрано около четырехсот тысяч уникальных экспонатов и музейных предметов.

Значительную часть экспозиции ЦМВС РФ занимают залы, посвященные Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. В музее хранится бесценная реликвия, символ Победы над фашизмом — Знамя Победы, водруженное над рейхстагом в мае 1945 г. (ил. 1). Кроме того, в музее представлены многочисленные реликвии, связанные с жизнью и деятельностью героев отечественной военной истории — как рядовых, так и известных военачальников и государственных деятелей: И. В. Сталина, Г. К. Жукова, К. К. Рокоссовского, А. М. Василевского, Н. Г. Кузнецова и других[1].

Исторически значимой по своему количественному и качественному составу является коллекция трофеев Второй мировой войны — знамена и штандарты частей гитлеровской Германии, документы, награды и оружие, личные вещи А. Гитлера[2], А. Розенберга, Э. Роммеля, Г. Геринга, Ф. Паулюса.

В ЦМВС РФ хранятся военно-исторические реликвии, связанные с проведением Парада Победы 24 июня 1945 г., — 10 штандартов фронтов, около 100 знамен прославленных соединений и частей, 27 шашек командующих фронтами, армиями и командиров корпусов, 76-мм орудие, которое использовалось в салюте Победы, черно-белый документальный фильм и 70 различных

Ил. 1. Знамя Победы

фотографий о Параде Победы, около 120 фашистских знамен, брошенных к мавзолею В. И. Ленина[3].

Среди почти 30 тысяч хранящихся в музее знамен особое место занимает Знамя Победы. Задача водрузить Знамя Победы над Берлином была поставлена Сталиным в докладе на торжественном заседании Моссовета 6 ноября 1944 г. Первоначально предполагалось водрузить знамя, изготовленное весной 1945 г. в Москве. В центре полотнища помещался герб СССР, орден «Победа» и надпись: «Наше дело правое — мы победили!». Но это знамя не было доставлено в действующую армию.

Поэтому из немецкого трофейного сатина было изготовлено девять штурмовых знамен — по числу дивизий в 3-й ударной армии, которой предстояло вести боевые действия в центре Берлина. Их выполнили по образцу Государственного флага СССР в армейском доме Красной армии под руководством его начальника майора Г. Голикова.

9 апреля 1945 г. совещание начальников политотделов армий 1-го Белорусского фронта обратилось в Москву с вопросом: «Какой объект в Берлине считать главным?» Через некоторое время пришел ответ: здание германского парламента — рейхстаг. Известно, что бои за рейхстаг отличались особой жестокостью, и само знамя было водружено лишь в ночь на 1 мая 1945 г.

В ночь на 22 апреля эти флаги от имени Военного совета армии были вручены представителям стрелковых дивизий. Флаг № 5, которому предстояло войти в историю как Знамя Победы,

был вручен представителю 150-й стрелковой дивизии, командиром которой был генерал-майор В. М. Шатилов. Этот флаг 26 апреля был передан командиру 756-го стрелкового полка полковнику Ф. М. Зинченко.

В ходе ожесточенных боев в центральной части Берлина первыми к Рейхстагу вышли части 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии, которым командовал генерал-майор С. Н. Переверткин. По приказу командира 756-го стрелкового полка примерно в третьем часу ночи 1 мая замполит батальона лейтенант А. П. Берест, полковые разведчики сержант М. А. Егоров и младший сержант М. В. Кантария на восточной стороне здания на конной скульптуре императора Вильгельма прикрепили Красный флаг Военного совета армии за номером 5, которому было суждено войти в историю как Знамя Победы[4].

Необходимо отметить, что в ходе боя за рейхстаг десятки воинов по приказу своих командиров и по собственной инициативе несли самодельные штурмовые флаги, флажки, просто куски красной материи, и всем хотелось водрузить свой флаг на здании парламента Германии. От главного подъезда и до крыши здания весь ход боев был отмечен различными по форме и величине штурмовыми флагами. Их установили: лейтенант Р. Кошкарбаев и рядовой Г. Булатов из 674-го стрелкового полка, сержант П. Смирнов, рядовые Н. Беленков и Л. Сомов из 545-го стрелкового полка и другие. На полотнищах многих штурмовых флагов были написаны фамилии или номера воинских частей.

Поэт Е. Долматовский вспоминал: «Флаги были чаще всего по размерам невелики, а то и совсем маленькие. Шелк и бархат знамен полков и дивизий был как бы представлен здесь простыми лоскутками пробитого пулями кумача. Уже тогда трудно было определить, кто и когда, в какой час установил свой флажок. Всем хотелось быть первым, но не из чувства соперничества, а потому что каждый торопился к Победе и жаждал ее мучительно и вдохновенно»[5].

Во время водружения (или уже после) знамя лишилось куска своей нижней кромки. По одной из версий, ее оторвал солдат-артиллерист. По другой, это сделали уже в штабе 150-й стрелковой дивизии — разрезали и вложили в партбилеты на память. Когда же знамя затребовали в Москву, никто признаваться не рискнул. Там же выполнили надпись: «150 Идрицкая ордена Кутузова II степени дивизия». Впоследствии, уже в штабах вышестоящих

соединений, было добавлено: «79 стрелковый корпус 3-я ударная армия 1-го Белорусского фронта». Поэтому надписи выполнены различным почерком и различной серпянкой. В таком виде знамя было доставлено в Москву.

Утром 20 июня 1945 г. на берлинском аэродроме Темпельхоф состоялись проводы Знамени Победы в Москву на парад. Во второй половине дня самолет «Ли-2» приземлился в Москве на Центральном аэродроме им. М. В. Фрунзе.

Однако было принято решение, что на парад Знамя выносить не будут. 22 июня после генеральной репетиции последовало распоряжение начальнику Центрального музея Красной армии принять на хранение от командования сводного полка 1-го Белорусского фронта Знамя Победы. По распоряжению начальника ЦМКА полковника Горюшкина приемом и доставкой Знамени занимался инструктор музея старший лейтенант И. Прозоров. В знаменном зале музея было подготовлено место для него — как для музейного экспоната особой важности.

Там до 1965 г. оно экспонировалось в специальной стеклянной пирамиде, а с 1965 г. — в центральной витрине зала Победы музея. Сегодня стены музея Знамя покидает только по личному приказу Президента Российской Федерации как Верховного Главнокомандующего.

Ил. 2. Орден «Победа» трижды Героя Советского Союза Маршала Советского Союза Г. К. Жукова

Орден «Победа» — изначально был элитарным отличительным знаком — высшей военной наградой СССР (ил. 2). Помимо исключительной редкости, орден представляет собой искусное ювелирное изделие. Это, безусловно, самый красивый и крупный советский орден.

В 1943 г., после коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны, возникла необходимость в учреждении высшего военного

ордена, к которому можно было представлять особо отличившихся полководцев. Работу над эскизом этой «особенной» награды поручили сразу нескольким художникам-медальерам. Внешний вид и название ордена разительно отличаются от тех, что были предложены в самом начале. Первоначально награде предполагалось дать название «За верность Родине». Одобрен был проект автора ордена «Отечественной войны» художника Александра Кузнецова. 25 октября 1943 г. после десятков представленных художником эскизов Сталин принял решение разместить по центру изображение Спасской башни. На доработку эскиза художнику дали четыре дня, и уже 29 октября состоялось вторичное обсуждение проекта ордена. Из семи представленных эскизов И. В. Сталин выбрал вариант с надписью «Победа», но и в него посоветовал внести изменения. Также И. В. Сталин поставил условие: орден должен быть сделан из отечественных природных материалов. Из-за необходимости выполнения тонкой ювелирной работы (в изготовлении ордена были использованы драгоценные камни) выполнение доработанного заказа было поручено мастерам Московской ювелирно-часовой фабрики, что явилось уникальным случаем. Орден «Победа» стал единственным из всех отечественных орденов, выполненным не на Монетном дворе. В то время ювелирно-часовая фабрика считалась лучшей ювелирной фабрикой СССР, так как после революции там работали лучшие ювелиры страны.

Изготовлением ордена занималось много людей под руководством известного ювелира-художника, мастера-камнереза высочайшей квалификации И. Ф. Казеннова, который собрал по всей стране нужное количество драгоценных металлов и алмазов с рубинами для их обработки и огранки. С драгметаллами и алмазами проблем не возникло — для каждого ордена было выгранено по 174 мелких прекрасного качества бриллиантов. А вот с рубинами вышла загвоздка — не удалось подобрать даже двух-трех камней, одинаковых по цвету, оттенкам, колеру и прозрачности. Такова уж природная особенность рубина, являющегося прозрачной разновидностью ювелирного качества оксида алюминия (Al_2O_3) — минерала корунда. Все имевшиеся в распоряжении мастера рубины отличались друг от друга оттенками цвета, интенсивностью окраски, прозрачностью.

Невыполнение приказа Сталина в срок означало для мастера и его помощников либо расстрел, либо тюремное заключение.

И опытный ювелир принял единственно правильное решение: использовать для изготовления ордена «Победа» синтетические рубины, производство которых в те далекие годы уже было налажено в Советском Союзе. И. Ф. Казеннов собственноручно нарезал и отшлифовал нужное количество заготовок одинакового цвета и прозрачности. Уникальный секретный заказ ювелиры выполнили в срок и были представлены к высоким правительственным наградам. На изготовление орденов «Победа» было потрачено более 6,5 млн рублей — в годы военного лихолетья это были огромные деньги.

Свою профессиональную тайну И. Ф. Казеннов хранил всю оставшуюся жизнь и лишь перед самой смертью в 1969 г. открыл «рубиновый» секрет ордена «Победа» одному из своих любимых учеников.

Руководивший производством мастер И. Ф. Казеннов когда-то работал в фирме «Фаберже». Кроме того, работавшая над орденом «Победа» бригада мастеров уже имела дело с государственным заказом — в 1940 г. они изготавливали маршальские звезды.

Немного об ордене. Размер — 72 мм, вес в сборе — 78 г. Содержание платины — 47 г, золота — 2 г, серебра — 19 г. Украшен 174 бриллиантами огранки роза весом 15 карат, а также 6 синтетическими рубинами (корундами) — 5 карат каждый (общий вес 25 карат) формы триллион.

Новая награда была изготовлена 5 ноября 1943 г. и одобрена Иосифом Виссарионовичем. Орден учрежден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 ноября 1943 г. Этим полководческим орденом награждались «лица высшего командного состава Красной Армии за успешное проведение таких операций в масштабе нескольких или одного фронта, в результате которых в корне меняется обстановка в пользу Красной Армии»[6].

Орденов «Победа» удостоены советские военачальники (в порядке издания указов о награждении): Г. К. Жуков и А. М. Василевский (10.04.1944), И. В. Сталин (29.07.1944), И. С. Конев, Г. К. Жуков, К. К. Рокоссовский (30.03.1945), А. М. Василевский (19.04.1945), Р. Я. Малиновский и Ф. И. Толбухин (26.04.1945), Л. А. Говоров (31.05.1945), А. И. Антонов и С. К. Тимошенко (4.06.1945), И. В Сталин (08.09.1945), К. А. Мерецков (08.09.1945).

Высшим советским военным орденом также награждены американский генерал армии Д. Эйзенхауэр, британский

Ил. 3. Танк КВ-2

фельдмаршал Б. Монтгомери (05.06.1945), король Румынии Михай I,), маршал Польши М. Жимерский (09.08.1945), югославский маршал Б. Тито (09.09.1945).

Всего в ходе Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и непосредственно после ее окончания произведено 19 награждений (Василевский, Жуков, Сталин – дважды. Изданный впоследствии Указ о награждении орденом «Победа» Л. И. Брежнева (20.02.1978) отменен как несоответствующий Статуту ордена (21.09.1989).

С момента учреждения орден «Победа» стал самым изображаемым орденом СССР, знаком триумфа и великого подвига всего народа, бесценным произведением искусства, созданным советскими ювелирами, не имеющим аналогов в мире.

В экспозиции представлены танки КВ-1 и КВ-2 (ил. 3). Как вспоминал Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский, танки КВ произвели на врага ошеломляющее впечатление. Они выдерживали огонь всех орудий, которыми были вооружены в то время немецкие танки.

Танк КВ-1 воевал в районе г. Купянска в апреле–мае 1942 г. в составе 90-й танковой бригады 28-й армии Юго-Западного фронта.

На нашей площадке вы видите единственный сохранившийся в мире танк КВ-2. Экипаж танка КВ-2 младшего лейтенанта К. И. Савельева в июле 1942 г. находился у станции Татьяновка в районе Купянска. Фашистские танки атаковали наши позиции. Экипаж К. И. Савельева вступил в бой. Гитлеровцы безуспешно пытались поразить КВ-2. Вражеские снаряды лишь высекали из его брони снопы искр. Атака врага была сорвана. 10 подбитых фашистских танков дымились на поле боя.

Защищая Сталинград, 8 сентября 1942 г. Савельев был ранен, но не покинул машину. Его КВ-2 продолжал вести бой. Только в этом бою К. И. Савельев уничтожил 4 танка, 5 артиллерийских орудий, 60 солдат и офицеров противника. 8 февраля 1943 г. танкисту было присвоено звание Героя Советского Союза[7]. Савельев погиб 18 марта 1943 г. в бою за пос. Буковище Севского района Брянской области.

Тяжелый танк ИС-2 создавался в конструкторском бюро Ж. Я. Котина специальной группой инженеров во главе с Н. Ф. Шашмуриным. В конце декабря 1943 г. танк успешно прошел заводские испытания и был принят к серийному производству. Боевой опыт показал, что танк ИС-2 — один из самых мощных танков Второй мировой войны. Такие танки состояли на вооружении полков прорыва и применялись в бою для борьбы с тяжелыми танками, взламывания сильно укрепленных оборонительных рубежей противника, а также для огневой поддержки и сопровождения средних танков. 122-мм пушка, пробивавшая с 500 м 140-мм броню, обеспечила танку ИС-2 превосходство по огневой мощи над всеми типами немецких тяжелых танков.

В боях за освобождение польского города Иноврoцлав 22 января 1945 г. танковый взвод под командованием лейтенанта Ашота Аматуни ночью, преодолев упорное сопротивление противника, вышел в район военного аэродрома. Огнем и гусеницами танкисты уничтожили 17 бомбардировщиков, танк, 2 орудия, 5 пулеметных точек, 85 автомашин, много другой военной техники и живой силы фашистов. Лейтенанту А. Аматуни 27.02.1945 г. было присвоено звание Героя Советского Союза[8]. Немцы так боялись ИС-2, что запрещали своим танкистам вступать с ним в открытый бой.

Особо широко проводился сбор материалов для музея в 1943 г. Тогда сотрудники музея побывали в войсках Ленинградского, Донского, Западного, Калининского, Юго-Западного, Южного

Ил. 4. Партизанская землянка, привезенная из лесов Брянской области

фронтов, на местах боев в районе Сталинграда, Воронежа, Ростова-на-Дону, Калинина, Смоленска, Харькова, Белгорода, а также в партизанских отрядах в Брянских лесах и на Смоленщине. Среди экспонатов — подлинная партизанская землянка, привезенная из лесов Брянской области (ил. 4). В ней экспонируются образцы оружия партизан, в том числе и самодельного. Здесь же выставлено знамя с изображением Ленина и Сталина 1-й Клетнянской партизанской бригады.

Среди экспонируемого оружия можно отметить 7,62-мм ППШ Героя Советского Союза А. М. Матросова[9] (ил. 5).

В годы Великой Отечественной войны возрождается целый ряд традиций дореволюционной русской армии. Одна из них — зачисление навечно героев в списки части, в которой они несли службу. Первым военнослужащим, навечно зачисленным в состав 254-го стрелкового полка, стал рядовой Александр Матросов, закрывший своим телом вражескую огневую точку.

В соответствии с документами Александр Матросов был зачислен в стрелковый батальон, входивший в 91-ю отдельную Сибирскую добровольческую бригаду, носившую имя Иосифа

Ил. 5. ППШ Героя Советского Союза А. М. Матросова

Сталина, 25 февраля. Но в советской прессе указывается, что свой подвиг Александр Матросов совершил 23 февраля. Прочитав об этом позднее в газетах, однополчане Матросова были крайне удивлены данной информацией, ведь в действительности памятный бой на Псковщине, неподалеку от деревни Чернушки, которую батальон в соответствии с приказом командования должен был отбить у немцев, произошел 27-го февраля 1943 г.

Почему столь важная дата была изменена не только в газетах, но и во многих исторических документах, описывающих великий подвиг? Всем, кто рос в советское время, хорошо известно, как правительство и многие другие официальные органы любили приурочивать разные, даже самые незначительные события, к памятным юбилеям и датам. Так произошло и в данном случае. Приближающийся юбилей, 25-летие со дня основания Красной армии, требовал «реального подтверждения» для воодушевления и поднятия морального духа советских воинов. Очевидно, было принято решение приурочить подвиг бойца Александра Матросова к памятной дате.

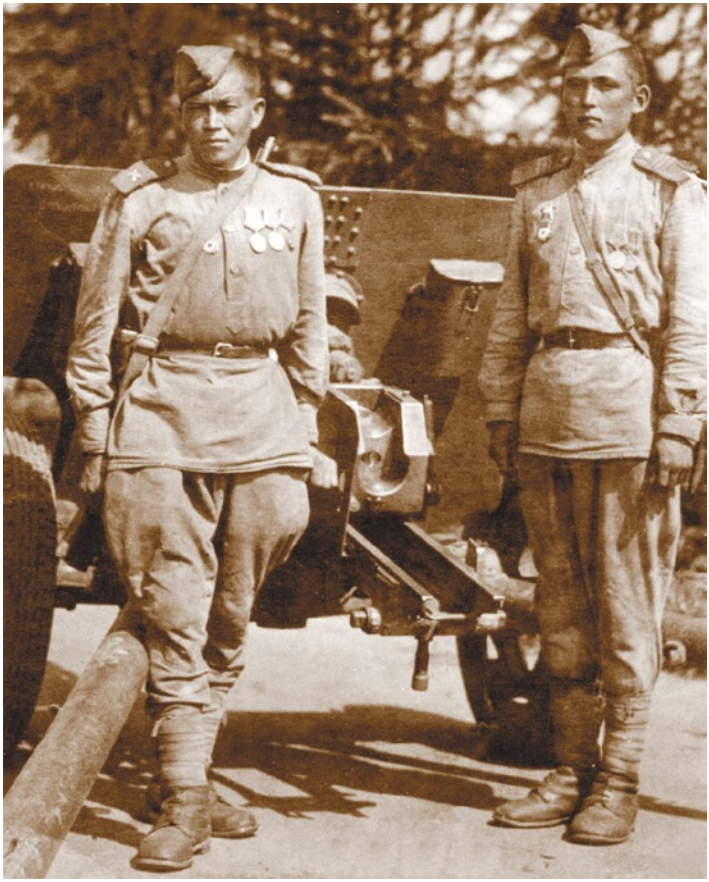
Требует упоминания и то обстоятельство, что еще до конца марта 1943 г. как минимум тринадцать бойцов Красной Армии, воодушевленных примером Александра Матросова, совершили такой же подвиг.

Сохранилось множество документально засвидетельствованных фактов, как уже в первые годы войны советские солдаты бросались на огневые точки противника. Самыми первыми из них стали Александр Панкратов — политрук танковой роты, пожертвовавший собой 24 августа 1941 г. при атаке Кириллова монастыря под Новгородом, и Яков Падерин, погибший 27 декабря 1941 г. у деревни Рябиниха в Тверской области. Всего за годы войны аналогичный подвиг совершили более четырехсот человек.

Наша артиллерия сыграла важную роль в сражениях Великой Отечественной войны. На смотровой площадке экспонируются три 76-мм пушки ЗИС-3, созданных в конструкторском коллективе под руководством В. Г. Грабина в 1941 г. ЗИС-3 принята на вооружение 12 февраля 1942 г. Ее боевые возможности высоко оценили и наши противники. Бывший руководитель отдела артиллерийских конструкций фирмы Круппа профессор Вольф говорил: «...ЗИС-3 — лучшее 76-мм орудие Второй мировой войны... Можно без всякого преувеличения утверждать, что это одна из самых гениальных конструкций в истории ствольной артиллерии».

Командиром одного из хранящихся в музее орудий был старший сержант Г. И. Гусев. С этой пушкой он прошел с боями 6940 км от Сталинграда до Берлина, участвовал в освобождении сотен городов и сел. Огнем орудия было уничтожено 15 танков, 16 пушек, 25 автомашин с гитлеровцами, разрушено 16 блиндажей и 12 наблюдательных пунктов противника. Из пушки произведено 10 250 выстрелов.

Другая 76-мм дивизионная пушка ЗИС-3 входила в состав 45-го гвардейского отдельного истребительно-противотанкового артиллерийского Краснознаменного дивизиона 42-й гвардейской стрелковой Прилукской ордена Ленина Краснознаменной ордена Богдана Хмельницкого дивизии. Пушка находилась во взводе, которым командовала единственная в противотанковой артиллерии женщина-артиллерист гвардии лейтенант Тамара Александровна Сычева. Впоследствии она командовала противотанковой батареей. Орудие прошло боевой путь от Днепра до



Ил. 6. Артиллеристы К. Елистратов (слева) и Т. Кашкарбаев у 76-мм дивизионной пушки ЗИС-3 192-го гвардейского артиллерийского полка

Праги, участвовало в освобождении Украины, Молдавии, Румынии, Венгрии и Чехословакии.

Победу в Великой Отечественной войне ковал наш единый многонациональный народ. В зале музея экспонируется третья 76-мм дивизионная пушка ЗИС-3 — 192-го гвардейского артполка, заводской № 268363 (ил. 6). Эта пушка прошла в рядах 87-й гвардейской стрелковой дивизии славный боевой путь — от Сталинграда до Севастополя[10]. В ее орудийном расчете были

воины разных национальностей: командир орудия гв. старший сержант Джуманазар Хаджиев — таджик; наводчик гв. старший сержант Ташбулат Кашкарбаев — казах; заряжающий гв. младший сержант Константин Елистратов — чуваш; подносчик гв. ефрейтор Александр Карташов — русский; ездовой гв. рядовой Касымов — узбек. Трудными дорогами войны прошли эти бойцы со своей пушкой — Сталинград, Донбасс, Ворошиловград, Херсон, Севастополь. Только в боях под Сталинградом батарея, в составе которой действовало орудие, уничтожила 7 танков противника, 14 автомашин, 9 пулеметных точек, 2 наблюдательных пункта, рассеяла и частично уничтожила до двух рот пехоты противника.

В период боев за освобождение Крыма нашим частям была поставлена задача прорвать Ишуньские укрепленные позиции противника, выйти на реку Чатырлык и, форсировав ее, создать укрепленный плацдарм на левом берегу. Пехота при поддержке артиллеристов двинулась вперед. Ведя меткий огонь, расчет Д. Хаджиева в самом начале боя уничтожил 3 пулемета, дзот, 2 блиндажа, около 50 гитлеровцев. Но дальнейшему продвижению нашей пехоты мешали два вражеских пулемета. Тогда Д. Хаджиев выдвинул орудие вперед и прямой наводкой уничтожил их. За героизм и мужество, проявленные в этих боях, весь расчет орудия был награжден орденами Красного Знамени. А потом был Севастополь. Расчет орудия под командованием Т. Кашкарбаева одним из первых ворвался на улицы города и преследовал врага до бухты Стрелецкая. После этих боев и был подписан приказ об отправке пушки в Москву. Гвардейцы К. Елистратов и Т. Кашкарбаев доставили его в музей. Орудие заняло свое место в экспозиции Центрального музея Красной армии. После освобождения Севастополя расчет пушки № 268363 участвовал в штурме Кенигсберга и походе на Берлин.

На смотровой площадке экспонируемая в музее 152-мм гаубица-пушка обр. 1937 г. 142-й армейской пушечной артиллерийской бригады (ил. 7) в августе 1944 г. одной из первых произвела выстрелы по гитлеровским войскам на территории фашистской Германии. Как писала одна из армейских газет, Подмосковье, Смоленщина и Белоруссия, Литва и ближайшие подступы к Восточной Пруссии — такова история боевого пути 152-мм гаубицы-пушки... Это орудие участвовало и в боях под Варшавой, а под Берлином сделало свой последний, 4900-й боевой выстрел.

Ил. 7. 152-мм гаубица-пушка обр. 1937 г.

Справа можно увидеть речной боевой корабль, появившийся в экспозиции музея в 1979 г. Это бронекатер, воевавший в 1943–1945 гг. в составе Азовской и Дунайской военных флотилий[11] (ил 8). Бронекатер серии 1124 был заложен на заводе № 638 им. Сталина (Астрахань) на основании решения ГКО от 26 октября 1942 г. № 2450 сс[12], сдан в первом полугодии 1943 г.[13]. Личный состав принял бронекатер 10 октября[14], а 24.10.1943 г. он был включен в состав Азовской военной флотилии Черноморского флота[15]».

Могучий речной корабль был вооружен двумя 76-мм пушками в башнях танков Т-34, двумя 12,7-мм крупнокалиберными пулеметами системы ДШК обр. 1938 г. и четырьмя пулеметами калибра 7,62-мм. Максимальная скорость хода достигала 52 км/ч.

В течение четырех лет (2015–2018 гг.) велся историко-архивный поиск по боевому пути и установлению членов экипажа БК-433. Автор статьи и старший научный сотрудник В. И. Замкин изучили военную литературу, документы Военно-морского архива (филиала Центрального архива МО РФ), Российского государственного архива социально-политической истории, письменно обращались к родственникам членов экипажа А. Д. Шлемова, В. А. Славянского. Результатом работы

Ил. 8. Бронекатер БК-433 серии 1124

в 2018 г. стала научная работа «Навечно в памяти народной. Боевой путь музейного экспоната бронекатера БК-433 «От Керчи до Вены» и 23 установленных члена экипажа БК-433, их боевые подвиги.

В ноябре–декабре 1943 г. бронекатер под командованием лейтенанта Д. И. Фомина получил боевое крещение в ходе Керченско-Эльтингенской десантной операции[16]. Неоднократно прорываясь через огонь фашистских батарей, он высадил на берег 570 десантников и перевез 20 тонн боеприпасов. В боях с кораблями противника экипаж лейтенанта Д. И. Фомина артиллерийским огнем потопил две быстроходные десантные баржи. Тульчинский отряд бронекатеров Дунайской флотилии, куда входил бронекатер, участвовал в освобождении Болгарии, Румынии, Югославии, Венгрии, Австрии. 16 октября 1944 г. старшине первой статьи А. Д. Шлемову пришлось заменить погибшего командира бронекатера лейтенанта В. А. Славянского[17]. Этим мужественным поступком он добавил к медали «За отвагу»[18], орденам Красного Знамени[19] и Красной звезды[20] за операцию по высадке десанта в порт Керчи и боевые действия на Азовском море еще один — орден Ленина[21]. После войны и демобилизации Алексей Дмитриевич Шлемов проживал на станции Вязовая[22]. Боевую

Ил. 9. Награды трижды Героя Советского Союза Ивана Никитовича Кожедуба

службу славный корабль закончил под Будапештом, перебрасывая через Дунай войска и технику 3-го Украинского фронта.

К числу ценных реликвий нашего музея относятся награды и личные вещи двух прославленных летчиков-асов Великой Отечественной войны, трижды Героев Советского Союза Александра Ивановича Покрышкина и Ивана Никитовича Кожедуба. Но если наградами и личными вещами А. И. Покрышкина, включая его лучший прижизненный портрет, музей располагал, то реликвий, связанных с И. Н. Кожедубом, у нас не было. Так случилось, что они стали достоянием частной коллекции, стоимость которой оценивалась примерно в 500 тысяч евро. Вполне понятно, что для музея Минобороны это была неподъемная цена, и выкупить ее не было возможности.

В 2013 г. ООО «Русское авиационное общество» (генеральный директор Сергей Николаевич Баранов) выкупило эти награды из частных рук и безвозмездно передало в дар музею (ил. 9). Конечно, это было целое событие. Золотые Звезды Героя, награды, китель, маршальская звезда, личные вещи — все это теперь выставлено в нашем зале Победы на радость людям.

---

[1] А. К. Никонов. Некоторые аспекты комплектования коллекции Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации // Материалы конференции ИКОМАМ: «Военно-исторические музеи в контексте современной истории. Востребованность и актуальность». Москва. 8–10 октября 2014 г. М.: ОАО «Красная Звезда». С. 18.

[2] Архив ЦМВС РФ. Оп. 3. Д. 21/4. Л. 13.

[3] Там же. Оп. 7, Д. 11, Л. 34–35.

[4] Дементьев А. Н. Знамя Победы. М.: ЦМВС РФ. 2015. С. 16.

[5] Долматовский Е. А. Автографы Победы. М.: ДОСААФ, 1972. С. 9.

[6] Военная энциклопедия: В 8 т. М.: Воениздат, 2002. Т. 6. С. 136–137.

[7] Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь: В двух томах / Под ред. В. П. Горемыкина. М.: Буки Веди, 2015. Т. 2. С. 396.

[8] Там же. С. 48.

[9] Там же. С. 89.

[10] А. С. Марышева. История одного музейного экспоната. 76-мм пушка ЗИС-3 № 268363 // Информационно-методический сборник ЦМВС РФ. № 2 (32) 2015. С. 58–60.

[11] С. С. Бережной. «Корабли и суда ВМФ СССР 1928–1945: Справочник. М.: Воениздат, 1988. С. 103.

[12] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 48. Л. 51, 58.

[13] Там же. Ф. 644. Оп. 1. Д. 97. Л. 116.

[14] ЦАМО РФ (Архив ВМФ). Ф. 957. Оп. 31. Д. 6. Л. 142.

[15] ЦВМА. Ф. 13. Д. 7477. Л. 32–33, 44, 102. Д. 11872. Л. 68 об.–75. Д. 13208. Л. 60–61, 78.

[16] ЦАМО РФ (Архив ВМФ). Ф. 4742. Д. 84276. Л. 1.

[17] Там же. Ф. 1230. Оп. 013559. Д. 337. Л. 2.

[18] ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 690306. Д. 525. Л. 69. № записи 41173603.

[19] ЦВМА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1223. Л. 32. № записи 50750856.

[20] Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1007. Л. 236. № записи 50822402.

[21] Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 769. Л. 214. № записи 50629341.

[22] Т. Лукьянова. Моряк с Вязовой // Усть-Катавская неделя. 8 мая 1996. № 36 (218).

В. П. Соломонов, Е. Э. Эльц,
В. А. Данилевская (Санкт-Петербург),
В. Н. Абрамовский (Архангельск)

ПЕРЕДВИЖНЫЕ ВЫСТАВКИ КАК ИНСТРУМЕНТ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВКЛАДЕ СОЮЗНЫХ (СЕВЕРНЫХ) КОНВОЕВ 1941–1945 гг. В ПОБЕДУ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

РОЛЬ МУЗЕЕВ в сохранении исторической памяти о Великой Отечественной войне приобретает все более важную роль в условиях ослабления эмоционального элемента памяти, который поддерживался передачей бесценного исторического опыта из первых уст — фронтовиков, ветеранов[1], а также в условиях негативных тенденций к ревизии нашей истории со стороны определенных сил[2].

Немецкий культуролог Ян Ассман, занимавшийся разработкой понятия культурной памяти, отмечал ее отличие от коммуникативной памяти — активной памяти (воспоминаний), опыта живых поколений, передаваемой через устное общение в интерактивном взаимодействии в повседневной жизни. Исчезновение живых свидетельств о происходивших событиях и вместе с ними — коммуникативной памяти, связанной с недавним прошлым и ограниченной сроком жизни трех-четырех поколений, знаменует начало нового этапа сохранения и воспроизводства памяти о Великой Отечественной войне[3].

Личные, автобиографические воспоминания собираются, подвергаются письменной обработке, материализуются на носителях. Так происходит переход из коммуникативной памяти в культурную память, «экстериоризированную, объективированную и хранящуюся в символических формах, которые, в отличие от звучания слов или производимых жестов, стабильны и выходят

за рамки конкретной исторической, культурной или социальной ситуации: они могут переноситься из одной ситуации в другую и передаваться из поколения в поколение»[4]. Культурная память формируется символическим наследием, воплощенным в текстах, ритуалах, памятниках, праздниках, предметах, священных писаниях и других носителях[5].

Как важнейшие институты памяти, музеи приобрели ключевую роль в фиксации и сохранении свидетельств. Часть видео- и аудиосвидетельств хранится в фондах, часть обретает место в выставочном пространстве. Относительно новым явлением можно назвать интеграцию самого процесса воспоминания о событии и его вербализацию в репрезентации истории Второй мировой войны в современных военно-исторических музеях.

Алейда Ассман выделяет в культурной памяти «архив» — «культурную референтную память, которая хранится, потенциально доступна, но не интерпретируется», и «канон» — «культурную рабочую память» общества, которая отбирается, наделяется ценностью и предназначена для презентации и циркуляции в обществе. Так, национальный исторический нарратив передается в учебниках посредством монументов и памятных дат[6]. В музейной среде элементы «канона» — это экспонируемые предметы и художественные произведения, тщательно отобранные куратором и приобретающие на выставке особый статус. Тогда как элементами «архива» являются предметы, хранящиеся в музейных фондохранилищах[7].

С активной составляющей культурной памяти, отбором, циркуляцией и презентацией текстов, нарративов, артефактов и т. д. А. Ассман связывает коллективную идентичность. Особую роль музеев, и непосредственно выставок, в сохранении идентичности посредством признания, выявления, исследования, документирования и трансляции ценностей отмечает Т. С. Шола, указывая на просветительскую роль современных музеев[8].

Приоритет экспонирования подлинных музейных предметов создает особую эмоциональную атмосферу достоверности, а расширяющийся музейный инструментарий (картины, аудио, видео, театральные декорации и виртуальные технологии) позволяет приблизиться к ощущению непосредственного опыта. Именно эта способность музейной экспозиции выступать в качестве транслятора во времени и пространстве превращает

музейную коммуникацию в действенный инструмент формирования исторической памяти.

В России Великая Победа — ключевое событие для формирования национальной идентичности, стержень внутриполитического и внешнеполитического нарратива. Благодаря фондовой, экспозиционно-выставочной, просветительской и научно-исследовательской работе музеев память о войне стала частью культурного кода россиян[9].

Реализуются международные проекты, направленные на популяризацию российского исторического наследия.

В условиях, когда национальные исторические музеи сосредотачивают внимание на национальных экспозициях и менее склонны к международному совместному производству, чем художественные музеи, ведущим трендом международной деятельности исторических музеев становятся передвижные выставки.

Примером международного выставочного проекта «Второй фронт», организованного в 2022 г. Музеем Победы, является планшетная выставка в Российском центре науки и культуры в Брюсселе (Бельгия). Специально для нее были оцифрованы материалы, иллюстрирующие сотрудничество СССР с союзными странами (включая этапы создания антигитлеровской коалиции и обеспечения поставок по ленд-лизу). Фотографии и документы из фондов музея сопровождали снимки предметов из архива семьи советского адмирала и дипломата Николая Харламова, который внес немалый вклад в создание арктических конвоев по ленд-лизу в Советский Союз.

Передвижными выставками, посвященными Великой Отечественной войне, известен Калининградский областной историко-художественный музей.

Расширение музейного инструментария, появление новых форм фиксации информации, ее хранения и распространения, интеграция личных историй в традиционное взаимодействие посетителя с дискурсом музея и объектами музея, все более широкое использование изображений, в частности, документальной фотографии, открывают новые возможности для исторических музеев, в том числе для активизации их международной деятельности.

В самом определении передвижных выставок, временных выставок, устраиваемых последовательно в разных городах или странах для широкого распространения классического

и современного искусства, исторической памяти и культурного наследия с целью расширения коммуникативных возможностей музея, нет разделения на национальные и международные. Передвижные выставки, посвященные теме Второй мировой войны, могут служить созданию единого пространства по истории XX века, способствовать укреплению культурных и гуманитарных связей, поддерживать коммеморативные практики, усиливать музейные партнерства.

Фонд сохранения исторической памяти «Международный центр Северных конвоев» (далее — Фонд «МЦСК») был создан в Санкт-Петербурге в 2018 г. Цели работы фонда, определяющие его развитие на протяжении последующих шести лет, — создание музея или музейного комплекса, посвященного Северным (Арктическим, Полярным) конвоям 1941–1945 гг., и патриотическое воспитание молодежи.

Начиная с 2018 г., Фондом «МЦСК» формируется коллекция предметов и документов, относящихся к наследию Северных и других союзных конвоев и иллюстрирующих как различные исторические аспекты конвойных операций (предметы ветеранов конвоев, снаряды, детали обмундирования, предметы быта моряков, летчиков, работников портов, награды военных лет, дневники и документы и пр.), так и представляющих историю послевоенного развития темы героизма участников конвоев (это награды, учрежденные и вручавшиеся уже после окончания войны, воспоминания ветеранов, предметы и символика ветеранских организаций и юбилейных мероприятий, картины художников, посвященные морским сражениям в Арктике, и пр.).

За время взаимодействия Фонда «МЦСК» с представителями молодежной аудитории — школьниками, учащимися средних специальных учебных заведений, студентами вузов — благодаря общению и проведению опросов было установлено, что около 80% молодых людей ничего не знают о Северных конвоях Великой Отечественной войны, либо их знания ограничиваются самой поверхностной информацией. Таким образом, можно говорить о проблеме недостаточных знаний молодого поколения россиян о Северных конвоях как важной странице истории нашей страны.

В рамках просветительской деятельности Фонда «МЦСК», направленной в первую очередь на решение данной проблемы, в 2023 г. при поддержке Фонда «История Отечества» была

Ил. 1. Выставка «Союзные (Северные) конвои и ленд-лиз 1941–1945 гг.» перед открытием в Музее Арктики и Антарктики. 2023 г.

создана передвижная выставка «Союзные (Северные) конвои и ленд-лиз 1941–1945 гг.» (ил. 1). Общей идеей, которой руководствовался Фонд «МЦСК» при работе над выставкой, было показать с помощью имеющихся у организации предметов и информационных материалов многогранную историю Северных конвоев, рассказать о подвиге их участников в тяжелых условиях Арктического региона, показать интерпретацию истории Северных конвоев в работах современных художников и в детском (молодежном) творчестве.

С целью достижения большего просветительского эффекта выставки для целевой аудитории, а также для наилучшей и более наглядной актуализации важнейшей темы сохранения исторической памяти и исторической правды о Великой Отечественной войне, она была структурно поделена на мобильные стенды Roll-up для демонстрации текстовой информации и фотографий и мобильные стенды-витрины с представленными в них предметами.

Мобильные стенды Roll-up представляли информацию по темам: «Союзные (Северные) конвои и ленд-лиз 1941–1945 гг.» (общая информация), «Подвиг Лесовоза “Ижора” и парохода “Старый Большевик”», «Северные конвои 1941–1945 гг. Поставки по ленд-лизу. Цифры и факты», «Патрушев Платон Игнатьевич — участник Северных конвоев», «Секретная операция “Бенедикт” в Советском Заполярье». В витринах были размещены предметы из коллекции Фонда «МЦСК», структурированные следующим образом: материалы (экспонаты), рассказывающие об участниках Северных конвоев 1941–1945 гг. из Советского Союза и Великобритании (Шотландии); государственные награды, вручавшиеся Советским Союзом и странами-союзниками по антигитлеровской коалиции за участие во Второй мировой войне и Северных конвоях; экспонаты, представляющие поставки по ленд-лизу, а также бытовую сторону жизни и детали экипировки моряков Северных конвоев; предметы, показывающие историю сохранения памяти о Северных конвоях в послевоенный период.

Для повышения эффективности восприятия, лучшего эмоционального воздействия на посетителей и дополнения фактической текстовой информации в выставку был включен мобильный стенд с вмонтированным монитором, на котором демонстрировались документальные фото- и видеоматериалы. Звуковой ряд мобильного стенда представлен музыкальными композициями и звуками арктического ветра и волн (ил. 2).

Передвижная выставка Фонда «МЦСК» «Союзные (Северные) конвои и ленд-лиз 1941–1945 гг.» была представлена в Музее Арктики и Антарктики Санкт-Петербурга в сентябре–ноябре 2023 г. и в Государственном музее истории Санкт-Петербурга, Особняк Румянцева, с июня по сентябрь 2024 г. О высоком просветительском эффекте выставки свидетельствуют многочисленные записи, оставленные посетителями в журнале отзывов, располагавшемся на одном из стендов. Посетители подтверждают свой интерес к предметам и информации, представленным на выставке, и благодарят за раскрытие интересной и мало представленной в российском музейном пространстве темы Северных конвоев. Следует упомянуть, что только за три месяца экспонирования выставки в Музее Арктики и Антарктики ее посетили более 19 тысяч человек.

Фонд «МЦСК» в своей деятельности стремится развивать взаимодействие с российскими музеями и музеями

Ил. 2. Мобильный стенд для демонстрации фотографий и видеофайлов

дружественных стран, и возможность организации совместных выставок с привлечением созданной передвижной выставки открывает новые перспективы в данном направлении.

Выставка спроектирована таким образом, что возможной становится ее перевозка из региона в регион и развертывание (монтаж) в выставочных помещениях в сжатые сроки. Более того, при проведении межмузейных выставок экспозиция может быть дополнена экспонатами из фондов музеев-партнеров, как, например, во время совместной выставки в Музее Арктики и Антарктики. Такая возможность обусловлена тем, что выставка «Союзные (Северные) конвои и ленд-лиз 1941–1945 гг.», несмотря на четкую разработанную концепцию, не представляет собой тематически законченного единства вследствие глубины содержания темы Северных и других союзных конвоев.

В 2025 г. запланировано экспонирование выставки в Северном морском музее Архангельска и в других городах Архангельской области, однако для оптимальной реализации задачи патриотического воспитания и просвещения молодого поколения Фонд «МЦСК» надеется на взаимодействие в рамках выставочной

деятельности и с музеями других регионов Российской Федерации. Более того, мы считаем, что тема союзных конвоев может стать неким «мостиком», фактором, способствующим установлению контактов и потенциальному взаимодействию с музейными, образовательными и ветеранскими организациями дружественных стран.

Маршруты союзных конвоев 1941–1945 гг. проходили по территории сегодняшнего Ирана, Азербайджанской Республики, Туркменистана; известно, что в сопровождении грузов по Транссиранскому маршруту участвовали граждане Индии. Все это позволяет говорить о больших перспективах использования передвижной выставки на тему союзных конвоев в международном культурном, научно-историческом, просветительском взаимодействии.

Следует, однако, еще раз подчеркнуть, что важнейшей аудиторией выставки и выставочной деятельности Фонда «МЦСК» является учащаяся молодежь. В современных условиях и в год 80-летия Великой Победы задача просветительской деятельности Фонда, как и задача выставки, — показать молодым людям значимость темы союзных конвоев и сохранения памяти об их участниках — истинных героях, жертвовавших жизнями и мужественно терпевших все невзгоды, преодолевавших опасности ради помощи своей Родине, сражавшейся с фашизмом.

Считаем, что экспонирование выставки в музеях способствует решению проблемы, так как большая часть посетителей музеев, особенно в составе экскурсионных групп, — это школьники, курсанты, студенты. Однако просветительский эффект выставки будет многократно усилен при ее экспонировании непосредственно в образовательных учреждениях. Так, с ноября 2023 по июнь 2024 г. она была представлена в Санкт-Петербурге в Северо-Западном институте управления РАНХ и ГС при Президенте РФ, а с сентября 2024 г. расположена в конференц-зале Российского Государственного гидрометеорологического университета. Располагаясь непосредственно в учебных заведениях, выставка регулярно посещается группами их студентов и преподавателей, а также учащимися других школ и вузов (ил. 3).

В сегодняшних условиях, когда история родной страны становится важнейшим фактором патриотического воспитания, а ее изучение молодым поколением и его дальнейшая деятельность по сохранению памяти о подвигах предков — необходимое условие

Ил. 3. Экскурсия по выставке «Союзные (Северные) конвои и ленд-лиз 1941–1945 гг.» в Северо-Западном институте управления РАНХ и ГС при Президенте РФ

формирования истинного гражданина нашей страны, мы не должны позволить нашим современникам забыть о важной странице истории Великой Отечественной войны — союзных конвоях и их героях, наших согражданах. Именно нашей молодежи мы должны «передать эстафету» деятельного сбережения и приумножения исторической памяти о героях нашей Родины — бережного, уважительного, наполненного благодарностью и высоким патриотическим чувством. И такой формат подачи просветительского материала как передвижная выставка может стать важным инструментом сохранения исторической памяти.

[1] Вершилов С. А. Историческая память о войне: особенности и проблемы сохранения // Военно-исторический журнал. 2021. № 5. С. 35–38.

[2] Давыдов С. Г. Музейные комплексы и формирование исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны // Современная научная мысль. 2020. № 4. С. 107–111.

[3] Проказина Н. В., Старых Н. П. Коммуникативная память о Великой Отечественной войне: теоретические подходы и социальная практика // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 5 (35). С. 35–43.

[4] Assman J. Communicative and Cultural Memory // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook / edited by Astri Erll, Ansgar Nünning. P. 110–111.

[5] Cultural memory: the link between past, present, and future http://www.iea.usp.br/en/news/cultural-memory-the-link-between-past-present-and-future (дата обращения 12.01.2025).

[6] Aleida Assman Canon and Archive // Cultural memory studies : an international and interdisciplinary hand book / edited by Astrid Erll, Ansgar Nnning. 2008. P. 97–107.

[7] Jong, Steffide. The witness as object : video testimony in memorial museums. New York ; Oxford : Berghahn 2018. P. 14.

[8] Šola T.S. Public memory in a deluded society. Notes of a lecturer https://icofom.mini.icom.museum/wp-content/uploads/sites/18/2022/11/2022_tomislav_sola_public_memory.pdf.

[9] Манюк Е. С. Роль музея в сохранении памяти о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (2021) URL: https://koihm.ru/rol-muzeya-v-sohranenii-pamyati-o-velikoj-otechestvennoj-vojne-1941-1945-gg/ (дата обращения 27.12.2024).

А. В. Уварова (Санкт-Петербург)

ЭВАКУАЦИЯ ДЕТЕЙ ИЗ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА И ИХ ДАЛЬНЕЙШАЯ СУДЬБА ПО МАТЕРИАЛАМ АВТОБИОГРАФИИ А. М. СКВОРЦОВА

«Я родом не из детства — из войны.
И потому, наверное, дороже,
Чем ты, ценю я радость тишины
И каждый новый день, что мною прожит».
Ю. В. Друнина

ЭВАКУАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ и предприятий из приграничных территорий вглубь страны была одной из первостепенных задач советского государства. В исторической науке вопрос эвакуации еще имеет неизученные вопросы, ответ на который их исследователи зачастую ищут в воспоминаниях участников тех событий, письмах родным и близким, дневниковых заметках. Их рассмотрение и анализ помогают увидеть ранее не освещавшиеся эпизоды Великой Отечественной войны «глазами их участников».

Значительная часть данного массива документов была написана «детьми войны» — людьми, ставшими ее участниками в юном возрасте. Их воспоминания, записанные на материальном носителе, можно разделить на две группы: зафиксированные в детском возрасте в момент события и написанные уже во взрослом возрасте. Как отмечает историк Н. В. Кабакова, наибольшую ценность несут документы первой группы, так как, по ее мнению, события детства во взрослом возрасте оцениваются человеком с учетом уже пройденного опыта, собственного мировоззрения[1]. Однако данная группа воспоминаний ценна, особенно для родственников «детей войны», ведь, как правило, такие

воспоминания записываются неохотно и, если не фиксируются во время жизни свидетеля событий, уходят вместе с ним.

В личном архиве автора данной статьи находится рукопись доктора технических наук, профессора ИТМО Альберта Матвеевича Скворцова. Составлением рукописи он занялся в январе 2020 г., в возрасте 88 лет, и нужным посчитал зафиксировать историю собственной семьи и детско-подростковый период жизни, связанный с годами Великой Отечественной войны. Именно последний лег в основу данной статьи, задача которой — рассмотрение проблемы эвакуации ленинградских детей в отдаленные уголки Советского Союза и устройства их быта в тылу через историю отдельного человека.

Стоит отметить, что исследователи эвакуации из блокадного Ленинграда отмечают, что она проводилась в три этапа: с 29 июня по 27 августа, осенью–зимой 1941 г. и в мае–октябре 1942 г.[2] Альберт Матвеевич вместе с младшим братом Станиславом попали в число первых, так как уезжали из Ленинграда вместе с детьми работников НКВД, потому что оба родителя работали в данной структуре: отец — бухгалтером в детской колонии, а мать — ночной дежурной (надзирателем) в детском приемнике-распределителе. Планировалось распределение детей по Новгородской, Псковской, Ярославской областям и на Урал. Однако в середине июля немцы заняли первые два пункта, и дети вместе с отступающими частями возвращались обратно в Ленинград для дальнейшей эвакуации уже в Кировскую, Горьковскую области и на Урал[3].

Альберту со Станиславом «повезло» — местом их эвакуации была назначена деревня Турово Некрасовского района Ярославской области. Отправление туда происходило в «один из выходных дней» в середине июля 1941 г. Сначала детей и их родителей собирали ответственные от организаций. Местом сбора для сотрудников НКВД стал Дом культуры на Гончарной улице. Оттуда дети и их родители организованным строем отправлялись пешком на Московский вокзал. Как отмечает Альберт Матвеевич, «важным требованием было наличие у каждого ребенка средств питания на одни или двое суток»[4]. До места эвакуации детей везли на обычной электричке. Распределение по вагонам происходило в соответствии с тем построением, которое было организовано во время отправления к вокзалу.

Интересно воспоминание о том, как проходила поездка: «Середина жаркого солнечного июльского дня. Все окна вагонов

электрички раскрыты и заполнены оживленными и удивленными лицами детей. Навстречу электричке движется почти непрерывный поток транспорта. Часто в составах из грузовых вагонов оказываются открытые платформы с пушками и солдатами вокруг них. Тогда электричка оживает. Приветственно машут руки детей. Из окон летят на платформы припасы провианта из детских мешков и сумок. Такие эпизоды повторяются многократно. На одной из очередных платформ с пушками среди солдат сидел гармонист. Видимо, солдаты пели песню. Я обратил внимание, что платформы с солдатами и пушками всегда были вставлены между грузовыми вагонами. А в одном встречном грузовом составе среди вагонов была вставлена платформа с двумя танками и группой танкистов. Видимо, такой порядок формирования поездов — простейший способ маскирования важных грузов...»[5]. Для Альберта Матвеевича данный эпизод оказался одним из самых ярких за все время поездки. Как отмечается им далее, организацию быта во время пути он практически не помнит, но по другим личным воспоминаниям, связанным с физиологическими особенностями, им делается вывод, что за детьми велось наблюдение со стороны сопровождавших их взрослых[6]. Для нас, исследователей, данный эпизод ценен тем, что в нем зафиксирован не только этап эвакуации детей по железной дороге, но и то, как перемещались военнослужащие и боевая техника к местам боев в первые месяцы Великой Отечественной войны.

Стоит отметить, что Альберт и Станислав за все время эвакуации проживали в двух поселениях. Первым местом, как уже отмечалось ранее, была деревня Турово Ярославской области. После прибытия, предположительно, в районный центр (Альберт Матвеевич не указывает точного названия станции. — *А. У.*), дети с сопровождающими добирались до места назначения с обозом, младшие ехали на телегах, старшие шли рядом. На месте эвакуации они были размещены в нескольких помещениях, однако большая часть проживала в здании школы.

Как был организован их быт во время пребывания в Турове, Альберт Матвеевич также практически не помнит. Единственное, что он отмечает, — это суета и нестабильность. Данный факт типичен для первых месяцев жизни вне дома многих эвакуированных. Прибывшие на место дети могли оставаться без надзора, жить в необорудованных помещениях, не получать качественного питания. Причиной этому была неготовность органов власти

на местах в столь короткие сроки и при малых средствах принять значительное количество прибывшего народа из фронтовых районов. Однако среди работников детских домов находились отзывчивые люди, покупавшие необходимое на собственные средства.

Эвакуированные дети также старались заботиться друг о друге. Родных братьев и сестер старались не разъединять: при распределении по группам в течение первого года эвакуации старшего оставляли в той же, что и младшего, для лучшей адаптации последнего. В воспоминаниях Альберта Матвеевича часто упоминается, что важнейшей его задачей была забота о брате Станиславе. Получается, что в столь трудных условиях он брал на себя ответственность за сохранение его жизни. Например, есть упоминание о том, что во всех «приключениях», организуемых ребятами старшей группы, они принимали участие совместно. При этом Альберт Матвеевич четко понимал, какую ответственность он брал на себя, беря с собой младшего брата[7].

Пребывание в Турове было первым этапом эвакуации. Вскоре в связи с приближением линии фронта к местам, куда вывозили детей, было принято решение об их повторном перемещении вглубь страны. Второй этап эвакуации, начавшийся в сентябре 1941 г., проходил в суровых военных условиях. Так как железнодорожное сообщение было сильно загружено в связи с исполнением постановления об эвакуации промышленных предприятий из прифронтовых территорий, а также отправкой военнослужащих на фронт, детей эвакуировали водным транспортом.

Из Турова планировалась повторная эвакуация детей в город Молотов (Пермь). До места интернат должен был добираться полностью водным путем, сплавляясь на пароходе по Волге и Каме. Отправление планировалось со станции «Красный Профинтерн», куда из Турова прибыли на конном подвозе. И уже оттуда началось движение по Волге на колесном пароходе «Комсомолец». Альберт Матвеевич довольно подробно описывает его внешний вид: это был пароход с открытой палубой и двухъярусной надстройкой кают. В трюме парохода было выделено помещение, где организовали спальни для детей, кухня и столовая располагались рядом с каютами[8].

Как и в ситуации с перемещением к месту эвакуации на поезде, Альберт Матвеевич также досконально не помнит, как был обустроен их быт, как и в каких количествах дети получали пищу. Однако по воспоминанию о ритуале добычи твердой глюкозы из

больших бочек, в которых она хранилась, мы можем сделать вывод о том, что сопровождавшие детей взрослые старались поддерживать их здоровье всеми возможными способами. И учитывая, что детей вывозили из района, где было развито производство сахара[9], хорошо усваиваемая и быстро дающая результат глюкоза была самой доступной пищевой добавкой.

Кроме того, в данной части воспоминаний Альбертом Матвеевичем описан их быт на корабле «Комсомолец». Ребята были разделены по группам по половому признаку. Вся деятельность на корабле, как и само его движение, происходила только в дневное время суток. В связи с этим Альберт Матвеевич вспоминает, что подъемы и завтрак были поздними, а ужин и отход ко сну — ранними. Свободное время детей сопровождающими никак не организовывалось, поэтому они использовали его для исследования окружающей среды: наблюдали за тем, что происходило за бортом. Ночные стоянки корабля были в крупных приволжских городах.

Особо стоит отметить ночь стоянки парохода в г. Горьком (Нижний Новгород). В своих воспоминаниях датой прибытия на Речной вокзал Альберт Матвеевич называет 3 ноября. Здесь они были свидетелями первой бомбардировки города. Отметим, что он ошибся с датой своего прибытия в Горький, так как в источниках говорится о налете в ночь с 4 на 5 ноября[10]. Воздушные атаки немцев были нацелены на заводы, находившиеся в нижневолжской части города, то есть в отдалении от места, где стоял корабль. Можно сказать, что дети были в относительной безопасности. Однако сотрудниками с первых ударов начали проводиться необходимые в подобной ситуации мероприятия. Вот как вспоминает об этом Альберт Матвеевич: «...Нас разбудили, велели тепло одеться, вывели на палубу и предложили всем рассеяться по палубам. В ночной темноте уши закладывал громкий непрерывный вой сирен и слышались редкие выстрелы зениток. Я схватил Стасика за руку, мы побежали и спрятались в туалет. Оттуда через иллюминатор мы наблюдали небо над городом. Там, в полной темноте, шарили узкие яркие полосы лучей прожекторов, пересекаясь между собой. Иногда рядом с лучом прожектора возникала яркая вспышка огня, окруженная искрами, и потом был слышен звук выстрела зенитного орудия. Стасик быстро устал, присел на корточки, опершись спиной к стене, и затих. Я продолжал следить за ходом авианалета. В какой-то момент увидел в месте пересечения

лучей прожекторов маленький черный контур самолета и рядом яркую вспышку огня разрыва снаряда. Потом услышал звук выстрела зенитки. Налет продолжался долго. Постепенно снижался вой сирен. Я тоже, как и Стасик, устал и перестал смотреть в иллюминатор туалета. Когда стихли сирены и в небе перестали шарить лучи прожекторов, нас начали собирать и уводить в трюм спать. Так закончился для нас этот страшный эпизод первого налета немецких самолетов на город Горький»[11]. Обстрелы города продолжались и на следующий день, однако пароход с эвакуировавшимися уже продолжил свой путь к месту назначения.

В порту Казани оказалось, что изначальный план переправки претерпел изменения: по реке Каме уже начался ледостав, из-за чего колесный пароход не смог бы по ней двигаться. Поэтому было принято решение о продолжении движения по Волге до места стыка речного порта и железной дороги, идущей в Сибирь, чтобы пересесть на поезд. Здесь же нам называется конечное место эвакуации — село Балаганы Викуловского района Омской области. Конечной точкой речной части путешествия стал город Куйбышев (Самара). Там к месту прибытия парохода был подогнан «пульмановский» вагон, в котором разместились обитатели интерната вместе с воспитателями. Он был включен в состав из грузовых вагонов, в которых ехали в эвакуацию женщины с детьми и старые люди из западных районов европейской части СССР. Состав двигался медленно, с остановками, которые были довольно длительными.

Точкой прибытия стала железнодорожная станция Ишим. Оттуда до села Балаганы интернат снова переправлялся на лошадях. К железнодорожной станции были пригнаны несколько запряженных розвальней. Туда детей перемещали сразу из вагонов следующим образом: «К дверям вагона подъезжали розвальни. Двери открывались, из вагона выносили детей и сразу укладывали в тулупы. В тулуп помещали в основном по два или по три ребенка и заворачивали их в полы тулупа. Таким способом пассажиры были идеально защищены от мороза во время посадки и движения»[12]. Дорога до села заняла сутки.

В Балаганах быт воспитанников интерната был четко организован. Детей также распределяли по группам (старшая, средняя, младшая), а мальчики и девочки сосуществовали отдельно друг от друга. Альберт Матвеевич отмечает, что даже приемы пищи у них были в разное время. Однако обучение в школе было

единым и для мальчиков и девочек из интерната, и для местных детей. Помимо обучения, старшие воспитанники помогали взрослым по хозяйству: для них организовывались дежурства по кухне, в котельной и на многих других вспомогательных работах. По достижении призывного возраста мальчики мобилизовывались прямо с места эвакуации. Сначала их вместе с другими призывниками отправляли в районный центр, откуда потом они распределялись по местам прохождения службы.

Воспитанников интерната разрешалось навещать и забирать на какое-то время их родителям, если те оказывались в месте эвакуации. Так, зимой 1942 г. в Викуловский район на лечение прибыл отец мальчиков Матвей Сидорович Скворцов. С начала войны он находился на Ленинградском фронте, однако был ранен в плечо и переболел цингой, в результате чего ему требовалась длительное лечение и реабилитация. Расположился он в соседней от Балаган деревне Пестове, где после выздоровления некоторое время работал бухгалтером в колхозе. Во время своего восстановления Матвей Сидорович договорился с руководством интерната о том, чтобы забирать своих сыновей по воскресеньям с ночевкой. Такие встречи продолжались с конца весны до июня–июля 1942 г., когда на очередном медицинском освидетельствовании он был признан здоровым и пригодным к службе и отправлен сначала в Ишим, а затем в Тюмень, откуда сформированные полки уходили на фронт.

В июле–августе 1942 г. из блокадного Ленинграда в соседнюю деревню Пестово, о которой говорилось ранее, прибыла мать Альберта и Станислава Александра Сергеевна с сестрой Марией и ее дочерьми. В это же время руководство интерната предложило ей забрать сыновей, несмотря на ее еще необустроенный быт. Так для мальчиков закончилось их пребывание в интернате. Далее в эвакуации Альберт и Станислав жили вместе с матерью и ее сестрой. Однако семья не все время находилась в полном составе в Пестове. Оказалось, что здесь находилась только начальная школа, где обучались дети до 4 класса. Поэтому Альберту Матвеевичу в октябре 1942 г. пришлось вернуться обратно в Балаганы для обучения в 5 классе. Александра Сергеевна договорилась с местной жительницей о его постое у нее на учебное время. Сама она из-за неурожая картофеля в Пестове отправилась по соседним северным населенным пунктам, где занималась пошивочными работами взамен продуктов, которые посылались

Марии Сергеевне (она устроилась в местную школу учительницей) с детьми. Весной вся семья снова собралась вместе, и на выделенном им участке занялась посевом и выращиванием урожая на будущую зиму. Параллельно Альберт с матерью работали на колхозных полях до конца сентября. В это же время Александра Сергеевна договорилась об устройстве на работу в интернат, чтобы не оставлять старшего сына на долгое время жить одного. Сам Альберт Матвеевич объяснял ее решение тем, что общество села Балаганы было «далеко не таким понятным и стабильным, как в деревне Пестово»[13].

Рассказывая об обучении Альберта в местной школе, стоит отметить, что в начале каждого учебного года все обучающиеся должны были проходить обязательный медицинский осмотр, без которого не допускались к занятиям. Кроме того, 1 ноября, когда основная комиссия была пройдена, всех учеников проверяли на наличие вшей. Таким образом, в школах тыловых районов тщательно следили за состоянием здоровья детей, чтобы не допустить эпидемий и ухудшения их самочувствия в столь сложных условиях.

К концу 1943 г. условия жизни семьи Скворцовых-Мукосеевых[14] в эвакуации стабилизировались и приобрели определенный уклад, сохранившийся до их реэвакуации. Разговоры о возвращении в освобожденный Ленинград начались в среде сотрудников и обитателей интерната весной 1945 г., когда боевые действия уже перешли в Европу. Со стороны родителей воспитанников в Ленинградский обком партии подавались многочисленные просьбы о возвращении их детей обратно. Семьей Скворцовых-Мукосеевых велись переговоры с интернатом о том, чтобы Мария Сергеевна с дочерьми реэвакуировалась вместе с ними, так как ее муж, Александр Александрович Ипатов, погиб на фронте. В начале мая 1945 г. Ленинградским обкомом было принято решение о возвращении интерната обратно после сдачи воспитанниками годовых экзаменов. Таким образом, эвакуация для Альберта Матвеевича и его семьи закончилась возвращением в Ленинград в середине мая.

В послевоенных воспоминаниях интересно описание Марша победителей — ленинградского парада, состоявшегося 8 июля 1945 г. Его уникальность состояла не только в том, что планирование началось еще зимой 1942 г., но и в длительности и масштабности. Войдя с трех сторон в город, участники за шесть часов

продвинулись с окраин Ленинграда в центр, на Дворцовую площадь, где и состоялось основное действие. Альберт Матвеевич с двоюродным братом встречали колонну, входившую в город по Московскому проспекту, который был заполнен людьми настолько, что они не смогли туда попасть.

В последующие месяцы для семьи Скворцовых остро встал вопрос с получением жилья, так как, судя по воспоминаниям, до войны они жили в служебной квартире при интернате. Эпизод, описывающий послевоенные адреса семьи, позволяет четко установить географию их перемещений. К сентябрю отец Альберта Матвеевича получил новое жилье. Это была комната в коммунальной квартире на улице Воинова (Шпалерной). В автобиографии описано ее устройство: «вход через выход (имеется ввиду вход через парадное. — *А. У.*); в квартире прописано 10 семей; отсутствие ванной комнаты или душа; один туалет на всех жильцов; дровяное отопление; регулярная помывка в Некрасовских или Финляндских (в зависимости от времени года) банях»[15].

В данной квартире Альберт жил вместе с семьей до момента обзаведения собственной. В послевоенные годы он окончил среднюю школу № 184, в старшие классы поступил в 185-ю мужскую среднюю школу, после которой начал обучение в Ленинградском политехническом институте имени М. И. Калинина. После его окончания Альберт Матвеевич работал в ЛКБ, где был одним из первых разработчиков полупроводниковых микросхем. Эта тема впоследствии стала главной сферой научных интересов: по ней он защитил диссертацию на соискание кандидата наук и разработал собственный курс в ЛИТМО, который преподавал до середины 2010-х гг.

Эвакуация людей и предприятий из осажденного Ленинграда стала непростой задачей для советского руководства. Им приходилось разрабатывать новые пути и алгоритмы практически постоянно, так как боевые действия, проводившиеся на рассматриваемой территории, каждый раз задавали новые условия. Однако эвакуация из осажденного города была только началом. На новом месте ленинградцам приходилось заново обустраивать быт при жестко ограниченных ресурсах. Для ответственных за эвакуированных детей эта задача была еще сложнее. Однако и неравнодушные местные жители, и сами члены организаций старались сделать все возможное для обеспечения надлежащих условий. Впоследствии многие из «детей войны», бывших в эвакуации,

сохранили это умение, которое стало их «путеводной звездой». В биографии Альберта Матвеевича Скворцова все записанные тезисы находят подтверждение.

---

[1] Кабакова Н. В. Эвакуация детей в годы Великой Отечественной войны в Омскую область // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект): сборник материалов международной конференции. 2018. С. 442.

[2] Галанина М. Н. Эвакуация детей из блокадного Ленинграда (на материалах нижегородских архивов) // Оборонно-промышленный комплекс России: исторический опыт и современные стратегии. Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. 2017. С. 77–78.

[3] Там же. С. 78

[4] Скворцов А. М. О годах эвакуации из Ленинграда (1941–1945). Из личного архива автора. Л. 4.

[5] Там же. Л. 5.

[6] Там же.

[7] Альбертом Матвеевичем записан следующий случай: «Со старшими ребятами мы часто нарушали запрет и ходили на берег реки Волги. Там можно было увидеть много интересного. Иногда удавалось отцепить лодку и покататься по реке. Хочу признаться, что во всех этих «мероприятиях» обязательно участвовал Стасик, так как я не должен был оставлять его надолго одного. В последнем таком «мероприятии» нам удалось подойти на лодке близко к проходящему колесному пароходу. Когда пароход прошел, за ним образовались от колес огромные волны, следующие рядами одна за другой. Лодка поднималась на волну, и когда она падала с волны и поднималась на следующую, то захватывала носом часть воды следующей волны. Лодка начала наполняться водой. Нас пассажиров было пятеро: двое напряженно гребли, остальные трое — выгребали из лодки воду. <...> Наконец, количество воды в лодке перестало расти, высота волн постепенно снижалась, и мы смогли повернуть лодку к берегу и благополучно причалить...» (Скворцов А. М. О годах эвакуации из Ленинграда... Л. 8–9.)

[8] Там же. Л. 12.

[9] В соседнем с деревней Турово поселке городского типа Некрасове работал паточный завод, производивший, в том числе, сиропы и сахаристые продукты.

[10] Димова Т. Как нас бомбили: [о бомбежках Автозавода во время Великой Отечественной войны] // Народная весть. 2005. 13 мая. С. 12.

[11] Скворцов А. М. О годах эвакуации из Ленинграда... Л. 14–15.

[12] Там же. Л. 18.

[13] Там же. Л. 30.

[14] Альберт Матвеевич по девичьей фамилии матери объединяет свою семью с Марией Сергеевной и ее дочерьми.

[15] Скворцов А. М. О годах эвакуации из Ленинграда... Л. 34.

II. ИССЛЕДОВАНИЯ, РЕСТАВРАЦИЯ, ПРЕВЕНТИВНАЯ КОНСЕРВАЦИЯ

И. Ю. Голов, Н. А. Конькова, В. В. Кузьмин,
А. В. Семенов (Москва),
С. В. Успенская (Санкт-Петербург)

РЕЗУЛЬТАТЫ ПИЛОТНОГО ПРОЕКТА ПО СОЗДАНИЮ НОВОЙ ТЕХНОЛОГИИ ЗАЩИТНО-ИДЕНТИФИКАЦИОННОЙ МАРКИРОВКИ МУЗЕЙНЫХ ПРЕДМЕТОВ

Введение

СОХРАННОСТЬ музейных предметов — важная задача. Коллектив ФГУП «18 ЦНИИ» МО РФ ведет многолетнюю работу по разработке и постоянному совершенствованию технологий подтверждения подлинности материальных объектов. В 2024–2025 гг. завершен пилотный проект по созданию технического облика новой технологии защиты музейных ценностей, учитывающей совершенствование способов фальсификации изделий из различных материалов. Она предназначена для защиты маркируемых предметов от подмены и фальсификации путем формирования скрытых идентификационных признаков, обеспечивающих их оперативную регистрацию с использованием специальных портативных детекторов. Разработанная технология превосходит существующие аналоги по защищенности.

Известные способы маркировки основаны на нанесении краской или лазерной гравировкой символьной или графической информации и не обеспечивают надежной защиты от фальсификации в силу ограничений по нанесению на поверхность, сложности и дороговизны, а также недостаточной безопасности для музейных ценностей. Разработанная технология основана на применении маркировочных составов с уникальным комплексом принципиально новых идентификационных признаков, обеспечивающих многоуровневую защиту маркированного объекта от фальсификации. В то же время реализованные в ней технические

решения — это развитие технологии охранно-идентификационной маркировки культурных ценностей, разработанной ФГУП «18 ЦНИИ» МО РФ и успешно применяемой в Государственном Эрмитаже, Театральном музее им. А. А. Бахрушина и ряде других музеев[1]. Данная технология получила положительную оценку экспертных организаций министерства культуры (Государственного научно-исследовательского института реставрации и ВХНРЦ им. И. Э. Грабаря), а также Следственного комитета России и рекомендована для создания на ее основе государственной системы маркировки культурных ценностей, предусмотренной Федеральным законом от 03.07.2016 № 357-ФЗ. Кроме того, в настоящей работе использованы технические решения, реализованные в технологии маркировки струнных смычковых музыкальных инструментов, разработанной в 2019–2020 гг. по поручению Президента Российской Федерации.

Технология нацелена на маркировку культурных ценностей, хранящихся в музеях, библиотеках, архивах и других подведомственных учреждениях Министерства обороны Российской Федерации.

Пилотный проект и его результаты

Основы предлагаемой технологии были разработаны в рамках пилотного проекта, выполненного совместно с Военно-историческим музеем артиллерии, инженерных войск и войск связи. Также в работе принимали участие химический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова и научно-производственное объединение «Интеграл». Пилотный проект выполнен по согласованию с Департаментом культуры Министерства обороны РФ в период с ноября 2024 по февраль 2025 г. Целью работы являлось исследование возможности широкого применения разрабатываемой технологии для маркировки музейных предметов. Технология включает следующие основные компоненты: композиционные составы для нанесения химических меток, относящихся к культурным ценностям; методики и технические средства нанесения меток; портативные устройства для выявления меток и регистрации их идентификационных признаков (ил. 1–6).

Основными отличиями и преимуществами представляемой технологии от ранее разработанных являются:

– уникальность маркировочного состава и более высокая защищенность от расшифровки его химического состава

и воспроизведения защитных признаков;

– принципиально новый портативный детектор, позволяющий оперативно и бесконтактно регистрировать скрытые идентификационные признаки маркировки;

– методики и портативные устройства, позволяющие выявить собственные признаки подлинности маркированного предмета, например, текстуру его материала и другие;

– возможность нанесения как на музейный предмет, так и на его упаковку специальных марок, разрушающихся при попытке их отклеивания (также на такие марки могут быть нанесены голографические изображения для дополнительной защиты от воспроизведения).

Ил. 1. Лядунка Кавалергардского корпуса (к вицмундиру)

В ходе выполнения работы проводились исследования по следующим основным направлениям:

– разработка методов синтеза химических соединений, отвечающих всему комплексу целевых требований;

– исследование физико-химических характеристик синтезированных соединений;

– обоснование структур, максимально пригодных для дальнейшего использования;

– исследование возможности нанесения маркировки на различные материалы, такие как бумага, ткани, холст, керамика, металлы, сплавы и др;

– исследование безопасности маркировки по отношению к маркируемому предмету, безвредности по отношению к человеку и сохранности нанесенной метки на срок до 50 лет;

Ил. 2, 3. Пример маркировки лядунки Кавалергардского корпуса (к вицмундиру)

Ил. 4. Пример маркировки ключей от крепости Керчь

– изучение возможности бесконтактного выявления идентификационных признаков маркировки с помощью специального портативного детектора.

Создан прототип АПК для проведения маркировки музейного фонда с применением искусственных нейронных сетей (ил. 7).

Прототип обеспечивает:

– поиск объектов на изображениях с использованием алгоритмов искусственного интеллекта;

– распознавание объектов на изображении с использованием алгоритмов машинного зрения;

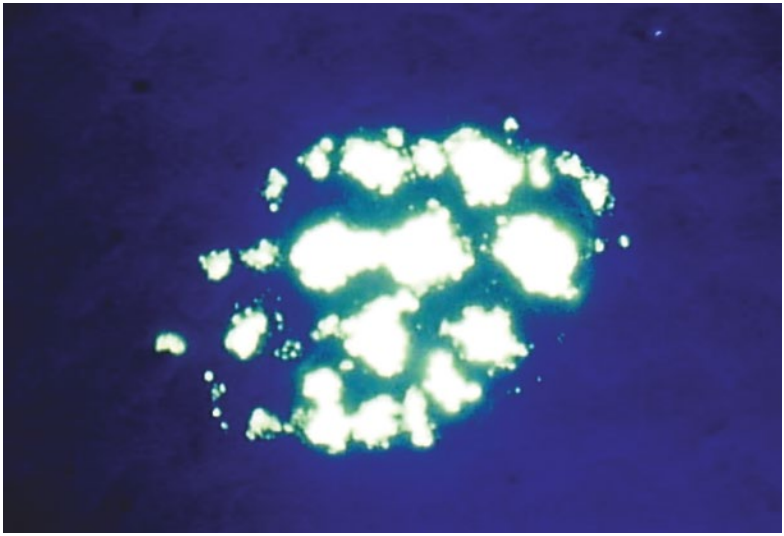
– ведение пополняемой базы данных химической маркировки.

Для тестирования выделен перечень характерных признаков химической маркировки, достаточных для проведения сравнительных исследований и обучения нейронных сетей, разработан модуль создания уникального векторного идентификатора

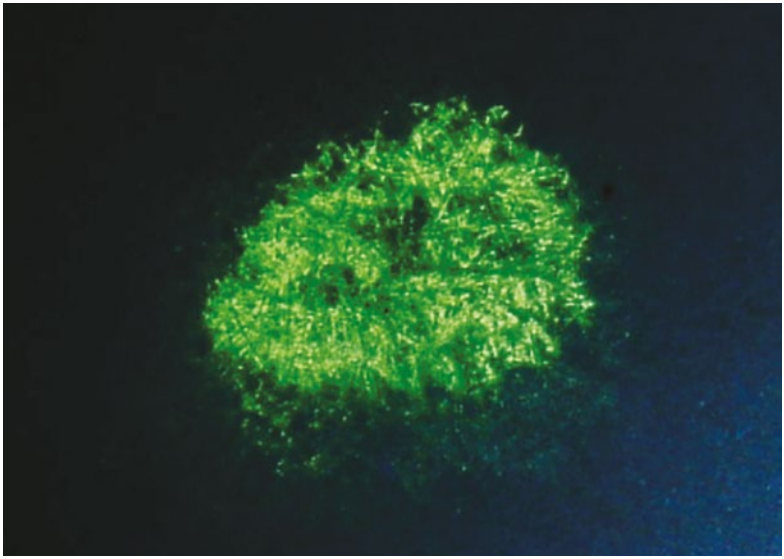
Ил. 5. Пример маркировки ствола 3-фунт. (78-мм) единорога

для химической маркировки, учитывающего совокупность характерных признаков, разработан модуль определения пригодности наносимой химической маркировки, создан проверочный тест-набор изображений химической маркировки для контроля результатов обучения искусственных нейронных сетей.

Также проведены исследования разработанных маркировочных составов на соответствие требованиям музейной



Ил. 6. Вариант регистрации метки на поверхности объекта с помощью портативного устройства



Ил. 7. Интерфейс прототипа АПК для считывания идентификационных признаков с изображения химической метки

и реставрационной практики. В качестве экспертной организации участие в работе принимал Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (химический факультет).

Специалистами ФГУП «18 ЦНИИ МО РФ» и Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи выполнена экспериментальная маркировка экспонатов этого музея.

Основными результатами выполненной работы можно считать следующие: полное соответствие разработанной технологии требованиям музейной практики, включая безопасность для маркируемых предметов и безвредность для человека, долговечность маркировки на музейных предметах, простота нанесения метки и возможность ее оперативной идентификации, не требующей лабораторных условий, возможность создания системы защиты культурных ценностей от фальсификации.

---

[1] Богданов А. В., Узянов С. А., Кузьмин В. В., Конькова Н. А., Ермолов А. Ф. и др. Обобщение опыта Государственного Эрмитажа и Государственного центрального театрального музея им. А. А. Бахрушина по разработке технологий маркировки культурных ценностей // Сборник статей «Актуальные проблемы безопасности Музейного фонда Российской Федерации». М.: ГЦТМ им. А. А. Бахрушина, 2014. С. 156–163; Богданов А. В., Узянов С. А., Ермолов А. Ф., Конькова Н. А., Кузьмин В. В., Солдатченков В. С. Технологии охранно-идентификационной маркировки культурных ценностей: основные результаты и перспективы применения в музейной практике //Сборник статей «Современные технологии в учреждениях культуры». М.: ГЦТМ им. А. А. Бахрушина, 2017. С. 84–99; Богданов А. В., Кузьмин В. В. Маркировка музейных предметов: Российский опыт // Справочник руководителя учреждения культуры. № 8. М., 2016. С. 123–127; Адаксина С. Б., Конькова Н. А., Кузьмин В. В., Мокроусова Н. Л., Богданов А. В. Технологическая инструкция по нанесению охранно-идентификационной маркировки на музейные предметы из коллекции Государственного Эрмитажа. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2014; Конькова Н. А., Кузьмин В. В., Маклыгин Ю. А., Маклыгин А. Ю., Маклыгина И. В., Портнягин Ю. А., Шавард Н. А., Солдатченков В. С. Способ нанесения маркировочной композиции на поверхность музейных экспонатов. Патент РФ № 2594933 (2016); Конькова Н. А., Кузьмин В. В., Мокроусова Н. Л., Портнягин Ю. А., Шавард Н. А., Солдатченков В. С. Маркировочное средство для идентификационной, учетной и охранной маркировки материальных ценностей. Патент РФ № 2595716 (2016); Конькова Н. А., Кузьмин В. В., Мокроусова Н. Л. и др. Способ маркировки защищаемого от подделки объекта, способ идентификации маркировки и устройство идентификации маркировки. Патент РФ № 2720464 (2019). Опубликовано 16.07.2021. Бюллетень изобретений № 13; Андреев А. А., Конькова Н. А., Кузьмин В. В. и др. Способ идентификации носителей информации. Патент РФ № 2751691 (2020). Опубликовано 16.09.2021. Бюллетень изобретений № 20.

А. Г. Значко-Яворский (Санкт-Петербург)

ОПЫТ РАБОТЫ ПО ПОВЫШЕНИЮ УРОВНЯ СОХРАННОСТИ И ИНТЕРАКТИВНОСТИ ЭКСПОЗИЦИИ ОТКРЫТОГО ХРАНЕНИЯ ВООРУЖЕНИЯ И ВОЕННОЙ ТЕХНИКИ (НА ПРИМЕРЕ СУ-76)

Предисловие

ЛЕТОМ 2015 года, в процессе выполнения работ по техническому обслуживанию и обеспечению сохранности крупногабаритной техники и вооружения, размещенных на открытой экспозиции № 1, поступило предложение расширить рамки представления посетителям экспонатов не только по их внешнему виду, но и дать возможность ознакомиться с внутренним устройством боевых машин, а в отдельных случаях наблюдать их в движении.

Безусловно, для широкого внедрения такой концепции музей не располагает ни достаточной материально-технической базой, ни необходимыми кадрами и финансовыми ресурсами. Тем не менее в качестве пилотного проекта было принято решение о проведении работ по подготовке к полномасштабной демонстрации представленной на экспозиции № 1 76-мм самоходной установки образца 1942/1943 гг. СУ-76 (ВИМАИВиВС МЧА 6-18).

Выбор именно этой машины был обусловлен тем, что она относится к категории легкой бронетанковой техники, имеет силовые агрегаты и многие узлы автомобильного типа, находится в комплектном состоянии и не требует использования какого-либо специального оборудования и инструмента при ремонте и техобслуживании.

Для реализации этого проекта необходимо было провести большую работу по детальному комплексному обследованию машины, составить программу выполнения необходимых

реставрационно-восстановительных работ, оценить возможности музея в обеспечении требуемыми ресурсами, как материальными, так и организационно-техническими.

Кроме того, необходимо было проработать основные принципы дальнейшей экспозиционной работы с этим предметом, а именно:

1. демонстрация на открытой экспозиции;
2. обеспечение сохранности и постоянного технически исправного состояния;
3. участие СУ-76 в проведении торжественных мероприятий, посвященных историческим датам;
4. интерактивное использование в рамках экскурсионной работы с посетителями.

Краткая историческая справка

СУ-76 была разработана конструкторским бюро завода № 38 в г. Кирове летом 1942 г. под руководством С. А. Гинзбурга, который руководил работами по ее созданию. Первые машины были выпущены поздней осенью 1942 г. С начала их эксплуатации проявились серьезные недостатки, обусловленные неудачной компоновкой силовых агрегатов и трансмиссии. Два двигателя ГАЗ-202 по 70 л. с. каждый были установлены по параллельной схеме, что влекло за собой сложную конструкцию узлов трансмиссии, детали которой быстро выходили из строя в результате возникающих крутильных колебаний. Боевое отделение было полностью бронировано и имело недостаточно места для нормальной работы расчета, состоявшего из трех человек.

По результатам боевого применения производство СУ-76 было прекращено 21 марта 1943 г. после выпуска 350 машин.

Летом 1943 г. после проведенной модернизации (без бронированной крыши боевого отделения и усиления ряда элементов трансмиссии) САУ была принята на вооружение под индексом СУ-76М, и производство ее возобновилось. Но результат снова оказался неудовлетворительным.

Так как в войсках была большая потребность в легкой САУ, то по распоряжению наркомата танковой промышленности КБ завода № 38 под руководством Н. А. Попова и Горьковского автомобильного завода (ГАЗ) под руководством Н. А. Астрова

предложило новый вариант силовой установки с использованием последовательного расположения двух двигателей от легкого танка Т-70. Боевое отделение тоже было немного увеличено.

С конца 1943 г. заводы № 38 и ГАЗ, а также вновь организованный завод № 40 в г. Мытищи начали крупносерийное производство СУ-76 (буква «М» из наименования была убрана).

Имея такие эксплуатационные преимущества как легкость в обслуживании, надежность, высокая проходимость, СУ-76 использовалась для огневой поддержки пехоты и в качестве штурмового и противотанкового орудия.

Серийное производство СУ-76 завершилось в 1945 г., но ее служба в Советской Армии продолжалась до середины 1950-х гг.

130 установок в период войны были переданы Войску Польскому, несколько десятков, переданных КНДР, приняли участие в Корейской войне (1950–1953).

Всего за время производства было выпущено более 13 000 САУ разных модификаций.

Находящаяся в экспозиции СУ-76 поступила в музей в сентябре 1960 г. На табличке, расположенной на верхнем лобовом листе, выбит заводской № 741121. На казенной части ствола пушки ЗИС-3 обр. 1942 г. выбито: «№ 17597 — 1945 г.».

По заводскому номеру определено, что данная установка выпущена в июле 1945 г. на заводе № 40 в г. Мытищи.

В результате осмотра внутреннего пространства установлено, что на СУ-76 в середине 1950-х гг. был произведен капитальный ремонт с восстановлением некоторых элементов корпуса, которые были разрушены коррозией, и с полной заменой на новые (соответствующие оригинальным) агрегаты, узлы, оснастка и другое оборудование.

Условия содержания и экспонирования СУ-76 с 1960 по 2015 г.

Учитывая большое культурно-историческое значение СУ-76 в плане иллюстрации развития советской самоходной артиллерии и заметную роль этого оружия, внесшего ощутимый вклад в победу СССР над немецко-фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., САУ заняла свое место на экспозиции открытого хранения исторической техники и вооружения музея. Перед установкой САУ на экспозицию

были проведены необходимые подготовительные работы и мероприятия, а именно:

– сняты и отправлены на хранение в фондохранилище оптические элементы смотровых приборов, прицельные приспособления, перископ-разведчик, радиостанция, брезентовые чехлы и другие элементы внутренней оснастки и оборудования с целью обеспечения их сохранности;

– выполнены консервационные мероприятия по обеспечению сохранности артиллерийской части (обработаны консервационной смазкой пушка, механизм наводки и др. узлы);

– проведены работы по недопущению проникновения влаги вовнутрь корпуса (изготовлена металлическая крыша боевого отделения, имитирующая штатный брезентовый тент, промазаны герметизирующими составами стыки броневых листов, периодически производилась окраска корпуса).

В таких условиях установка простояла в течение 55 лет.

Конструктивно корпус САУ выполнен без обеспечения герметичности стыков броневых листов и других наружных элементов, как и вся бронетехника, выпускавшаяся в 1940-е гг. Поэтому, несмотря на предпринимаемые усилия по сохранению техники, длительное нахождение на открытом воздухе оказало негативное влияние на состояние механизмов, узлов и оборудования, особенно внутреннего пространства машины. К этому стоит добавить, что только последние 18 лет САУ стоит на подиуме за ограждением, а ранее к ней имели свободный доступ посетители музея.

В результате постоянных перепадов температуры окружающей среды, воздействия атмосферных осадков, осаждения влаги на внутренних металлических поверхностях и скопления ее в некоторых узлах произошли множественные коррозионные разрушения металлических деталей, окисление элементов электроприборов, растрескивание изоляции электропроводки и резинотехнических изделий.

Результаты обследования СУ-76 на предмет сохранности по состоянию на июль 2015 г.

В целях определения перспектив проведения работ по восстановлению и реставрации машины силами сотрудников музея в течение июля 2015 г. было проведено комплексное обследование

узлов, агрегатов, оснастки для оценки их технического состояния, повреждений, утрат, определения возможностей и способов устранения выявленных недостатков. Для обеспечения доступа к скрытым внутренним элементам машины были удалены наслоения старой краски, продуктов коррозии, мусора и других загрязнений. Кроме того были демонтированы некоторые узлы внутреннего оборудования: укладки артиллерийских боеприпасов, сиденья отделений управления и боевого, инструментальные ящики, полик, педали механизма спуска наводчика, перегородка между отделениями управления и боевым, кожухи радиатора системы охлаждения и др.

Были составлены подробные перечни обнаруженных дефектов по следующим узлам, агрегатам и системам:

1. корпус и его навесные элементы;
2. моторная установка (2 двигателя):
– кривошипно-шатунный механизм;
– система зажигания;
– система смазки;
– система охлаждения;
– система выпуска отработанных газов (выхлопная система).
3. трансмиссия:
– главный фрикцион;
– коробка переключения передач (КПП);
– главная передача;
– бортовые фрикционы;
– бортовые тормоза;
– соединительные муфты и валы;
– бортовые редукторы.
4. ходовая часть:
– катки, поддерживающие ролики, ленивцы;
– балансиры, торсионные валы;
– гусеницы (траки, пальцы траков).
5. электрооборудование:
– контрольно-измерительные приборы;
– стартеры, генератор;
– реле;
– включатели, предохранители;
– приборы освещения и сигнализации.
6. пушка.
7. внутренняя оснастка.

Подробные результаты обследования были доложены на заседании реставрационного совета 04.08.2015 г. (протокол № Р-08/15) и была предложена программа реставрации СУ-76, которую и утвердили.

Основные принципы выполнения реставрационно-восстановительных работ и разработка плана их проведения

Хранение, обслуживание, реставрация, экспонирование (в том числе в интерактивном режиме) и использование крупногабаритной военной техники и вооружения из состава музейного фонда требует создания соответствующих условий, грамотной организации и квалифицированного персонала. Все работы с музейными предметами должны выполняться на основе научного подхода, также должны быть определены цели и задачи, проведено детальное предварительное обследование и составлен подробный план производства этих работ, утверждаемый соответствующими научными и административными органами.

Процесс восстановления СУ-76 базировался на соблюдении следующих принципов:

1. **«Не навредить»** — то есть создать необходимые условия для сохранения подлинности предмета, его узлов и деталей, не допустить ухудшения его настоящего состояния и обеспечить условия для выполнения будущих реставрационных работ с целью максимально возможного приведения к первоначальному виду на момент его изготовления.

2. **Научной достоверности** — планирование и выполнение любых воздействий на музейный предмет может быть произведено только на основе научно подтвержденных и достоверных сведений, получаемых в ходе научно-исследовательской работы с использованием подлинных документов, литературы, других признаваемых в научном сообществе источников. Кроме того, для специалистов и научных работников должна быть доступна информация о действительном состоянии музейного предмета (степень комплектности, оригинальности комплектующих, технической исправности, ресурса агрегатов и узлов, объем проведенных технических воздействий при восстановлении, реставрации и хранении).

3. **Разумной достаточности воздействия** — применение таких способов, технологий, материалов, инструмента при работе с музейным предметом, которые являются оптимальными для достижения поставленных целей (то есть не недостаточными и не избыточными) и позволяют получить планируемый результат при минимально возможных трудоемкости и финансовых затратах в каждом конкретном случае.

Программа реставрационно-восстановительных работ в связи со значительной сложностью их организации, большой трудоемкостью была разбита на несколько этапов.

I этап.

1. Очистка внутренних полостей САУ от мусора, продуктов коррозии, отслоившегося лакокрасочного покрытия, остатков смазочных материалов. Для обеспечения доступа при проведении этих работ необходим демонтаж элементов внутреннего оборудования и оснастки (как требующего реставрации, так и исправного).

2. Восстановление работоспособности двигателей. Ревизия, до-укомплектование, техническое обслуживание всех систем, обеспечивающих их работу. Проверка и регулировка двигателей в работе.

3. Проведение мероприятий по внешней защите от коррозии и герметизации корпуса. Для этого требуется провести очистку от старых лакокрасочных покрытий, заменить разрушенные коррозией элементы, выполнить окраску и герметизацию стыков с целью недопущения проникновения влаги во внутреннее пространство САУ.

II этап.

1. Реставрация органов управления, ревизия и реставрация контрольных приборов электрооборудования.

2. Восстановление работоспособности трансмиссии и ходовой части, техническое обслуживание и регулировка их узлов и механизмов.

3. Проверка САУ в движении.

III этап.

1. Доукомплектование и реставрация внутреннего оборудования и оснастки.

2. Обслуживание артиллерийской системы.

3. Окраска внутреннего пространства корпуса и монтаж внутреннего оборудования.

4. Консервация внутренних поверхностей.

5. Доукомплектование, установка и наладка электро- и радиооборудования, макетов боекомплекта и вооружения, смотрового оборудования, шанцевого возимого инструмента и ЗИП.

6. Подготовка к интерактивной демонстрации САУ.

Хроника реализации плана реставрационно-восстановительных работ на СУ-76 в 2015–2024 гг.

В первых числах августа 2015 г., согласно утвержденной программе, начались работы по ревизии, техническому обслуживанию, доукомплектованию и ремонту основных систем моторной установки (2 двигателя).

В результате восстановлена работоспособность:

– системы охлаждения (трубопроводы и их соединительные элементы, сливные краны, ремни привода вентилятора и помпы, бак пускового подогревателя);

– системы смазки (слив конденсата из масляных поддонов, проверка герметичности, проверка датчиков давления, масляных фильтров и заливных горловин, замена масла);

– системы питания (проверка герметичности соединений, ремонт бензонасосов, карбюраторов, приводов управления заслонками, воздушных фильтров и воздухопроводов);

– системы зажигания (приобретена аккумуляторная батарея, восстановлена электропроводка, заменены свечи, катушка зажигания, конденсатор, контакты прерывателя и др.).

Кроме того, выполнены необходимые работы по проверке и регулировке главного фрикциона и ремонту крышки КПП с механизмом переключения передач для обеспечения надежного отключения двигателей от трансмиссии.

В конце августа двигатели были запущены и отрегулированы. Одновременно производилась герметизация корпуса с целью защиты от коррозии.

29.09.2015 г. в соответствии с протоколом № Р-10/15 реставрационным советом работы I этапа были приняты.

Без перерыва началась работа по реализации II этапа восстановления СУ-76, которая предполагала комплексную реставрацию и техническое обслуживание всех узлов трансмиссии, ходовой части и органов управления ими, а именно:

– замену масла в картерах КПП, главного и бортовых редукторов;

– смазку всех механизмов трансмиссии и ходовой части (соединительных муфт приводных валов, подшипниковых узлов ходовых катков и поддерживающих роликов, втулок торсионов, педалей и шарнирных соединений устройств управления и др.).

Эти работы зачастую требовали частичной разборки, удаления остатков старой смазки и имеющихся загрязнений. Некоторую сложность вызвало восстановление органов управления механизмами трансмиссии (рычаги, валы, кронштейны, тяги), так как из-за многолетнего воздействия влаги они подвергались сильной коррозии, вплоть до полного разрушения в отдельных местах. Все это предполагало выполнение слесарно-механических, сварочных, шлифовальных, сверлильных работ, которые производились (за неимением соответствующих производственных помещений) непосредственно на территории экспозиции открытого хранения вооружения и военной техники № 1, чему не всегда способствовали погодные условия. Потребовалось изготовление соответствующих чертежей и эскизов для обеспечения полной идентичности восстанавливаемых элементов с оригинальными.

Параллельно с проведением реставрационно-восстановительных работ СУ-76 решался вопрос о новом месте ее размещения, оснащенном специальным навесом, предохраняющим машину от атмосферных осадков.

Проблемным оказалось состояние гусениц, которые в результате длительного хранения и сильной коррозии в шарнирных соединениях траков полностью потеряли подвижность. Это обстоятельство не позволяло проверить работу СУ-76 в движении. Поэтому было принято решение разобрать гусеницы, снять их и провести испытание работы трансмиссии и проверку узлов ходовой части в стационарном режиме.

Реставрационный совет на заседании 24.12.2015 г. (протокол № Р-15/15) принял II этап работ по СУ-76.

Работа по восстановлению подвижности гусениц продолжалась. Для этого потребовалось разработать и изготовить специальный инструмент и оснастку:

– выколотки разной толщины и длины с рукоятками для выбивания пальцев траков;

– ломик со специальным наконечником для регулировки ленивцев.

Строительство навеса на новом месте в экспозиции планировалось завершить в начале февраля 2016 г.

Было принято решение о первом интерактивном использовании СУ-76 в мероприятиях, посвященных Дню защитника Отечества 23 февраля 2016 г., — ее проезд по территории экспозиции в торжественной обстановке с последующей постановкой на новое место хранения под навесом.

Однако необходимо было завершить работу с гусеницами, которая выполнялась в течение двух недель посредством механических воздействий ручным способом на шарнирные узлы с использованием кувалды, различных подкладок и ломиков в водной среде. Благо этому способствовала погода, так как в этот период стояла плюсовая температура. В противном случае — в мороз — эти работы выполнить было бы невозможно.

В результате гусеницы были приведены в исправное состояние, шарнирные соединения смазаны, произведена их установка на машину и отрегулировано натяжение. СУ-76 была готова к первому самостоятельному выезду и постановке на новое место, что и произошло 23 февраля 2016 г.

Уже на месте новой стоянки продолжалась работа по дальнейшей герметизации корпуса, техническому обслуживанию и антикоррозийной обработке машины как снаружи так и внутри. Были восстановлены некоторые элементы наружной оснастки:

– установлены фара и звуковой сигнал;

– восстановлены элементы крепления и установлен буксирный трос на переднем броневом листе;

– изготовлен по образцу и установлен козырек смотрового прибора механика-водителя;

– восстановлены крепления и закреплен свернутый в рулон укрывочный брезент по аналогии со штатным;

– силами волонтерской организации был изготовлен (по предоставленным эскизам) верхний брезентовый тент боевого отделения.

Для продолжения реставрационно-восстановительных работ по внутренней оснастке и оборудованию внутренних базовых элементов корпуса необходимо было подготовить соответствующую материально-техническую базу в виде специального помещения, оснащенного соответствующей противопожарной защитой, позволяющей обрабатывать, изготавливать и восстанавливать металлические изделия достаточной сложности. Это помещение должно быть укомплектовано верстаками, стеллажами для материалов, оборудованием для полуавтоматической

и электродуговой сварки, наковальней, поверочной плитой, электроинструментом для обработки и резки металла, гибочными приспособлениями, сверлильным оборудованием, ручными и измерительными инструментами. Наличие такой технической базы не только позволило бы продолжить работы по СУ-76, но и значительно бы расширило возможности содержания, обслуживания и эксплуатации внешней экспозиции и музея в целом. Для этих целей было выбрано помещение № 1 в хранилище музейных предметов фонда средств связи после их перемещения в хранилище № 5 в соответствии с приказом № 598 от 27.10.2016 г. «Об эффективном использовании помещений музея». Сразу была проведена соответствующая подготовка помещения, заключавшаяся в очистке от мусора, бетонировании пола, ремонте систем отопления, подключении электроэнергии соответствующей мощности, монтаже электропроводки и электроарматуры, устройстве освещения, сборке старых стеллажей, которые были демонтированы из других помещений в связи с их реконструкцией, изготовлении и установки верстаков, подставок и другой оснастки для оборудования.

Благодаря новым возможностям проводилась работа по восстановлению технических элементов СУ-76, которые не препятствовали ее работоспособности, но нуждались в реставрации в связи со значительными коррозийными повреждениями:

– глушители и трубы системы выпуска отработавших газов двигателей;

– защитные кожухи внутренней электропроводки;

– сиденье механика-водителя;

– механизм открывания крышки люка механика-водителя;

– оснастка места установки и крепления аккумуляторной батареи;

– панели приборного щитка и электрощитка на месте механика-водителя;

– различные укладки, кронштейны, защитные кожухи, и так далее.

Наряду с проведением вышеуказанных работ, в течение 2016–2018 гг. СУ-76 неоднократно использовалась для проездов во время проведения торжественных мероприятий, посвященных различным историческим событиям, таким как День Победы и другие памятные даты Великой Отечественной войны, День артиллерии, День памяти морским конвоям союзников (по случаю

установки танка «Шерман»), не только на территории музея, но и с выездной выставкой в г. Лугу.

К лету 2018 г. был составлен подробный перечень основной массы элементов и оборудования САУ, которые нуждались в восстановлении, а также работ по очистке и консервации внутренних поверхностей. Этот перечень являлся основой III этапа реставрации СУ-76. На заседании реставрационного совета от 28.06.2018 г. (протокол № Р-20/18) программа III этапа реставрации была утверждена.

Уточненный перечень необходимых работ для завершения третьего этапа реставрации музейного предмета «Пушка 76-мм самоходная образца 1942/1943 гг. выпуска 1945г.». ВИМАИВиВС МЧА 6/18

1. Очистка и окраска внутренних поверхностей переднего и левого бокового броневых листов отделения управления (белый цвет).

2. Восстановление и окраска панели щитка приборов механика-водителя (защитный цвет).

3. Снятие верхнего броневого листа отделения управления с целью ревизии и восстановления топливных баков, трубопроводов подачи топлива, арматуры крепления баков с выполнением окраски всех внутренних элементов.

4. Восстановление стенок нижней части и пола ниши топливных баков в местах коррозийного разрушения с окраской и антикоррозийной обработкой всех внутренних поверхностей.

5. Восстановление поперечин пола, разрушенных коррозией в зоне отделения управления и топливных баков.

6. Восстановление площадки и арматуры крепления аккумуляторных батарей.

7. Восстановление приборов электрооборудования, электропроводки и арматуры, установленной на стенках ниши топливных баков внутри отделения управления, с предварительной окраской стенок в белый цвет.

8. Восстановление разрушенных коррозией частей пола отделения управления с установкой крышек лючков сливных отверстий.

9. Восстановление частично уничтоженного коррозией сиденья механика-водителя и его креплений к полу.

10. Восстановление инструментального ящика около сиденья водителя.

11. Восстановление крепления топливных трубопроводов на полу отделения управления и ремонт фильтров очистки топлива.

12. Восстановление поврежденной коррозией горизонтальной укладки снарядов и ее креплений в отделении управления с окраской в защитный цвет.

13. Восстановление перегородки между отделением управления и боевым отделением с дверцей с последующей окраской в защитный и белый цвета.

14. Очистка от коррозии и окраска опорной балки пушки.

15. Восстановление коррозионных разрушений защитного ограждения радиатора и системы выпуска воздуха, полки крепления кронштейнов радиостанции с их окраской.

16. Восстановление и установка площадки на месте наводчика с педалью спуска ударника и восстановлением механизма управления спуском.

17. Восстановление и установка вертикальных укладок для снарядов (3 штуки).

18. Восстановление сидений командира и экипажа в боевом отделении.

19. Обслуживание механизмов горизонтального и вертикального поворота пушки.

20. Обслуживание и окраска пушки.

21. Изготовление и установка мягких обшивок на дверце и задней стенке боевой рубки.

22. Восстановление механизмов открывания и закрывания бойниц и смотровых окон боевой рубки (6 штук).

23. Восстановление ящиков и укладок для принадлежностей, вооружения и боеприпасов в боевом отделении.

24. Восстановление коррозионных повреждений пола в боевом отделении.

25. Восстановление заднего фонаря на задней стенке боевой рубки снаружи.

26. Восстановление приборных щитков наводчика и командира.

27. Изготовление, восстановление и установка табличек с надписями на контрольных приборах, тумблерах, сигнальных лампах, кнопках в отделениях управления и боевом.

28. Изготовление и установка кронштейна запасного катка на задней стенке боевой рубки снаружи.

29. Восстановление электропроводки в боевом отделении.

30. Изготовление ремней крепления штатного брезента снаружи слева на боевой рубке.

31. Восстановление застежки штанги банника на левом борту.

32. Восстановление кронштейна фиксации ствола пушки в походном положении в передней части верхнего броневого листа.

33. Восстановление кронштейнов, хомутов и застежек для возимого штатного инструмента на верхнем броневом листе снаружи (пила поперечная, топор, лом, кувалда, домкрат, заводная рукоятка, лопата, запасные траки).

34. Восстановление разрушенной коррозией сетки воздухозаборника на крышке моторного отделения.

35. Восстановление ящика хранения банника на правом борту боевой рубки снаружи справа.

36. Восстановление заслонок жалюзи радиатора и их креплений.

37. Восстановление сетчатой заслонки системы выпуска воздуха на задней стенке боевой рубки справа.

38. Устранение прочих незначительных неисправностей и недостатков.

39. Доукомплектование и установка на штатные места недостающего оборудования, оснастки, макетов вооружения, боеприпасов, инструмента, как специального, так и универсального (радиостанция, шанцевый инструмент, огнетушители, смотровые и прицельные приспособления, принадлежности для пушки и макеты снарядов, дисков для стрелкового оружия, сигнальных ракет, ракетницы, гранат).

В то же время текущая музейная работа по контролю и научному сопровождению, содержанию и обслуживанию музейной техники на экспозициях открытого хранения № 1, 2 и 3, а также приемка, установка, приведение в экспозиционное состояние вновь поступающих музейных предметов из числа крупногабаритной военной техники и вооружения не позволяли в короткие сроки завершить программу по СУ-76. К тому же, еще продолжалось дооснащение производственного помещения, о котором говорилось выше. Полгода в 2020 г. было потеряно из-за карантина в связи с эпидемией COVID-19. За весь период проведения реставрационно-восстановительных работ с 2015 по 2024 г. (в том числе и с привлечением волонтеров из историко-патриотических организаций) их общая трудоемкость составила 2086 человеко/часов (364 человеко/часов — доля волонтеров).

Самоходная артиллерийская установка СУ-76 на экспозиции

В настоящие время реализовано только около 25% программы III этапа работ. В основном осталось выполнить комплексную реставрацию всего внутреннего оборудования и оснастки боевого отделения машины, а также восстановить и доукомплектовать наружные элементы по всему корпусу.

Заключение

Проведение вышеперечисленных мероприятий дает возможность обеспечить сохранность музейного предмета в исторически достоверном виде и технически исправном состоянии, что позволяет всесторонне представлять его посетителям музея. Повышение уровня интерактивности экспонирования вызывает больший интерес и внимание к предмету и его истории.

Это достигается при:

– демонстрации в работе всех узлов и агрегатов машины;

– осмотре посетителями внутреннего устройства и интерьеров отделений управления, моторного, трансмиссионного и боевого;

Элементы оснастки внутреннего пространства отделения управления до реставрации

Пол отделения управления до реставрации

Элементы оснастки внутреннего пространства отделения управления после реставрации

Основание укладки 76-мм выстрелов до реставрации

Основание укладки 76-мм выстрелов после реставрации

Сиденье механика-водителя
до реставрации

Сиденье механика-водителя
после реставрации

Общий вид рабочего места механика-водителя после реставрации

Горизонтальная укладка
76-мм выстрелов
до реставрации

Общий вид отделения управления со стороны боевого отделения.
Горизонтальная укладка 76-мм выстрелов после реставрации

– предоставлении посетителям возможности занятия мест экипажа и имитации его действий.

Опыт проведенной работы на примере СУ-76, можно взять на вооружение и, в перспективе, развивать это направление музейной деятельности в отношении других военно-технических памятников, имеющихся на экспозициях открытого хранения и в фондах музея.

Можно рассмотреть варианты, подходящие для этих целей:

1. 57-мм самодвижущуюся пушку СД-57;

2. 100-мм опытную самодвижущуюся пушку КСП Т-12;

3. транспортно-заряжающую машину (на базе ЗИЛ-131) ПР-14АМ с ракетами комплекса С-125 «Нева»;

4. дорожный индукционный миноискатель ДИМ (на базе УАЗ-469).

Список использованных источников

1. Руководство по эксплуатации самоходной установки СУ-76. М.: Военное издательство НКО, 1945.
2. Самоходная установка СУ-76. Руководство. М.: Военное издательство Военного министерства Союза ССР, 1950.
3. Вараскин Ю. Н. и др. Бронетанковая техника СССР (1920–1974). (ДСП). 1981.
4. Злотников А. А. Легендарная самоходка СУ-76 // «Бомбардир». 2015. № 25.
5. Значко-Яворский А. Г. Сохранение памятников науки и техники — наша задача // сборник «Сохранность культурного наследия: наука и практика», выпуск 8-й. СПб.: ВИМАИВиВС, 2012.

В. И. Кобякова (Санкт-Петербург)

СБЕРЕЖЕНИЕ ФОНДОВ В АРТИЛЛЕРИЙСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ МУЗЕЕ. 1873–1945 гг.

УХОД ЗА ОРУЖИЕМ И ОРУДИЯМИ в Артиллерийском историческом музее осуществлялся с начала формирования коллекции в 1703 г. в соответствии с наставлениями (инструкциями), издаваемыми военными ведомствами (чистка, смазка, консервация). Подробная информация о работе по сохранению фондов АИМ в период до 1941 г. содержится в отчете по НИР «Становление и развитие деятельности по сохранению памятников культуры и истории в ВИМАИВиВС», научный руководитель С. В. Успенская, ответственный исполнитель В. И. Кобякова[1]. В конце XIX – начале XX в. надзиратель музея Н. Соловьянов реставрировал старинные знамена методом наклеивания на тюль. Эту работу продолжил А. Г. Кириков[2]. В 1927–1928 гг. в слесарной мастерской выполнили чистку 2199 предметов оружия и незначительную починку 13 моделей[3]. В схематическом плане работ АИМ на 5 лет (1928–1929 — 1932–1933гг.)[4] запланированы работы для оружейно-слесарной и плотничной-столярной мастерской по чистке, ремонту и реставрации станков, лафетов, оружия, материальной части артиллерии, моделей и приборов. Работы по чистке оружия выполняли вольнонаемные сотрудники (рабочие, чернорабочие, работники по уходу за экспонатами, подсобные рабочие) под руководством надзирателей и хранителей. Реставрацию оружия выполняли слесари. Чистка, просушка и уборка предметов общеисторического отдела (амуниция, мундиры, головные уборы и др. предметы), а также реставрация памятников отнесены к хозяйственным работам. Должности реставратора в штате не было.

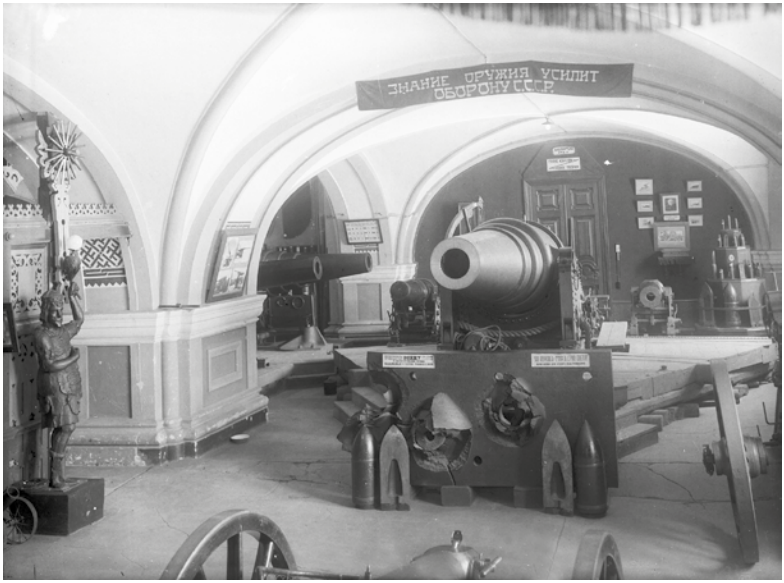
Полковник Ян Фрицевич Куске 4 марта 1935 г. вступил в должность начальника музея. Новый штат АИМ РККА 19/650 был утвержден 31 октября 1935 г., новое положение о музее утверждено 23 января 1936 г.[5] В штате 11 военнослужащих и 55 вольнонаемных, в составе научно-исследовательского отдела новое подразделение — модельно-реставрационная мастерская (МРМ), в ней слесарный и столярный цеха, 18 специалистов различного профиля, в том числе 3 реставратора экспонатов, 3 слесаря, 4 рабочих по чистке экспонатов и их бригадир, 6 столяров. В отделе истории стрелкового вооружения — оружейный мастер и 5 рабочих по уходу за экспонатами.

На ученого реставратора возлагалась обязанность следить за порядком хранения всех экспонатов и их состоянием, проводить обследование состояния экспозиции и фондов в составе комиссии не реже двух раз в месяц. Все новые поступления оружия следовало «отправлять в реставрационную мастерскую для профилактики или принятия срочных мер реставрации»[6]. Общая валовая чистка предметов механическим способом, которая производилась в отделах ранее, запрещалась, за отделами осталась только смена смазки; механическая чистка допускалась только по указанию ученого реставратора. В помещениях музея была высокая влажность. Чтобы ее снизить, было продолжено частичное отопление помещений до 1 мая.

Начальником мастерской с 1 февраля 1937 г. стал Александр Иванович Сазонов[7]. В 1937 г. в связи с предстоящим открытием нового отдела стрелкового вооружения основной работой мастерской была подготовка оружия для экспозиции[8]. С 20 января 1939 г. МРМ переподчинена начальнику МТО[9].

В штате МРМ не было реставраторов живописи, знамен, формы одежды и т. д. Поэтому необходимые работы заказывали сторонним специалистам. Художник Н. В. Петцольд по трудовому соглашению в 1937 г. выполнил реставрацию портрета генерал-фельдмаршала М. И. Кутузова, порванного в двух местах при переносе на выставку[10]. Художник Т. И. Дец выполнил реставрацию 43 картин[11], художник В. В. Алексеев — 11 картин[12], художник Калинин в 1938 г. отреставрировал 19 картин[13], М. А. Кашеваров — 34 скульптуры[14].

Сотрудник военно-исторического бытового музея (ВИБМ) Николай Николаевич Семенович выполнил реставрацию более 30 знамен из фонда АИМ в период с1937 по 1938 г.[15] Материалы



Ил. 1. 11-линейная береговая пушка в экспозиции АИМ. 1935 г.

для реставрации приобретал музей[16]. Очистку 23 знамен от разложившихся чехлов в 1937 г. выполнили в Институте материальной культуры[17].

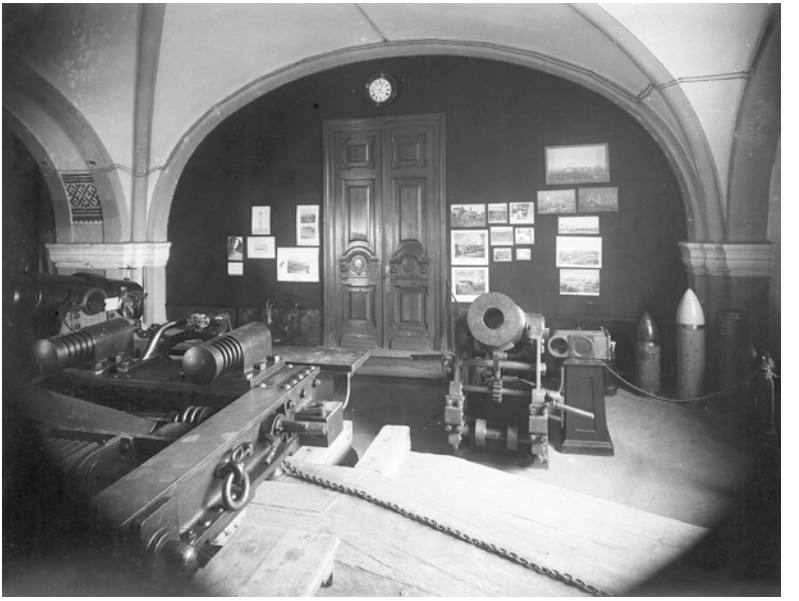
Все эти работы выполнялись для открытия экспозиций и выставок. На ил. 1 представлена 11-линейная береговая пушка на экспозиции 1935 г.[18] В 1936 г. открыта экспозиция артиллерийского отдела (ил. 2)[19], на переднем плане в левом ряду стоит парадная литавренная колесница 1760 г. В 1937 г. открыты кабинет боеприпасов (ил. 3)[20], зал по истории развития стрелкового вооружения, выставки восточного оружия, художественного оружия, спортивного и охотничьего оружия.

Сотрудники отдела в зале истории артиллерии сфотографированы в 1937 г.[21] (ил. 4).

С 15 июля 1937 г. в связи с ремонтом помещений музея все экспозиции были закрыты для посетителей. Сотрудники продолжали работу по уходу за фондами и подготовке к открытию новых экспозиций и будущих выставок.

С 22 февраля 1940 г. в музее открылись «для обозрения» четыре экспозиции: вооружения Красной армии; истории артиллерии;

Ил. 2. Вид экспозиции артиллерийского отдела. 1936 г.



Ил. 3. Кабинет боеприпасов. 1937 г.

Ил. 4. Сотрудники артиллерийского отдела в зале истории артиллерии. 1937 г.

Суворовский зал; кабинет боеприпасов. На ил. 5, 6 представлены виды экспозиционных залов в 1940[22] и 1941[23] гг.

С 1941 г. музей занимал 50 % площади Кронверка.

Т. И. Воробьев в рукописи «История АИМ»[24] так описал состояние музея к 1941 г.: «Все помещения музея приняли подобающий для него культурный прекрасный вид, который усиливался видом прекрасной электроарматуры, красивого экспозиционного оборудования, наличием ковров, ковровых дорожек, благоустроенным входом, фойе и т. д. Все, кто знал музей до 1935 г., были поражены и говорили, что теперь музей отличается от состояния 1935 г. «как небо от земли». Всюду паркетные полы, все лепные украшения колонн, стен и потолка восстановлены. В музее стало светло, тепло, уютно, красиво и удобно в обслуживании посетителей (буфет, фойе, гардероб, уборная), чего не было прежде.

Очень большая работа была проведена по приведению в порядок самих фондов. Все фонды были вычищены. Металлические предметы смазаны, уложены в возможном порядке на стеллажах, частью в шкафах. К началу Великой Отечественной войны все

Ил. 5. Общий вид экспозиции Артиллерийского отдела. 1940 г.
Фотография К. А. Семеновой

Ил. 6. Зал Красной армии. Правая сторона. Январь 1941 г.
Фотография В. К. Прилюка

фонды, кроме поступивших из ВИБМ, приведены в образцовый порядок, подвергались систематической чистке и профилактике. Малейшее пятнышко грязи или ржавчины на экспонате считалось событием, очень неприятным для сотрудников отдела».

С момента основания МРМ и до сентября 1941 г. в ней проработали 28 специалистов[25] на должностях: мастер-реставратор высшей квалификации, мастер-реставратор, рабочий по чистке экспонатов, рабочий по уходу за экспонатами, столяр, слесарь. С 1939 по июль 1941 г. начальником мастерской был Г. Г. Ефремов.

С 22 июня 1941 г. жизнь музея, как и всей страны, резко изменилась. О работе и жизни АИМ в военные годы опубликованы серьезные работы сотрудников музея Л. К. Маковской[26], С. Л. Новиченко[27], Т. Н. Ильиной[28]. Ценная информация содержится в отчете по НИР «История АИМ», написанном очевидцем и участником этих событий Тихоном Ильичом Воробьевым[29]. Благодаря самоотверженному труду руководства и вольнонаемного состава музея было спасено и пополнено собрание музея. Снова и снова мы обращаемся к этому времени, вникая в детали, пытаясь реконструировать события и представить жизнь и работу наших бывших коллег в тяжелые военные годы. Эта тема неисчерпаема.

С первых дней войны в музее началась работа по подготовке фонда для эвакуации в Новосибирск. Т. И. Воробьев[30]: «С утра 2 июля музей был закрыт для посетителей, весь состав был разделен на бригады, и во всех отделах приступили к упаковке имущества по намеченному плану. 3 июля прибыли артель грузчиков Ленпогруза и колонна автомашин с подъемным краном. Началась погрузка тяжелых стволов и артсистем и отправка на товарную станцию Октябрьской железной дороги...

Для упаковки сложных и хрупких предметов были привлечены специалисты-упаковщики, которые производили специальную упаковку конных и пеших статуэток, двух больших гипсовых фигур Суворова. Упаковка картин производилась под руководством опытного специалиста — реставратора ГЭ т. Сосновского (умер в Ленинграде в начале 42 г.). Полотна крупных размеров были сняты с подрамников и накатаны на валы, которые в свою очередь заключались в специальные ящики. Во втором эшелоне были также отправлены фотолаборатория, часть архива и библиотеки, наиболее ценные материалы со склада и весь подготовленный

к изданию комплект Висковатова. Для него не хватило тары, литографии были увязаны в пачки и заняли целый вагон.

Из-за нехватки ящиков для упаковки знамен, теперь уже находившихся в холщовых чехлах, были использованы наименее ценные изношенные дорожки с пола, покрывала и занавески с хранилищ и т. д. Мягкое обмундирование и снаряжение упаковывалось в тюки, изготовлявшиеся из разной мешковины, холщовых портьер и занавесок. Большая часть связок с архивными документами также были упакованы в тюки.

Первый эшелон отправлен 6 июля. Со вторым эшелоном 16 июля отправлено имущество отдела истории артиллерии — тяжелые стволы, приборы, модели, а также была разобрана на части и упакована знаменитая артиллерийская колесница»[31].

Весь состав военнослужащих и остальной командный состав во главе с начальником музея с семьями убыл во втором эшелоне[32].

АИМ в Ленинграде

После отправки второго эшелона в связи с сокращением штатов были уволены 98 сотрудников[33], в том числе все сотрудники мастерской, кроме А. М. Царевой и П. П. Петрова. А. М. Царева уволилась в марте 1942 г., П. П. Петров был исключен из списков сотрудников музея 21 февраля 1942 г. «в связи со смертью». В списке ленинградской команды осталось 28 человек, налицо 24 (в списке числились трое, ушедшие в народное ополчение, и один человек на сборах)[34]. Начальником ленинградской команды — представителем музея в Ленинграде — назначен заместитель начальника музея по научно-исследовательской работе военинженер 1-го ранга Петр Дмитриевич Львовский.

Эвакуация музея по плану предполагала отправку третьего эшелона. П. Д. Львовский докладывал начальнику музея[35]: «Подготовка к отправке в эвакуацию фондов 3-им эшелоном: работа закончена к 10 августа, но эшелон не отправлен в ожидании подвижного состава, а после 27 августа, вследствие закрытия сквозного движения; тюки и ящики хранятся пока не распакованными».

14 августа 1941 г. П. Д. Львовский докладывал председателю Артиллерийского комитета ГАУ[36]. По его оценке в Ленинграде осталось 40 % из числа предметов артиллерийского фонда, 30 %

стрелкового отдела, 20 % архива, 75 % библиотеки, из инвентаря — все экспозиционное оборудование, до 90 % хозинвентаря, механическое оборудование ремонтно-реставрационной мастерской. Эти цифры приблизительные.

Количество предметов, эвакуированных в Новосибирск, можно приблизительно определить на основании данных из акта сдачи-приема должности начальника артиллерийского исторического музея Красной армии полковником Я. Ф. Куске полковнику И. М. Мунгалову от 28 сентября 1941 г.[37]. Я. Ф. Куске был вызван в Москву в ГАУ после жалобы начальника СибВО генерал-лейтенанта Медведева. При сдаче музея в ходе выборочной проверки фонда было осмотрено более половины эвакуированного имущества, недостач не обнаружено. Результаты выборочной проверки фонда отражены в таблице 1.

Из данных таблицы можно подсчитать, что в историческом отделе в Новосибирске около 50 000 экспонатов, в стрелковом — 15 000, в артиллерийском — 516 стволов орудий, 115 систем и лафетов, 2000 разных мелких предметов. Эти цифры очень приблизительные и позднее уточнялись.

Конкретные цифры количества предметов в Новосибирске и Ленинграде приведены в следующих документах: на 1 января 1943 г. в отчете Т. И. Воробьева[38], на 1 июля 1943 г. в донесении № 386/2511 начальнику ФПО ГАУ КА полковнику

Таблица 1

Наименование работ	**Количество мест на 28.09**	**% к общему количеству**	**Примечание**
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ			
Вскрыто и проверено состояние и наличие имущества	427 мест	40 %	Недостач не обнаружено
Из них сличено по описям эвакуации	273	25 %	
Просушено, проверено и очищено от плесени	427	40 %	Около 20 000 экспонатов

Наименование работ	Количество мест на 28.09	% к общему количеству	Примечание
НИО			
Вскрыто и проверено состояние и наличие имущества Предварительно просушено и очищено от плесени, архивный материал и книги	377 266	54,5 % Что составляет по отношению к количеству 2-й очереди — 95 %, и к 1-й — 13 %	
СТРЕЛКОВЫЙ ОТДЕЛ			
Вскрыто и сверено с документами эвакуации Вычищено и смазано	289 мест (около 10 000 экс.) 10 000 экс.	66,6 %	Из них 80 % сличено с описями и 20 % проверено очно 50 %
АРТИЛЛЕРИЙСКИЙ ОТДЕЛ			
Вскрыто и проверено мест Вычищено и смазано: разных мелких экспонатов стволов орудий систем и лафетов	463 1000 516 115	54 % 50 % 100 % 100 %	50 %
ОТДЕЛ МТО			
Вскрыто, проверено, прочищено, просушено	400 мест	85 %	

интендантской службы т. Липецу[39], на 30 октября 1944 г. в акте комиссии по проверке учета и наличия фондового имущества в Новосибирске под председательством подполковника АТС А. Г. Трубникова[40].

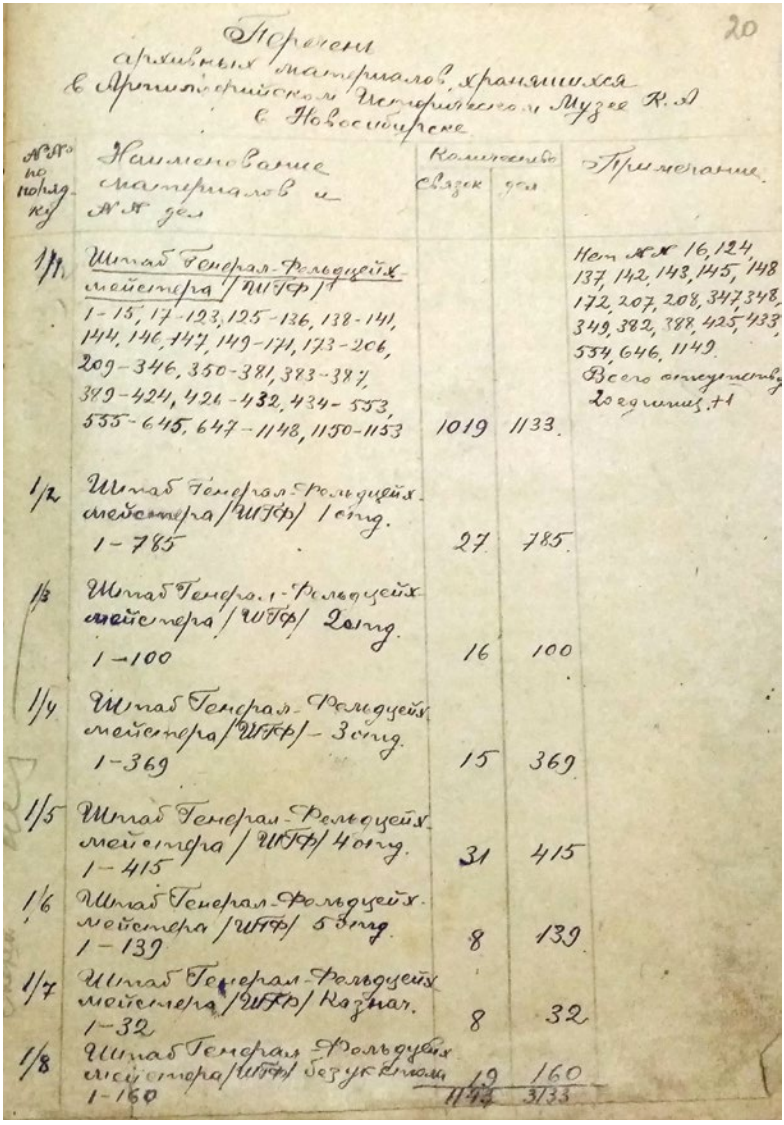
Таблица 2

Количество предметов в Новосибирске и Ленинграде

Отдел	В Новосибирске		В Ленинграде	
	На 01.01. 1943	**На 30.10. 1944**	**На 01.01. 1943**	**01.07. 1943**
Исторический отдел	39 244	39 425	11 682	Нет данных
Стрелковый отдел	18 435	Нет данных	6104	4880
Артиллерийский отдел	3257	3291	2926	2732

Обнаружены не опубликованные ранее документы с информацией по архивному фонду, эвакуированному в Новосибирск и оставшемуся в Ленинграде. Перечень архивных дел, находящихся в Новосибирске, подписан военинженером 1-го ранга Н. Т. Сорокиным 27 сентября 1944 г. В эвакуацию было отправлено 7392 связки, содержащие 48 226 дел, в том числе шесть коробок дел Пушкарского приказа (474 дела). Отдельно указан карточный каталог (322 связки) в 21 ящике[41] (ил. 7, 7а). Перечень архивных фондов, хранящихся в АИМ в Ленинграде на 1 декабря 1941 г., подписан П. Д. Львовским[42] (ил. 8, 8а). В Ленинграде осталось 7000 связок документов, в том числе 1484 связки дел XVIII столетия.

Деятельность ленинградской команды за первый месяц после отправки второго эшелона представлена в донесении П. Д. Львовского начальнику музея[43]: очистка помещений и территории от мусора, хлама, неиспользованной тары, приведение в порядок оставшегося имущества отделов. По музею установлено круглосуточное дежурство ПСО (два поста) и круглосуточное дежурство в две смены на крыше здания, выполняемое всем наличным составом. Были приняты следующие меры для обеспечения пожарной безопасности: за период с 16 июля по 1 октября[44]: окраска деревянных перекрытий крыши половины здания специальным негорючим составом (троекратная); снабжение чердачного помещения песком и водой — занесено до 3 т песку, сложенного кучами, и поставлено 12 бочек с водой по обе стороны чердака; то же и на территории музея около здания и моста; заготовка в достаточном количестве пожарного инвентаря

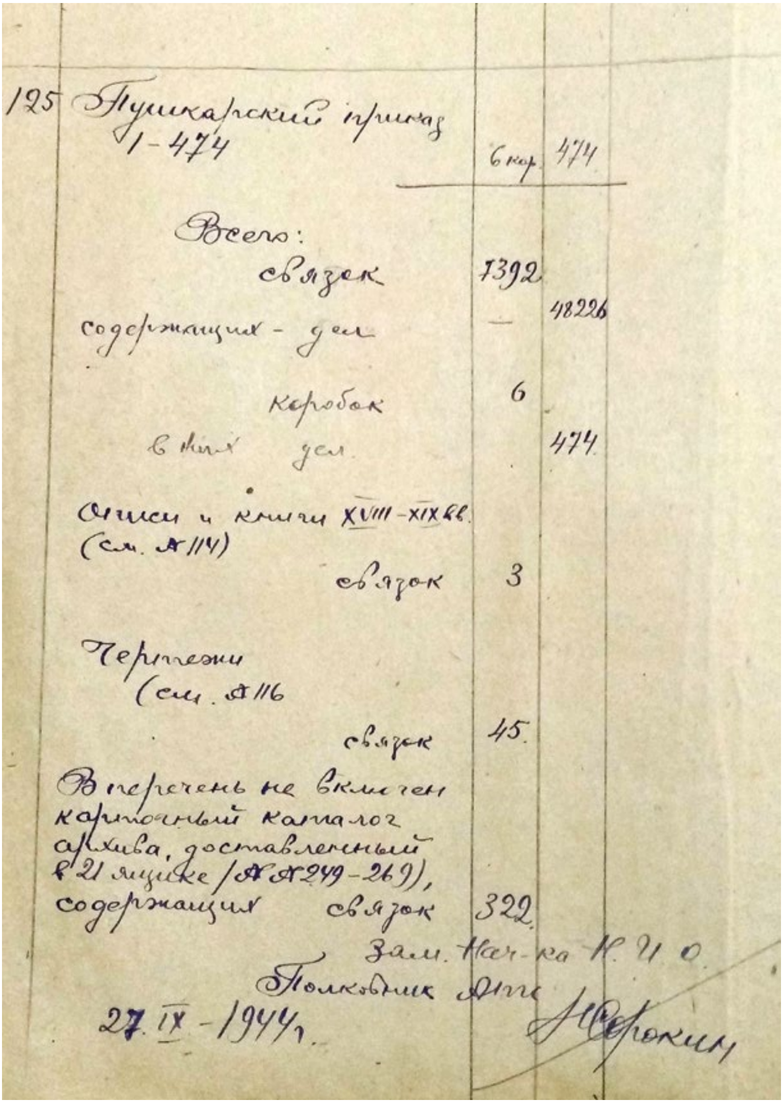


20

Перечень
архивных материалов, хранящихся
в Артиллерийском Историческом Музее К.А.
в Новосибирске

№№ по порядку	Наименование материалов и №№ дел	Количество связок	Количество дел	Примечание
1/1	Штаб Генерал-Фельдцейхмейстера (ШГФ) 1-15, 17-123, 125-136, 138-141, 144, 146, 147, 149-171, 173-206, 209-346, 350-381, 383-387, 389-424, 426-432, 434-553, 555-645, 647-1148, 1150-1153	1019	1133	Нет №№ 16, 124, 137, 142, 143, 145, 148, 172, 207, 208, 347, 348, 349, 382, 388, 425, 433, 554, 646, 1149. Всего отсутствуют 20 единиц. +1
1/2	Штаб Генерал-Фельдцейхмейстера (ШГФ) 1 отд. 1-785	27	785	
1/3	Штаб Генерал-Фельдцейхмейстера (ШГФ) 2 отд. 1-100	16	100	
1/4	Штаб Генерал-Фельдцейхмейстера (ШГФ) - 3 отд. 1-369	15	369	
1/5	Штаб Генерал-Фельдцейхмейстера (ШГФ) 4 отд. 1-415	31	415	
1/6	Штаб Генерал-Фельдцейхмейстера (ШГФ) 5 отд. 1-139	8	139	
1/7	Штаб Генерал-Фельдцейхмейстера (ШГФ) Казнач. 1-32	8	32	
1/8	Штаб Генерал-Фельдцейхмейстера (ШГФ) безуклонно 1-160	19	160	
		1143	3133	

Ил. 7. Перечень архивных фондов, эвакуированных в Новосибирск



125 Пушкарский приказ 1-474 6 кор. 474

Всего:

связок 1392

содержащих — дел — 48226

коробок 6

в них дел 474

Описи и книги XVIII–XIX вв. (см. №114)

связок 3

Чертежи (см. №116

связок 45

В перечень не включен карточный каталог архива, доставленный в 21 ящике (№№ 249–269), содержащих связок 322.

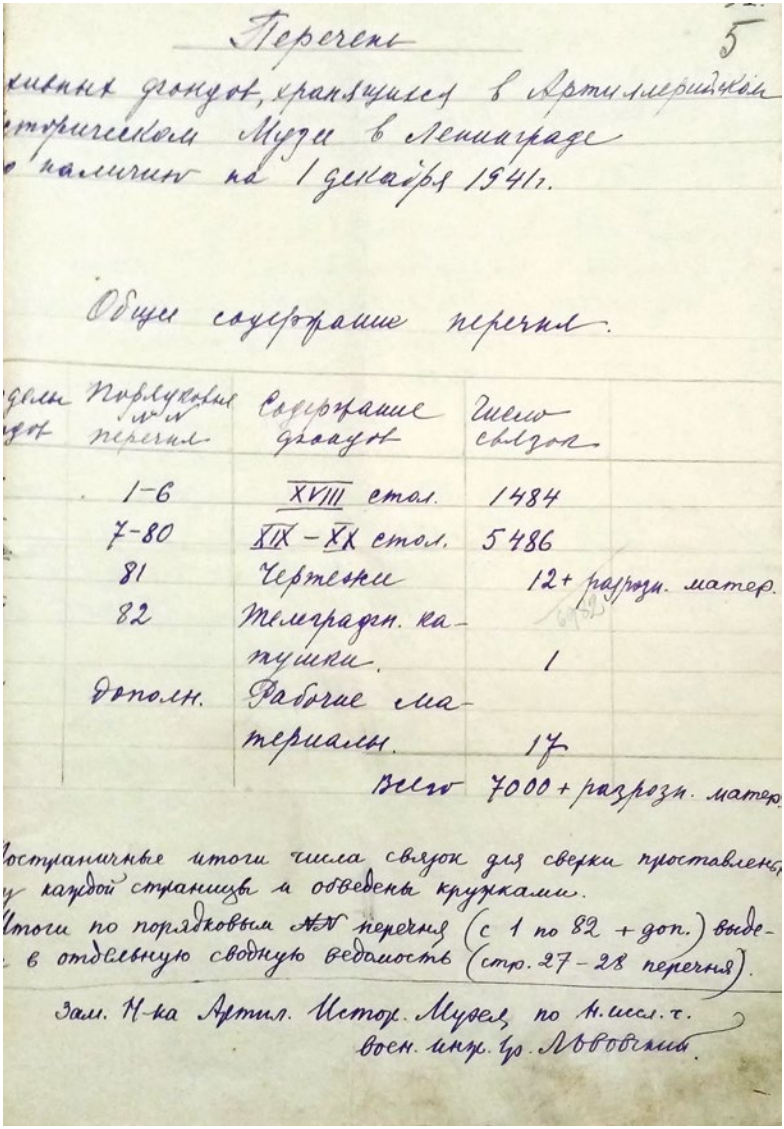
Зам. Нач-ка Н. И. О.

Полковник Атт

27. IX – 1944 г.

Сорокин

Ил. 7а. Перечень архивных фондов, эвакуированных в Новосибирск



Перечень 5

...хивных фондов, хранящихся в Артиллерийском ...сторическом Музее в Ленинграде ...о наличию на 1 декабря 1941 г.

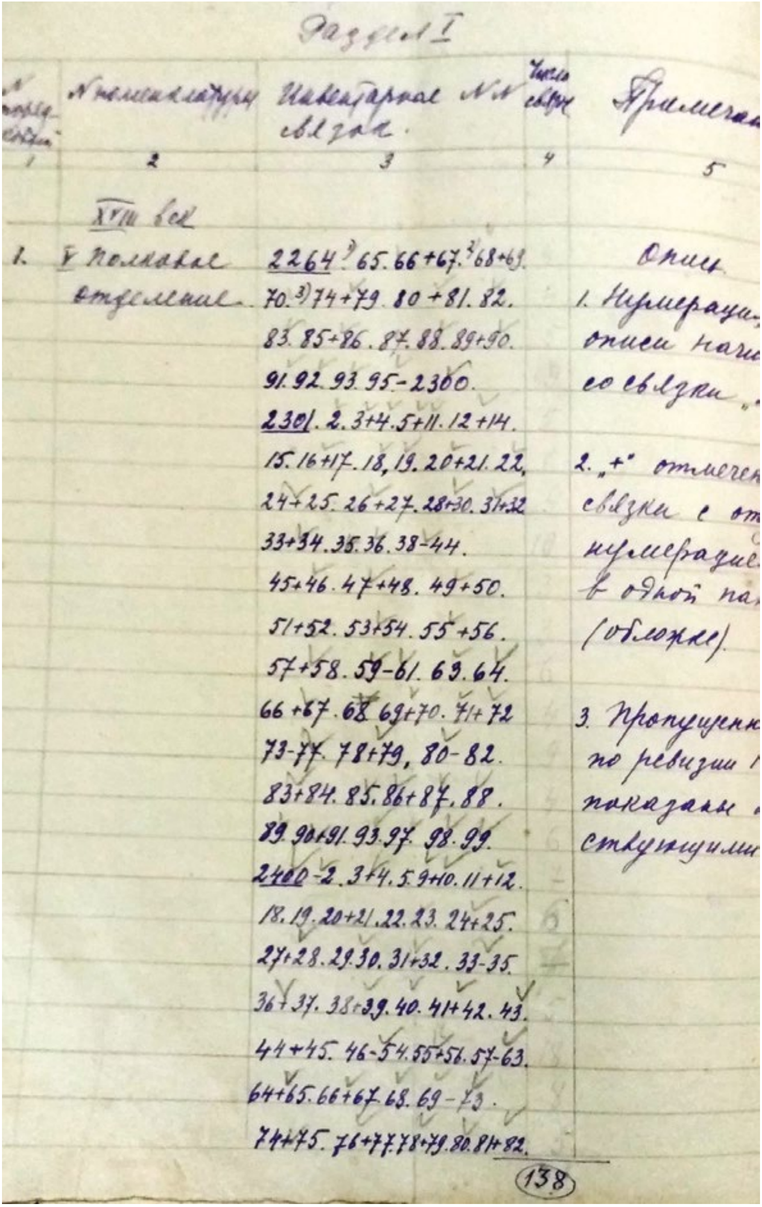
Общее содержание перечня.

...делы ...дов	Порядковые №№ перечня	Содержание фондов	Число связок
	1–6	XVIII стол.	1484
	7–80	XIX – XX стол.	5486
	81	Чертежи	12+ разрозн. матер.
	82	Телеграфн. катушки.	1
	дополн.	Рабочие материалы.	17
		Всего	7000 + разрозн. матер.

...остраничные итоги числа связок для сверки проставлены ...у каждой страницы и обведены кружками.
...Итоги по порядковым №№ перечня (с 1 по 82 + доп.) выде... в отдельную сводную ведомость (стр. 27–28 перечня).

Зам. Н-ка Артил. Истор. Музея по Н. иссл. ч.
воен. инж. Гр. Львовский.

Ил. 8. Перечень архивных фондов, хранящихся в АИМ в Ленинграде на 1 декабря 1941 г.



Раздел I

№ по поряд.	№ номенклатуры	Инвентарные № № связок.	Число связок	Примечания
1	2	3	4	5
	XVIII век			
1.	V Полевое отделение	2264[3]. 65. 66+67.[3] 68+69. 70.[3] 74+79. 80+81. 82. 83. 85+86. 87. 88. 89+90. 91. 92. 93. 95–2300. 2301. 2. 3+4. 5+11. 12+14. 15. 16+17. 18, 19. 20+21. 22, 24+25. 26+27. 28+30. 31+32 33+34. 35. 36. 38–44. 45+46. 47+48. 49+50. 51+52. 53+54. 55+56. 57+58. 59–61. 63. 64. 66+67. 68. 69+70. 71+72 73–77. 78+79, 80–82. 83+84. 85. 86+87. 88. 89. 90+91. 93. 97. 98. 99. 2400–2. 3+4. 5. 9+10. 11+12. 18. 19. 20+21. 22. 23. 24+25. 27+28. 29. 30. 31+32. 33–35. 36+37. 38+39. 40. 41+42. 43. 44+45. 46–54. 55+56. 57–63. 64+65. 66+67. 68. 69–73. 74+75. 76+77. 78+79. 80. 81+82.		Опись. 1. Нумерация описи нач... со связки „...“ 2. „+“ отмечен... связки с от... нумерацией в одной па... (обложке). 3. Пропущенн... по ревизии ... показаны ... ствующими...

(138)

Ил. 8а. Перечень архивных фондов, хранящихся в АИМ в Ленинграде на 1 декабря 1941 г.

и инструмента, особенно для тушения зажигательных бомб; распределение всех наличных огнетушителей по помещениям с выделением некоторого количества в запас, непрерывный уход за ними и перезарядка.

По плану П. Д. Львовского текущая работа филиала музея — это сбор трофеев, приобретение материалов по Отечественной войне, консультирование по поступаемым непрерывно вопросам, устройство и содержание выставки «Трофеи Отечественной войны». Выставка не состоялась. Военная обстановка ставила перед музеем другие задачи.

При бомбардировке в ночь с 10 на 11 сентября 1941 г. были разрушены котельная, деревянный дом общежития, сарай-навес. В главном здании и отдельном корпусе склада-мастерской выбиты рамы и стекла, местами повреждена крыша. Проживающие в общежитии с семьями были временно размещены в помещении Кронверка. Позднее сумма причиненных убытков оценена в 800–900 тыс. р.[45]

Личный вольнонаемный состав музея в Ленинграде на 20 сентября 1941 г. 21 чел., налицо 20 чел. (шофер грузовой машины — вакансия).

Бомбардировки города продолжались. П. Д. Львовский докладывал коменданту гарнизона Ленинграда[46], что в результате бомбардировки 8 октября в 0 ч 20 мин. крыша здания была повреждена в шести местах: пробиты кровельные листы и обгорела обрешетка площадью около 10 кв. м., фермы и стропила крыши не затронуты. Возникший пожар потушили силами команд музея, склада военно-воздушных сил и рембазы. Пострадавших из команды музея при тушении пожара не было.

После обращения П. Д. Львовского к начальнику КЭО ЛВО от 11 октября с просьбой о ремонте котельной, поврежденной 11 сентября бомбардировкой[47], для ремонта в октябре были направлены девять рабочих.

Кольцо блокады сжималось. Не выдерживая голода и холода, один за другим уходили из жизни члены ленинградской команды, их фотографии опубликованы в статье Л. К. Маковской[48]. В списке вольнонаемного состава команды АИМ в Ленинграде на 1 января 1942 г. — 19 чел.[49], а в списке на зарплату за январь 1942 г. всего 13[50], в феврале и марте — 6 чел.

В марте 1942 г. на смену заболевшего тяжелой формой дистрофии П. Д. Львовского из Новосибирска был направлен

заместитель начальника музея по материально-техническому обеспечению, секретарь партийной организации музея интендант 2-го ранга Петр Иванович Воробьев[51]. Он прибыл в блокадный Ленинград 3 апреля 1942 г. Состояние команды по донесению П. И. Воробьева от 15 апреля 1942 г.[52]: «В музее я обнаружил одного трудоспособного, остальные оказались больными с января месяца. Сам Львовский лежит на квартире. Охрана помещений и имущества совершенно отсутствует, производилось только наблюдение. Помещения музея на 85 % заняты другими учреждениями и организациями. Мастерские, гараж и котельная к эксплуатации не пригодны. Техсклад и общежитие отсутствуют (разрушены вражеской бомбардировкой). Имущество артиллерийского и стрелкового отделов находится в удовлетворительном состоянии».

П. Д. Львовский был отправлен в Новосибирск. П. И. Воробьев принял в апреле на должность хранителя фондов Ксению Константиновну Клементьеву (работала в музее до войны и была уволена в июле 1941 г.)[53]. В июле были приняты четверо рабочих по чистке экспонатов: В. Н. Лапина, Е. А. Михайлова, А. В. Лихачева, Е. Ф. Вершовская[54]. Это позволило наладить фондовую работу, чистку и смазку экспонатов. Евдокия Александровна Михайлова проработала в музее до июня 1954 г. — 12 лет[55].

Согласно отчету П. И. Воробьева о работе команды в Ленинграде в 1942 г. и объяснительной записки к нему[56], основная деятельность состояла в следующем:

– охрана музейного имущества и обеспечение пожарных мероприятий;

– сосредоточение музейного имущества в безопасном хранилище для сохранности его от повреждений и разрушений в связи с блокадой города;

– проведение инвентаризации всего имущества музея, оставшегося в Ленинграде после эвакуации;

– сбор материалов по Великой Отечественной войне;

– документальное оформление переданного инвентаря и зданий во временное пользование военным организациям;

– ликвидация последствий, причиненных во время воздушных налетов и артиллерийского обстрела со стороны противника.

Для сбора трофеев на Ленинградском фронте в 1942 г. был привлечен «по совместительству» В. Н. Грусланов.

Регулярно проводилась чистка и смазка предметов в оружейном и стрелковом отделах. Для этого приобретены в 1942 г. обтирочные материалы — 60,7 кг, ветошь — 30 кг[57].

18 января 1943 г. была прорвана блокада Ленинграда. Снабжение города улучшилось, настроение людей тоже, надежда на Победу помогала жить и работать.

В штатном расписании на 1943 г. по АИМ КА в г. Ленинграде[58] 15 чел. вместо 10 чел. в 1942 г. Это 2 смотрителя фондов, 3 рабочих по чистке экспонатов, 2 вспомогательных рабочих, 2 истопника, агент-кладовщик, бухгалтер, старший по смене (охрана), 3 рядовых сторожевой охраны. В тематическом плане работ по АИМ Ленинград на 1943 г.[59] следующие позиции: учет и хранение, перемещение, чистка и смазка экспонатов, сбор и прием трофеев, подготовка выставок.

В честь 25-летия Великой Октябрьской Социалистической Революции на площади им. М. С. Урицкого (так называлась Дворцовая площадь с 1918 по 1944 г.) была открыта выставка немецких трофейных артсистем из фондов музея.

21 января 1944 г. погиб начальник ленинградской команды Петр Иванович Воробьев (ил. 9). В течение всего дня он был занят перевозкой немецких трофейных артсистем с площади перед Зимним дворцом на территорию Кронверка. Около 23 часов при транспортировке пушки он был сбит встречной машиной, с тяжелыми травмами доставлен в госпиталь, где скончался.

Сведения из личного дела П. И. Воробьева, хранящегося в ЦАМО[60]. Он родился 18 октября 1893 г. в дер. Поречье Псковской губернии Новоржевского района Кудеверской волости в семье крестьянина-бедняка. До Октябрьской революции своей земли не имели, но занимались сельским хозяйством: пахали землю исполу и арендовали. Семья многодетная, 5 сыновей и 4 дочери. Отец умер в 1919, мать в 1929 г. П. И. Воробьев окончил 2 класса сельской школы. Работать начал с 7 лет: пас скот, занимался сельским хозяйством, зимой ходил на заработки в Санкт-Петербург и Выборг. В 1914 г. призван в царскую армию. Окончил трехмесячные пулеметные курсы в г. Ораниенбауме, рядовой до 1 марта 1916 г., последний чин — унтер-офицер в 517-м Батумском пехотном полку. В Октябрьскую революцию находился в Смоленске у пересыльного коменданта в команде для отправки в 44-й рабочий батальон, принимал участие в обороне города от нападавших казаков и контрреволюционных банд. В 1917 г.

Ил. 9. Майор интендантской службы П. И. Воробьев

врачебной комиссией уволен в отпуск по болезни, жил у родителей, в августе 1918 г. приехал в Петроград, поступил на работу на Путиловский завод кочегаром сталепрокатной мастерской, в ноябре призван в Красную армию и зачислен в 1-й Нарвский рабочий полк комвзвода. В период Гражданской войны служил на Карельском фронте в составе 1-го Петроградского полка в должности командира взвода (с 23 июля по 8 августа 1919 г.), с 15 сентября 1919 г. — на Южном фронте в составе 4-го эстонского полка (командиром взвода), помощником начальника пулеметной команды в составе 3-го украинского Трудового полка и Отдельного украинского батальона по ликвидации махновщины. В июне 1921 г. с полком прибыл в Петроград и был направлен в Шлиссельбург для охраны пороховых. В ноябре 1921 г. был переведен в 91-й стрелковый полк командиром взвода и направлен на финляндскую границу для ее охраны. В 1922 г. прибыл в Петроград и зачислен в 31-й стрелковый полк командиром пулеметной команды. В октябре 1923 г. был направлен на годичные повторные командные курсы в Петрограде. В октябре 1924 г. прибыл в 31-й стрелковый полк и назначен помначальника пулеметной команды. В 1926 г. служил командиром роты полковой школы, в 1928 — заведующим материальной части полка, в 1929 — командиром хозроты полка. 30 ноября 1930 г. переведен в Военно-техническую академию РККА им. т. Дзержинского на должность помощника начальника квартирно-комендантской части, 10 апреля 1933 г. — в Военную электротехническую академию РККА на ту же должность, 28 марта 1934 г. — в Топогеодезический отряд штаба ЛВО

на должность начальника административно- хозяйственного отдела. 13 апреля 1935 г. переведен помощником начальника Военного историко-бытового музея РККА (ВИБМ). В 1936 г. сдал зачеты экстерном за нормальную пехотную школу при Ленинградском Доме Красной Армии. 15 июня 1937 г. при слиянии музеев назначен начальником материально-технического снабжения АИМ РККА.

В кандидаты ВКП(б) вступил в 1925 г. в 31-м стрелковом полку, переведен в члены ВКП(б) в 1927 г. За время пребывания в партии выполнял партийные поручения: в 31-м полку — редактором стенгазеты, в Военно-технической академии — председателем ячейки МОПР, в Электротехнической академии — группоргом, в Топогеодезическом отряде — секретарем партячейки, в ВИБМ — руководителем кружка текущей политики, в АИМ — парторгом. В 1938 г. награжден медалью «XX лет РККА».

29 мая 1936 г. П. И. Воробьеву присвоено звание интендант 3-го ранга, в период службы в АИМ ему присвоены звания интендант 2-го ранга (16 июля 1940 г.), майор интендантской службы (5 марта 1943 г.).

Жена, Анна Антоновна Воробьева (Парфенова), 1897 г. р., уроженка Витебской губернии. У них было трое детей: дочь Лидия 1923 г. р., сын Георгий 1925 г. р. и дочь Нина 1929 г. р.

П. И. Воробьев проработал в АИМ шесть с половиной лет. Он возглавил ленинградскую команду в тяжелое время, блокадной весной 1942 г., многое сделал для сохранения и умножения фондов, погиб на своем боевом посту. Его имя помнят и чтят в музее.

С 8 февраля 1944 г. временно исполняющим обязанности начальника ленинградской команды был назначен майор артиллерийской технической службы Н .С. Протопопов, который прибыл из Новосибирска[61].

Во второй половине 1944 г. в штатном расписании ленинградской команды было 22 чел.[62]: бухгалтер, 3 хранителя фондов (НИО, артиллерийского и, исторического отдела), 16 рабочих по чистке экспонатов в составе МТО, агент по снабжению, шофер грузовой машины. Штат не был укомплектован, людей не хватало.

В военное время работу музея проверяли контролирующие органы. В акте проверки состояния архива[63] в марте 1944 г. работник Центрального государственного исторического архива

Л. А. Мандрыкина отметила: температура в хранилище 0 °С, относительная влажность 87 %, фонды размещены на деревянных стеллажах, имеются указатели. Л. К. Маковская писала, что при встрече с ней в 1952 г. Л. А. Мандрыкина вспомнила, какое сильное впечатление на нее произвели сохраненные в страшную блокадную зиму 1942 г. деревянные стеллажи[64].

В мае 1944 г. проведена ревизия деятельности ленинградской команды музея. В акте проверки[65] от 24 мая 1944 г. отмечено: «На момент поверки штат команды музея состоял из 4 человек офицерского состава и 11 человек вольнонаемных работников (50 % укомплектованности утвержденного штата)...

Помещения музея требуют ремонта, так икак обстрел и бомбардировка, а также использование здания не по назначению и отсутствие отопления в течение 3 лет значительно разрушили здание Артмузея, половину реставрационной мастерской и одно из хранилищ. Артмузею отпущен титул на проведение ремонтных работ, однако отсутствие рабочей силы задерживает их проведение.

Находящиеся в команде экспонаты рассортированы, смазаны, периодически просматриваются. Экспонаты и библиотечные ценности находятся в хорошем состоянии. Отсутствие необходимых помещений вынуждает хранить значительное количество экспонатов артиллерийского отдела под открытым небом.

В помещениях Артмузея сыро, так как помещение три года не отапливалось и должным образом не проветривалось. Сырость в помещениях может повести к порче экспонатов и оборудования музея».

С 6 февраля 1945 г. начальником ленинградской команды был назначен инженер-полковник И. А. Глотов[66]. Численность вольнонаемного состава ленинградской команды в 1945 г. увеличилась, в мае составляла 36 человек, в том числе: 3 хранителя фондов, 3 картотетчицы, 3 рабочих по чистке экспонатов, рабочий по уходу за фондами, слесарь, 2 столяра. Ленинградская команда готовилась к возвращению фондов из Новосибирска.

В период с августа 1941 по 31 мая 1945 г. в ленинградской команде музея проработали 89 человек вольнонаемного состава[67]. В зависимости от обстоятельств сроки работы разные — от одного месяца до нескольких лет. Самое тяжелое положение было в 1942 г., когда численность вольнонаемного состава составляла всего от 6 до 10 чел.

Таблица 3

Численность вольнонаемного состава Ленинградской команды

Месяц / Год	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1941								27	24	24	25	21
1942	13	6	6	7	7	8	12	12	10	10	10	10
1943	10	11	9	10	10	11	11	11	11	11	13	13
1944	13	13	12	12	12	14	15	16	30	31?	32?	32?
1945	28	31	30	31	36							

Офицеры из Новосибирска в 1943–1945 гг. неоднократно командировались в Ленинград для оказания помощи ленинградской команде в сборе трофеев, сверке наличия экспонатов. Начальник музея Я. Ф. Куске постоянно контролировал работу в Ленинграде. Так, в 1944 г. он четыре раза отбывал из Новосибирска в командировку в Москву и затем в Ленинград[68].

АИМ в Новосибирске (июль 1941 – сентябрь 1945)

В эвакуацию в Новосибирск вместе с эшелонами прибыл личный состав АИМ[69]: начальник Я. Ф. Куске, начальник отдела истории артиллерии полковник В. М. Чернов, начальник НИО военный инженер 1-го ранга Н. Т. Сорокин, начальник исторического отдела интендант 2-го ранга Т. И. Воробьев, старший научный сотрудник военный интендант 1-го ранга В. Е. Маркевич, начальник МТО интендант 2-го ранга П. И. Воробьев, начальник общего отдела интендант 1-го ранга Иванов, помощник начальника исторического отдела интендант 3-го ранга Соколков, начальник отдела истории стрелкового вооружения подполковник И. А. Глотов, главный бухгалтер-экономист Н. Н. Шапурин. Для текущей работы нанимали вольнонаемных сотрудников на месте.

По прибытии в Новосибирск руководство музея встретилось с непредвиденными трудностями, о чем подробно написано в статье Л. К. Маковской[70]. Благодаря смелости и настойчивости начальника музея полковника Я. Ф. Куске фонды были перемещены в приемлемые с точки зрения сохранности условия.

В акте сдачи-приема должности начальника Артиллерийского исторического музея Красной армии полковником Я. Ф. Куске полковнику И. М. Мунгалову[71] зафиксировано размещение и состояние имущества АИМ в Новосибирске на 28 сентября 1941 г.:

а) в хранилищах военного склада № 727 — имущество отделов истории артиллерии и истории стрелкового вооружения, которое не боится холода, сырости, резких температурных колебаний;

б) в помещении Новосибирского оперного театра — архив, библиотека, картотеки отдела учета экспонатов, дела и материалы научно-исследовательского отдела и большая часть имущества исторического отдела. Это имущество требует определенного режима и условий хранения и ухода. Такое распределение имущества по хранилищам Я. Ф. Куске считал совершенно правильным и предохраняющим его от порчи, позволяющим организовать и проводить надлежащий уход.

«Эвакуация, безусловно, повлекла некоторую порчу части имущества: повреждена часть картонных обложек архивных документов, повреждены деревянные части ветхих лафетов, отсырела часть архива, особенно материалов, эвакуированных во вторую очередь и попавших при погрузке под дождь, и библиотека, на ряде металлических предметов появилась ржавчина (незначительная), отсырели и частично покрылись плесенью знамена, часть обмундирования и снаряжения. Главным источником сырости являлись сырые хранилища склада № 727.

Все повреждения поддаются реставрации. В отношении сушки, удаления плесени, чистки и смазки принятыми мерами уже значительная часть имущества приведена в порядок, и эта работа продолжается. Сушка обмундирования, архива и библиотеки требует особых условий и приспособлений и поэтому больше времени».

В акте намечены мероприятия на ближайшее время: форсировать работу по чистке и смазке для зимнего хранения имущества, проверить состояние всего архива, библиотеки, картин, гравюр, акварелей, чертежей и пр., подверженное воздействию сырости отчистить от плесени и высушить; изготовить хорошего качества тару (ящики) и переместить в нее имущество, упакованное в тюки и ящики низкого качества; завершить сличение прибывшего имущества как по количеству, так и по содержанию мест с документами эвакуации; провести инвентаризацию всего эвакуированного хозяйственного имущества.

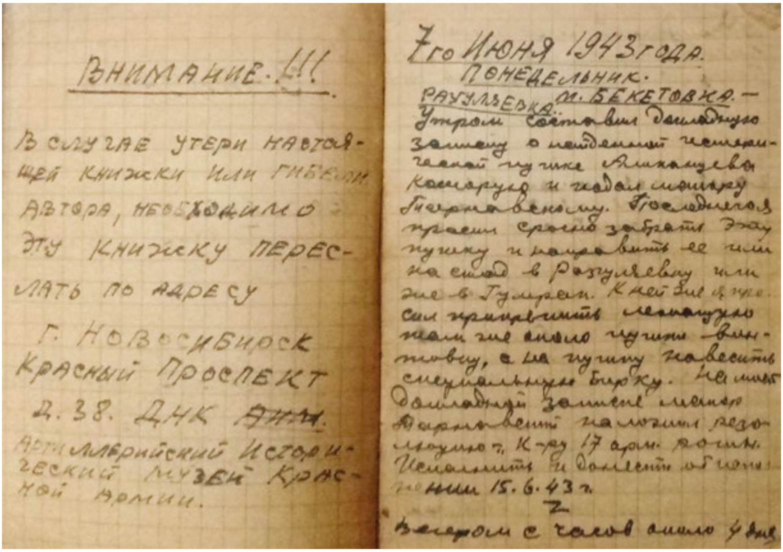
29 сентября 1941 г. состояние архивных документов в Новосибирске оценил Е. В. Кудрявцев — член центральной реставрационной комиссии Всесоюзного комитета по культуре и искусству (ВКИ) при СНК СССР, главный хранитель-реставратор Третьяковской галереи[72]. В его заключении указано, что во многих делах бумага увлажнена, имеют место изменение цвета, слипание листов, признаки развития нитчатых грибков плесени, картонные обложки покороблены, деформированы. Рекомендовано просушить документы посредством вентиляции при температуре 25–35 °С, установить постоянное наблюдение и впоследствии провести дезинфекцию.

20 октября 1941 г. было получено распоряжение срочно освободить территорию склада № 727 в связи с началом строительства оборонного завода. При содействии Томской железной дороги около 60 вагонов с артиллерийским и стрелковым вооружением, боеприпасами и другим имуществом были перемещены на станцию Инская в 38 км от Новосибирска. Тяжелые стволы разместили под открытым небом, остальное имущество в двух сараях.

В штатном расписании вольнонаемного состава[73] на 1942 г. 29 должностей: 3 хранителя фонда-картотетчика, старшие и рядовые рабочие по уходу за экспонатами и фондом — 14 человек, сторожевая охрана — 7 чел. Укомплектовать штат было непросто, людей не хватало.

Музей организовывал выставки, офицеры командировались на фронт для сбора трофеев, неоднократно привлекались руководством округа для выполнения текущих задач военного времени. В июне 1943 г. в Сталинград был командирован начальник исторического отдела интендант 2-го ранга Т. И. Воробьев. В архиве хранится его записная книжка с записями этого времени[74] (ил. 10).

В то же время выполнялась обычная музейная работа. С 1 апреля 1942 г. была введена в действие «Инструкция по хранению имущества исторического отдела АИМ в г. Новосибирске»[75]. 7 июня 1942 г. утверждено «Положение о хранителе фондов отдела АИМ КА»[76]. Для контроля условий хранения фондов в Новосибирске (измерение температуры и относительной влажности) уже с 1 мая 1942 г. было оформлено трудовое соглашение с М. А. Александровым. Эта работа продолжалась и в последующий период[77].



ВНИМАНИЕ!!!

В случае утери настоящей книжки или гибели автора, необходимо эту книжку пересылать по адресу
г. Новосибирск
Красный проспект
д. 38. ДКА
Артиллерийский исторический музей Красной Армии.

7-го июня 1943 года.
Понедельник.
Разгуляевка — м. Бекетовка. —
Утром составил докладную записку о найденной исторической пушке [illegible] комкору и подал майору [illegible]. Последнего я просил срочно забрать эту пушку и направить ее или на склад в Разгуляевку или же в Гумрак. К ней же я просил прикрепить [illegible] [illegible] пушки [illegible], а на пушку навесить специальную бирку. На моей докладной записке майор [illegible] наложил резолюцию т. К-ру 17 арм. [illegible]. Исполнить и донести об исполнении 15.6.43 г.
2
Вечером с часов около 4 [illegible]

Ил. 10. Первые страницы записной книжки Т. И. Воробьева. 1943 г.

В октябре 1942 г. фонды музея, расположенные на втором этаже Оперного театра, были перемещены на четвертый этаж в связи с распоряжением обкома ВКП(б) и облисполкома об использовании Оперного театра по назначению. На выделенной площади разместились фонды НИО (в том числе архив и библиотека), исторического отдела, наиболее ценные предметы отдела стрелкового вооружения.

С 16 октября 1942 г. по приказу № 52[78] во всех отделах приступили к работе по разделению баланса экспонатного имущества на новосибирскую и ленинградскую части. Для проведения этой работы разработана «Краткая инструкция по сверке и разделению баланса музейных фондов, находящихся в Новосибирске и Ленинграде»[79].

Проводилась плановая работа по чистке и смазке оружия и орудийных систем. Материалы для работы получали по нарядам. Так, в октябре из в/ч 345 полковнику Глотову отпущены материалы: смазка № 21 — 3 кг, смазка «КВ» — 3 кг, пушечное сало — 16 кг, пакля — 3 кг, ветошь — 6 кг[80].

5 ноября 1942 г. в Новосибирске при Окружном Доме Красной Армии была открыта выставка «Трофеи Отечественной войны» из фондов музея.

В штатном расписании вольнонаемных работников АИМ РККА г. Новосибирска на 1943 г.[81] 38 должностей, в том числе 8 рабочих по уходу за экспонатами. Должности реставраторов отсутствовали. В 1943–1944 гг. для реставрации поврежденных картин привлекались реставраторы Третьяковской галереи, фонды которой также размещались в Оперном театре. Материалы для реставрации (скипидар, рыбий клей) приобретал музей[82].

Фонды отдела истории артиллерии и часть фонда отдела истории стрелкового вооружения на станции Инская хранились в двух деревянных сараях, что не обеспечивало их сохранность: крыши сараев протекали, отсутствовало электроосвещение. В августе 1943 г. Я. Ф. Куске обратился к командующему войсками СибВО[83] с просьбой обязать СибВСУ закончить ремонтные работы в хранилищах и отдать распоряжение о срочном изготовлении 350 шт. ящиков для упаковки 7000 исторических знамен, хранящихся в неупакованном виде и поэтому подвергающихся порче. Частично эти проблемы были решены.

В 1944 г. в историческом отделе по разделу «Уход и сбережение имущества» были выполнены следующие работы[84].

Таблица 4

Мероприятия	План	Выполнение
УХОД И СБЕРЕЖЕНИЕ ИМУЩЕСТВА		
Выборочная контрольная поверка имущества со вскрытием ящиков	120	268
Переупаковка знамен в новую тару (ящики)	300	140
Переупаковка разного имущества в новую тару	50	52
Неотложная реставрация некоторых экспонатов и их профилактика (заказ на сторону)	200	264
Ремонт испорченной тары	50	54
Текущая работа по уходу за фондом (часы)		ИТР –174, Рабочие – 1475
Дежурство по хранилищу исторического отдела и НИО (часы)		ИТР – 11, Рабочие – 6137

Мероприятия	План	Выполнение
Заказы на сторону		
Учет температуры и влажности (месяцы)	12	10
Изготовление ящиков для упаковки знамен	260	127
Изготовление ящиков для упаковки разного имущества	150	37
Изготовление переплетов для газетного фонда, изготовление альбомов	80	102

Проводились также учет имущества (инвентаризация вновь поступившего и незаинвентаризированного), составление списков недостающего и излишествующего) и работа по изданию труда А. В. Висковатова «Историческое описание одежды и вооружения российских войск». В Новосибирске подготовлены и напечатаны тома с 20 по 29.

С 4 по 30 октября 1944 г. в новосибирской части музея работала комиссия ГАУ по проверке учета и наличия фондового имущества. Выводы комиссии:[85]

«1. Музейно-фондовое имущество АИМ хранится в надлежащем виде, т. е. предметы артиллерийского и стрелкового вооружения (кроме бронзовых стволов) смазаны и помещены в крытых помещениях, а стрелковое оружие и разные приборы, кроме того, упакованы в ящики. Экспонаты исторического отдела также упакованы в ящики, кроме знамен; особо ценные предметы хранятся в особой кладовой. Однако, необходимо отметить, что имущество в предоставленных помещениях размещено тесно и скученно, что затрудняет как работу, проводимую в отделах, так и эвакуацию имущества в случае стихийного бедствия.

Кроме того, несмотря на проведенную большую работу по переупаковке экспонатов, имеется еще большая потребность в ящиках для упаковки, особенно в НИО и историческом отделе.

2. Наличие имущества учетным данным в основном соответствует.

3. Учет имущества ведется в основном правильно».

В числе замечаний комиссии: литавры серебряные к Шуваловской парадной колеснице № 256/4 должны быть переданы на хранение в особый фонд как предметы особой ценности.

С начала 1945 г. в Новосибирске началась подготовка к реэвакуации музея. По штатному расписанию на 1 полугодие 1945 г. — 38 чел.[86], штат укомплектован полностью.

Регулярно проводились проверки состояния предметов[87] и архивных дел[88].

Реэвакуация требовала большой организационной работы. Была разработана подробнейшая инструкция по реэвакуации АИМ[89].

15 июня 1945 г. начальник музея Я. Ф. Куске отбыл в командировку в Москву и далее в Ленинград к месту постоянной дислокации музея[90]. Заместителем начальника музея в Новосибирске был назначен инженер-полковник П. Д. Львовский. 16 июня он вступил в должность исполняющего обязанности заместителя музея в Новосибирске[91] и руководил всеми работами по реэвакуации.

День начала реэвакуации первого эшелона — 4 августа 1945 г.[92] Первый эшелон в составе артиллерийского и стрелкового отделов и общего отделения, а также семей личного состава этих подразделений был отправлен 31 августа[93], через 28 дней от начала реэвакуации. Начальник первого эшелона полковник В. М. Чернов, заместитель инженер-полковник А. Н. Карпов[94]. Параллельно с первым эшелоном с 15 августа готовили второй эшелон[95]. В составе второго эшелона научно-исследовательский отдел, исторический отдел, отдел МТО и семьи личного состава этих отделов. Начальник второго эшелона П. Д. Львовский, заместитель майор Д. Я. Козлов[96]. Второй эшелон отправлен из Новосибирска 14 сентября 1945 г.[97].

Дату прибытия начальника музея Я. Ф. Куске в Ленинград пока не удалось установить. 25 июля он из Москвы прибыл в Германию на помощь полковнику АТС Н. Т. Сорокину, командированному туда 15 мая для сбора трофеев. 30 июля Я. Ф. Куске еще был в Германии[98]. 11 сентября 1945 г. в Ленинграде Я. Ф. Куске подписан приказ № 1[99]: «Первый эшелон музея полагать прибывшим из гор. Новосибирска 11 сентября 1945 г. В связи с этим Ленинградскую команду музея считать расформированной и Музей дислоцированным в г. Ленинграде».

Второй эшелон прибыл в Ленинград 28 сентября 1945 г.[100] В его составе 19 чел. вольнонаемных сотрудников, многие из них до войны проживали в Ленинграде, это было основанием

Ил. 11. Переходящее Красное знамя музея .1938 г.

для получения разрешения на переезд. Их зачислили в штат[101]. В штатном расписании, введенном с 15 сентября 1945 г.[102], было 106 должностей. В оружейном, артиллерийском и историческом отделах были должности ученого хранителя фондов, хранителей фондов, картотетчиков, старшего рабочего, рабочих; в историческом отделе — должность художника-реставратора. В НИО 15 чел., в том числе реставратор архивных фондов. В составе МТО 52 чел. Реставрационная мастерская как отдельное подразделение не выделена, но в списке должностей МТО: начальник мастерской, оружейный мастер, орудийный мастер, столяр-бригадир, 3 столяра, 2 плотника, слесарь. Штат на 15 сентября 1945 г. был укомплектован наполовину. В 1945 г. вернулись на работу в музей плотник И. И. Пономарев, столяр-бригадир Н. И. Кесовкин, реставратор архива Е. М. Порывкина[103], которая проработала в музее до выхода на пенсию в 1957 г. 14 лет!

Основная работа в музее в это время — прием и размещение реэвакуированных фондов. За четкую, отличную работу по погрузке и разгрузке эшелонов, размещению в фондах офицеры и сотрудники получили благодарности и денежные премии[104].

В соответствии с положением о порядке вручения медали «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» были награждены 14 офицеров и два гвардии красноармейца[105]. В 1946 г. 40 человек вольнонаемного состава музея также получили эту награду[106].

Приказом № 32 от 24 ноября 1945 г.[107] в музее была возобновлена традиция вручения переходящего Красного знамени (ил. 11) ежеквартально отделу, достигшему лучших результатов в выполнении плана, в социалистическом соревновании и в общественно-политической работе. Такая награда отделу-победителю существовала с 1938 г.[108], например, по итогам 1940 г. переходящее Красное знамя вручено архиву[109].

Благодаря самоотверженному труду сотрудников музея в Ленинграде и Новосибирске были сохранены и умножены фонды. Но часть предметов получила повреждения. Согласно ведомости о повреждениях артсистем, составленной на основании акта от 10 февраля 1943 г., было повреждено 10 артсистем: стволы скинуты с лафетов, сломаны спицы у колес, повреждены колеса, и т. п.[110]. В документе за подписью начальника отдела подполковника В. М. Чернова от 5 ноября 1943 г. оценен ущерб, нанесенный имуществу АИМ в результате войны и эвакуации[111]. В разделе «Реставрация пострадавших при эвакуации экспонатов» перечислены 50 артсистем, 40 моделей, 100 приборов. Стоимость необходимой реставрации оценена в 160 000 р. Эту работу предстояло выполнить в будущем.

Коллектив музея приступил к решению первоочередных задач послевоенного времени: приведение всех фондов в надлежащий порядок, открытие экспозиции для посетителей.

---

[1] АВИМАИВиВС. Ф 3Р. Оп. 73. Д. 34. Л. 124–165.
[2] Кобякова В. И. Реставрация знамен в Артиллерийском историческом музее // Сохранность культурного наследия: наука и практика. Вып. 10. 2014. С. 108–112.
[3] АВИМАИВиВС. Ф 3Р. Оп. 1. Д. 22. Л. 30, 47, 58, 66.
[4] Там же. Л. 59 об.
[5] Там же. Оп. 2. Д. 357. Л. 11.
[6] Там же. Оп. 1. Д. 50. Л. 43–44.
[7] Там же. Л. 30–30 об.
[8] Там же. Оп. 2. Д. 7. Л. 5.
[9] Там же. Оп. 1. Д. 50. Л. 195.
[10] Там же. Оп. 9. Д. 23. Л. 109; Оп. 1. Д. 25. Л. 40.
[11] Там же. Оп. 11. Д. 25. Л. 2–3.

[12] Там же. Д. 26. Л. 52.
[13] Там же. Л. 56, 56 об.
[14] Там же. Л. 29, 29 об.; Оп. 9. Д. 23. Л. 103–104.
[15] Там же. Оп. 9. Д. 23. Л. 22–23 об., 59, 59 об.
[16] Там же. Д. 23. Л. 60.
[17] Там же. Оп. 11. Д. 26. Л. 15.
[18] Справочно-информационный архив фонда фотонегативов № 2869а.
[19] Там же. № 560а.
[20] Там же. № 2830а.
[21] Там же. № 5180.
[22] Там же. № 2815а.
[23] Там же. № 5355.
[24] АВИМАИВиВС. Ф. 3Р. Оп. 2. Д. 357. Л. 31–33.
[25] Там же. Оп. 13. Д. 650, 1448, 645, 664, 433, 495, 859, 984, 852, 756, 104, 349, 228, 461, 535, 675, 909, 681, 1149, 794, 1085, 1173, 911, 1459; Оп. 13/1. Д. 66.
[26] Маковская Л. К. Артиллерийский исторический музей в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // Бомбардир. 2004. № 16. С. 84–93.
[27] Новиченко С. Л. Артиллерийский исторический музей и ленинградская команда в годы войны // Сборник исследований и материалов Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Выпуск 10. СПб.: ВИМАИВиВС, 2015. С. 153–163; Основные направления в изучении деятельности АИМ РККА во время ВОВ // Битва за Ленинград: подвиг города-героя в ВОВ. СПб.: ООО «Нестор-история», 2019. С. 229–238.
[28] Ильина Т. Н. Каталог выставки «Фронтовики, наденьте ордена». СПб.: ВИМАИВиВС, 2010. С. 4–9.
[29] АВИМАИВиВС. Ф 3Р. Оп. 2. Д. 358. Л. 1–116.
[30] Там же. Л. 6, 7, 10.
[31] Там же. Л. 9.
[32] Там же. Оп. 1. Д. 65. Л. 22.
[33] Новиченко С. Л. Артиллерийский исторический музей и ленинградская команда в годы войны. С. 153–163.
[34] АВИМАИВиВС. Ф. 3Р. Оп. 1. Д. 65. Л. 8.
[35] Там же. Л. 99–102.
[36] Там же. Л. 47, 48.
[37] Там же. Д. 64. Л.21.
[38] Там же. Оп. 2. Д. 358. Л. 96.
[39] Там же. Оп. 1. Д. 65. Л. 77.
[40] Там же. Оп. 9. Д. 71. Л. 2–13.
[41] Там же. Оп. 7. Д. 11. Л. 20–29 об.
[42] Там же. Л. 5–18.
[43] Там же. Оп. 1. Д. 65. Л. 49–50.
[44] Там же. Л. 99–102.
[45] Там же. Л. 14.
[46] Там же. Л. 76.
[47] Там же. Л. 77.
[48] Маковская Л. К. Артиллерийский исторический музей в годы Великой Отечественной войны... С. 84–93.
[49] АВИМАИВиВС. Ф. 3Р. Оп. 1. Д. 65. Л. 121, 122.

[50] Там же. Оп. 11. Д. 36. Л. 26.
[51] Там же. Оп. 1. Д. 70. Л. 13.
[52] Там же. Д. 71. Л. 15–15 об.
[53] Там же. Оп. 11. Д. 36. Л. 113.
[54] Там же. Д. 36. Л. 188.
[55] Там же. Оп. 13. Д. 657.
[56] Там же. Оп. 1. Д. 77. Л. 11, 15.
[57] Там же. Л. 14.
[58] Там же. Л. 9.
[59] Там же. Л. 8.; Оп. 11. Д. 46. Л. 8.
[60] ЦАМО. Инв. № 628157. Личное дело майора интендантской службы Воробьева Петра Ивановича.
[61] АВИМАИВиВС. Ф 3Р. Оп. 1. Д. 85. Л. 6.
[62] Там же. Оп. 11. Д. 46. Л. 49.
[63] Там же. Оп. 1. Д. 88. Л. 1–1 об.
[64] Маковская Л. К. Артиллерийский исторический музей в годы Великой Отечественной войны...
[65] АВИМАИВиВС. Ф 3Р. Оп. 11. Д. 46. Л. 208.
[66] Там же. Оп. 1. Д. 90. Л. 3.
[67] Там же. Оп. 11. Д. 34. Л. 174, 185, 228, 290, 294; Д. 36. Л. 26, 60, 81, 113, 117, 127, 188, 210, 250, 291, 322, 384; Д.40. Л. 64, 132. 170, 205, 225, 255, 279, 304, 377, 391; Д. 45. Л. 148, 235, 299, 320, 356, 388; Д. 51. Л. 58, 114, 177, 221; Д. 55. Л. 427, 428.
[68] Там же. Оп. 1. Д. 85. Л. 10, 23.
[69] Там же. Д. 65. Л. 23.
[70] Маковская Л. К. Артиллерийский исторический музей в годы Великой отечественной войны...
[71] АВИМАИВиВС. Ф 3Р. Оп. 1. Д. 64. Л. 21.
[72] Там же. Оп. 7. Д. 11. Л. 49.
[73] Там же. Оп. 1. Д. 70. Л. 21–21 об.
[74] Там же. Оп. 74. Д. 48.
[75] Там же. Оп. 1. Д. 70. Л. 17–18.
[76] Там же. Л. 40–40 об.
[77] Там же. Оп. 11. Д. 46. Л. 29, 68; Д. 43. Л. 280.
[78] Там же. Оп. 1. Д. 70. Л. 58.
[79] Там же. Л. 58–60 об.
[80] Там же. Оп. 1. Д. 74. Л. 2.
[81] Там же. Оп. 11. Д. 42. Л. 9.
[82] Там же. Д. 43. Л. 260.
[83] Там же. Оп. 1. Д. 74. Л. 54–54 об.
[84] Там же. Оп. 11. Д. 46. Л. 134.
[85] Там же. Оп. 9. Д. 71. Л. 2–13.
[86] Там же. Оп. 1. Д. 89. Л. 15–17 об.
[87] Там же. Л. 28–29.
[88] Там же. Л. 31 об.–32.
[89] Там же. Оп. 3. Д. 11. Л. 100–103.
[90] Там же. Оп. 1. Д. 92. Л. 44.
[91] Там же. Д. 92. Л. 45.
[92] Там же. Оп. 1. Д. 89. Л. 44.

[93] Там же. Л. 49.
[94] Там же. Л. 40 об.–41.
[95] Там же. Л. 45.
[96] Там же. Д. 89. Л. 41.
[97] Там же. Л. 61.
[98] Ефимов С. В. Трофейная команда АИМ в Германии (1945–1946) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Второй Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 12–14 мая 2010 г. В двух частях. СПб.: ВИМАИВиВС. Ч. 1. С. 249–276.
[99] АВИМАИВиВС. Ф 3Р. Оп. 1. Д. 89. Л. 62.
[100] Там же. Л. 77.
[101] Там же. Л. 63– 64.
[102] Там же. Л. 65–68.
[103] Там же. Оп. 13. Д. 790
[104] Там же. Оп. 1. Д. 89. Л. 81, 86, 88.
[105] Там же. Л. 89, 92.
[106] Там же. Д. 97. Л. 55, 69.
[107] Там же. Д. 92. Л. 102.
[108] Там же. Оп. 2. Д. 402. Л. 27.
[109] Рудакова Л. П. История формирования документальных коллекций АИМ в советсткий период ((1919–1940) // Сохранность культурного наследия: наука и практика. Вып. 16. СПб.: ВИМАИВиВС, 2023. С. 162.
[110] АВИМАИВиВС. Ф 3Р. Оп. 3. Д. 11. Л. 60.
[111] Там же. Л. 70–71.

В. А. Румянцева (Санкт-Петербург)

РЕСТАВРАЦИЯ ЧЕРТЕЖА «ПЛАН СЕСТРОРЕЦКОГО ОРУЖЕЙНОГО ЗАВОДА» ИЗ НАУЧНОГО АРХИВА ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ АРТИЛЛЕРИИ, ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК И ВОЙСК СВЯЗИ

МУЗЕЙНЫЕ ЭКСПОНАТЫ, выполненные на бумажной основе и пострадавшие от воздействия влаги, а впоследствии — плесени, можно встретить в коллекциях многих музеев нашего города. Этому способствовали невозможность обеспечить надлежащие условия хранения во время войн, нахождение предметов в эвакуации и последующее тяжелое материальное положение. Бумажная основа является благоприятной средой для плесневых грибов, реставраторы часто сталкиваются с проблемами, связанными с их воздействием на бумагу. На примере реставрации чертежа из коллекции научного архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи будет рассмотрен возможный подход к реставрации произведений графики, поврежденных микроорганизмами.

В 2024 г. в реставрацию поступил чертеж «План Сестрорецкого оружейного завода» — инв. № Ф6. Оп. 8/1. Д 24. Л 287, место и время создания — Российская империя, 1890-е гг. Размер чертежа — 31х84 см. Чертеж находился в сложенном виде внутри дела № 24, начатого в 1900 г. В фонде 6 «Главное артиллерийское управление», в описи 8/1 (7-е отделение, 1 стол. 1891–1917 гг.) содержится дело «Оружейно-Патронного отделения 1 стол с разной перепиской». В деле на 326 листах — делопроизводственная документация: переписка артиллерийского департамента с различными учреждениями, рапорты, докладные записки, чертежи[1]. Судя по сохранности, можно предположить, что изначально

хранившееся в архиве Главного артиллерийского управления (ГАУ) дело находилось в ненадлежащих условиях хранения. В 1917–1919 гг. архив ГАУ был в эвакуации в Ярославле, где предметы неоднократно страдали от подтопления: баржа с предметами попала под артобстрел, а позже была повреждена льдом. После прибытия в Петроград документы были помещены в сарай № 8 на территории Кронверка, где сильно пострадали от грандиозного наводнения в 1924 г., вода залила 520 ящиков с архивом ГАУ.

Ил. 1. Чертеж до реставрации в сложенном виде

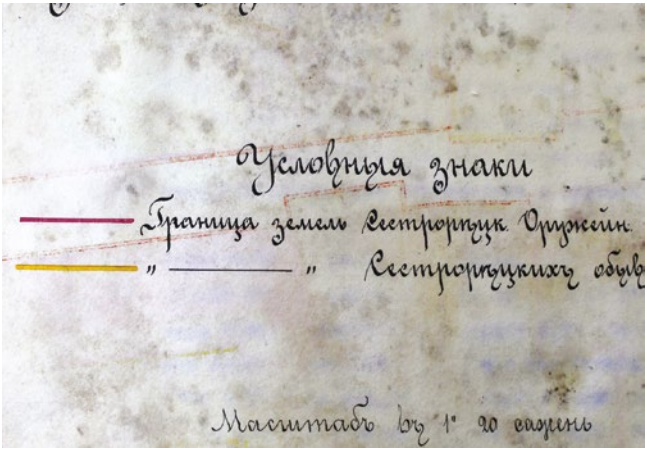
С 1941 по 1944 г. была эвакуация в Новосибирск, где музейные предметы хранились в неутепленных бараках военного склада № 727 до размещения в более подходящих помещениях[2].

На чертеже изображена схема местности, цветной акварелью выделено расположение зданий, полотно железной дороги, водоемы. Отмечены границы земель Сестрорецкого оружейного завода и земель сестрорецких обывателей. В левой части чертежа выведена надпись тушью: «План части селения Сестрорецка с показанием предполагаемого обмена обывательских огородов на соответствующее количество земли, принадлежащей Сестрорецкому оружейному заводу» (ил. 1–3).

Основа чертежа — плотная бумага кремового оттенка с текстом тушью и цветным изображением. При поступлении в реставрацию экспонат был сильно запылен, загрязнен, покрыт многочисленными пятнами и затеками. Из-за нахождения чертежа во влажной среде в сложенном виде пигмент изображения мигрировал

Ил. 2. Общий вид до реставрации, лицевая сторона

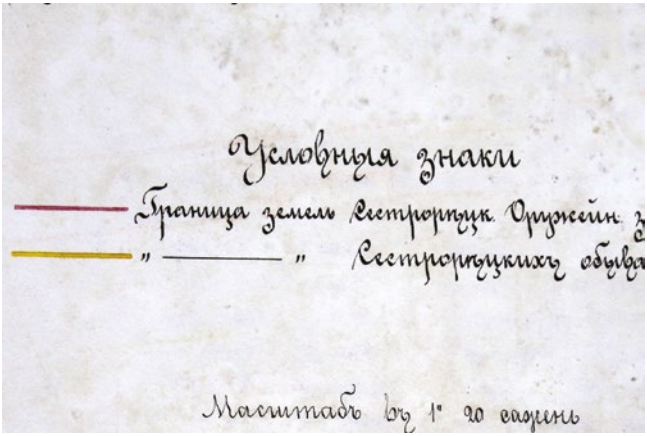
Ил. 3. Общий вид до реставрации, оборотная сторона



Ил. 4. Фрагмент № 1 до реставрации

на соседние места, также были заметны следы от строк машинописного текста фиолетового цвета, отпечатавшиеся с листов 286 и 288 (ил. 4, 5).

Чертеж поступил в реставрацию в сложенном в несколько раз виде, из-за чего его поверхность имела выраженную деформацию. От сложения образовались три вертикальных жестких залома и небольшие разрывы по ним. Наибольшие опасения



Ил. 5. Фрагмент № 1 после реставрации

вызывали сильно выраженные следы плесени, которые покрывали большую часть поверхности лицевой и оборотной сторон. Эти следы не только искажали визуальный вид памятника, но и вызвали в этих местах деструкцию основы. Стоит остановиться на изменениях, которые происходят с экспонатами, поврежденными микроскопическими грибами. Проклейка бумаги является хорошей питательной средой для них. Грибы разрушают целлюлозу с помощью выделяемых ферментов, это приводит к ухудшению механических свойств бумаги, поврежденные места становятся рыхлыми, вплоть до выпадения частей листа. Плесень также приводит к изменению цвета в пораженных местах из-за образования пигментных пятен различного цвета, такие пятна очень трудно удаляются[3].

Для формирования подхода и выбора оптимальной методики реставрации были проведены следующие исследования:

- водостойкости красок; проба производилась увлажненным в дистиллированной воде и туго отжатым микротампоном на всех цветах изображения. Желтый, синий и черный пигменты оказались устойчивы к увлажнению, малиновый и красный пигменты слегка окрашивали тампон;

- устойчивости красок к химической обработке: малиновый пигмент неустойчив, обесцвечивается от хлорамина Б;

- определение состава бумаги по волокну с реактивом Херцберга (раствор хлор-цинк-йода): определено хлопковое волокно;

- исследование пятен под USB-микроскопом: серые пятна являются колониями плесневых грибов;

- определение жизнеспособности плесневых грибов. Пробы отбирались методом отпечатка на стерильную фильтровальную бумагу. Культивирование отобранных проб в чашках Петри на голодной среде Чапека-Докса показало присутствие незначительного количества жизнеспособных колоний микофлоры. Рекомендована обработка дезинфицирующим составом. Исследование провела В. И. Кобякова.

По результатам исследования выявлена низкая активность жизнеспособной микофлоры, однако было решено не проводить дополнительную дезинфекцию, так как по плану реставрации для возвращения экспонату экспозиционного вида предполагалось провести химическую обработку поверхности хлорамином Б, а эта обработка полностью уничтожает плесень[4]. В составе бумаги не обнаружена древесная масса, что позволяло без опасений

использовать отбеливание хлорамином Б. Однако из-за неустойчивости малинового и красного пигментов изображения водную и химическую обработки можно было проводить с оборота, а с лицевой стороны — только точечно.

Ил. 6. В процессе реставрации, локальная химическая обработка

С учетом результатов исследований был проведен комплекс реставрационных мероприятий. Первым этапом реставрации стала обработка поверхности сухим ватным тампоном для удаления поверхностного плесневого налета, далее было проведено ослабление поверхностных загрязнений, поверхность обрабатывалась мягкой стирательной резинкой в обход изображения. Работа велась с осторожностью, так как в местах, поврежденных плесенью, бумага значительно потеряла свои механические свойства. Промывка чертежа от водорастворимых загрязнений и продуктов деструкции бумаги выполнялась на фильтровальной бумаге, лицевая сторона обрабатывалась влажным ватным тампоном в обход изображения несколько раз (ил. 6).

Химическая обработка была выполнена 2,5%-ными водными растворами хлорамина Б и уксусной кислоты. Чертеж был обработан с оборота, удаление химикатов производилось так же, как и промывка, на подушке из фильтровальной бумаги, с многократной заменой бумаги на чистую. В результате этого основа посветлела, однако точечные следы плесени все еще оставались хорошо заметны. Эти пятна несколько раз дополнительно обрабатывались 5%-ными растворами хлорамина Б и уксусной кислоты. После каждой химической обработки пятен производилась

локальная промывка обработанных мест, чтобы удалить остатки химикатов. В результате удалось существенно ослабить интенсивность пятен и осветлить бумагу. Изломы и разрывы основы были укреплены полосами японской бумаги Koza 8 г/м^2 на 2%-ный раствор клея из пшеничного крахмала. Чтобы увеличить прочность бумаги, с оборота поверхность была пропитана слабым раствором метилцеллюлозы. Чертеж был слегка увлажнен из пульверизатора и выровнен в механическом прессе между слоев сукна, позже замененных на слои фильтровальной бумаги. Изготовлена папка из бескислотного картона для дальнейшего хранения.

В результате реставрации чертеж был приведен в экспозиционное состояние. Основа выровнена; удалены поверхностные загрязнения; затеки, заломы и разрывы укреплены. Следы плесени, несмотря на использование доступных средств, были удалены не полностью, остались заметны на оборотной стороне. Задачи удалить их без следа не было, это было бы достижимо только

Ил. 7. Фрагмент № 2 до реставрации

Ил. 8. Фрагмент № 2 после реставрации

Ил. 9. Общий вид после реставрации, лицевая сторона

Ил. 10. Общий вид после реставрации, оборотная сторона

с использованием сильных отбеливателей в высоких концентрациях, что могло бы навредить структуре бумаги.

Дальнейшее хранение экспоната рекомендуется в папке из бескислотного картона с соблюдением стабильного температурного режима (от 17 °С до 19 °С) и относительной влажности воздуха 45–55 %[5] (ил. 7–10).

---

[1] Проведена консультация с сотрудниками научного архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.

[2] Рудакова Л. П. История формирования документальных коллекций Артиллерийского исторического музея в советский период (1919–1940) // Сохранность культурного наследия: наука и практика. Вып. 16. СПб.: ВИМАИВиВС, 2023. С. 145–162.

[3] Консервация и реставрация книг: методические рекомендации [учебное пособие]. Сост. В. И. Стеблевский, Н. К. Николаева. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Библиотека иностранной литературы, Полимедиа, 2021. С. 19–20.

[4] Темерина О. С. Основы реставрации произведений графики. М.: Август Борг, 2023. С. 103.

[5] Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 23.07.2020 № 827 «Об утверждении Единых правил организации комплектования, учета, хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций».

В. И. Стародубцева (Санкт-Петербург)

КЛАССИФИКАЦИЯ ПОВРЕЖДЕНИЙ И ОПЫТ ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕСТАВРАЦИИ ДЕНЕЖНЫХ ЗНАКОВ ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

ДЕНЬГИ — это активный участник экономической жизни, но у каждого денежного знака своя история. Коллекции денежных знаков украшают как частные, так и музейные собрания. Первые печатные денежные знаки появились в XI веке в Китае, предположительно, в этот же момент возникло их коллекционирование. Первые российские бумажные денежные знаки были выпущены в 1769 г., для финансирования войны с Турцией. Однако в Российской империи бумажные денежные знаки имели большой номинал — от 25 до 500 рублей, что делало процесс их коллекционирования редкостью. Только когда в период Первой мировой и Гражданской войн действительная стоимость бумажных денег резко упала, их начали собирать и коллекционировать[1]. Создание и изучение систематических коллекций в нашем современном понимании началось с 1940-х гг. Изучением бумажных денежных знаков, вышедших из обращения, занимается бонистика, вспомогательная историческая дисциплина. Анализ визуального ряда, символики, цветовой палитры, материалов, размера бумажных денег, как правило, отражает экономическое и политическое положение общества. Интерес к этой области с годами рос, уже в 1970-е годы бонистика была признана самостоятельной ветвью коллекционирования.

Стоит отметить, что первой реликвией, сохраненной для будущего музея Революции, была пятисотрублевая ассигнация образца 1907 г., пролежавшая в земле в небольшой бутылочке

около двадцати лет. Получена купюра была в ходе знаменитой Тифлисской операции 13 июля 1907 г. участниками законспирированной организации Боевая техническая группа (БТГ) при ЦК РСДРП, возглавляемой Леонидом Борисовичем Красиным. В результате дерзкого налета под руководством Симона Аршаковича Тер-Петросяна (Камо) на экипаж, перевозивший деньги в Тифлисское отделение Государственного банка, было захвачено 250 тысяч рублей. Однако использовать украденные деньги оказалось невозможным, поскольку номера их были сообщены другим российским банкам и опубликованы в газетах[2]. Л. Б. Красин поручил молодой художнице А. Л. Шмидт подделать номера купюр. В самом начале работы одна из банкнот была испорчена: первая цифра получилась меньше, чем остальные. Узнав о случившемся, Л. Б. Красин предложил сохранить эту банкноту для будущего музея Революции (созданного в Петрограде в 1919 г.).

На сегодняшний день в фондах Государственного музея политической истории России (ГМПИР) (бывшего музея Революции) хранится более пяти тысяч предметов бонистики. Особый интерес представляет коллекция денежных знаков, созданных в период Гражданской войны (1917–1922 гг.). Чем примечателен этот период — единое рублевое пространство было разрушено, центральная власть не была в состоянии обеспечить финансами регионы огромной страны. В результате появились многочисленные эмиссионные центры, учреждения, которые выпускали в обращение ценные бумаги. По оценкам специалистов, с 1917 г. до начала 1920-х в обращении находилось от 5 до 20 тысяч разновидностей бумажных денежных знаков[3].

Материалы для изготовления денежных знаков утратили единый стандарт. В целом в рассматриваемый период качество бумажных денег падает. Для печати использовалась более дешевая бумага, зачастую не снабженная водяными знаками, менее плотная и неизносостойкая.

В музейной коллекции хранятся банкноты в разном состоянии сохранности. Присутствуют купюры, которые активно использовали, ими расплачивались, носили с собой, для удобства складывая пополам или в несколько раз. Другие бережно хранили про запас, пока они не вышли из обращения. Вследствие политических событий некоторые денежные выпуски существовали очень короткое время, банкноты могли остаться в идеальном состоянии,

так как не использовались, а могли быть изъяты и уничтожены. Сотрудники музея, собирая свою коллекцию, ориентировались скорее на редкость денежного знака, нежели на превосходную сохранность.

Денежные знаки попадают в реставрационную мастерскую в ходе подбора материала для выставки и в ходе плановой работы по обеспечению сохранности фондов. Методики, которые мы применяем в работе по реставрации бумажных денежных знаков, — те же, что используются в реставрации документов и произведений графики. Можно классифицировать основные виды повреждений денежных знаков.

Механические повреждения возникают в результате механического воздействия на предмет — деформация бумажной основы, сгибы в результате предшествовавших сложений, изломы, разрывы, проколы, прорывы, срывы фактуры, утраты фрагментов, обветшание бумажной основы.

Химические повреждения, возникшие в результате химической реакции, — пятна (жировые, клеевые, от пальцев, от ржавчины), затеки, следы воздействия высоких температур, обгоревшие участки.

Биологические повреждения возникают под действием ферментов и продуктов жизнедеятельности организмов — засиды, экскременты насекомых, повреждения микроскопическими грибами (плесень).

Ниже мы рассмотрим примеры повреждений всех видов на денежных знаках из коллекции ГМПИР и методики их реставрации. Следует отметить, что одновременно на предмете могут присутствовать все перечисленные виды повреждений. Для более четкого понимания вопроса будет дана историческая справка о рассматриваемых денежных знаках и приведено описание сохранности.

Начнем обзор с механических повреждений банкнот. Самый распространенный их вид — деформация, ярким примером является государственный денежный знак достоинством 500 рублей выпуска 1922 г. РСФСР (ил. 1).

Создание денежного знака приходится на завершение Гражданской войны. Начинает формироваться единое для страны экономическое пространство. В ходе подготовки к денежной реформе были проведены две деноминации государственных денежных знаков. В результате первой новый рубль образца 1922 г.

Ил. 1. Государственный денежный знак достоинством в 500 рублей. РСФСР. 1922 г.

приравнивался к 10 000 рублей всех ранее выпущенных денежных знаков[4]. Купюры графически были исполнены более тщательно, чем выпуски военных лет. Благодаря визуальной схожести с предыдущими советскими выпусками, к ним перешло народное название «совзнаки». В результате деноминации[5] огромная бумажно-денежная масса была изъята из обращения, заменена едиными государственными денежными знаками, обеспеченными «всем достоянием Республики», как на них указывалось. Однако и эти

банкноты довольно быстро вышли из обращения. Спустя два года, в октябре 1923 г., начался обмен денег на купюры нового образца.

Государственный денежный знак достоинством 500 рублей выполнен из бумаги средней плотности, водяные знаки в виде малых шестилучевых звезд по всему полю, печать многоцветная. Банкнота, поступившая в реставрацию, была сильно загрязнена, бумага измята, потерта. Грязь проникла в структуру волокон бумаги. Края купюры значительно деформированы, имеют многочисленные мелкие разрывы и утраты. В процессе бытования купюра была сложена в четыре раза, вследствие чего образовались жесткие заломы и потертости вдоль линии сгиба. В левой части разрыв размером 1 см, его края смяты и завернуты на оборотную сторону. На углах — многочисленные заломы.

Еще одним характерным повреждением денежных знаков являются разрывы. Формат банкнот в рассматриваемый период мог достигать больших размеров, что не позволяло держать их в развернутом виде, их складывали пополам, иногда в четыре–шесть раз. В результате истирания по линиям сгибов появляются разрывы. Купюра может утратить свою целостность, быть разделена на две или более частей. Данные повреждения мы рассмотрим на примере Областного кредитного билета Урала чрезвычайного выпуска, г. Екатеринбург, достоинством 5 рублей, 1918 г. (ил. 2).

Как известно, в Екатеринбурге Советская власть была установлена в октябре 1917 г. Председателем Комитета Советов Урала был избран А. Г. Белобородов. Как и повсюду, на Урале ощущался острый недостаток денежных знаков. Наркомфин разрешил Уральскому областному совету выпуск бонн, имеющих хождение в пределах четырех губерний — Пермской, Вятской, Оренбургской, Уфимской. Весной 1918 г. был разработан проект выпуска кредитных билетов достоинством 1 рубль, 5 рублей и 100 рублей (выпуск 100-рублевой купюры остался только в виде проекта). Среди коллекционеров кредитные билеты получили название «расстрельные рубли», так как на лицевой стороне билетов была помещена подпись председателя Областного Комитета Советов Урала А. Белобородова, который в июле 1918 г. подписал решение о расстреле царской семьи[6].

Кредитный билет Урала чрезвычайного выпуска, г. Екатеринбург, достоинством 5 рублей напечатан на плотной бумаге,

Ил. 2. Областной кредитный билет Урала чрезвычайного выпуска достоинством 5 рублей. Екатеринбург, 1918 г.

изображение размещено вертикально, печать в два цвета в синеголубых тонах. Купюра была сложена в несколько раз, наблюдаются потертости и загрязнения бумаги вдоль линий сгибов. Банкнота разорвана пополам, целостность предмета утрачена.

Далее обратимся к истории денежного обращения в Сибири и на Дальнем Востоке. В октябре 1918 г. в Омск прибыл адмирал А. В. Колчак. В ноябре в результате переворота он принял титул Верховного правителя Российского государства и звание Верховного главнокомандующего. Занятие Казани белогвардейскими войсками позволило Омскому правительству получить доступ к значительной части золотого запаса России на сумму 664 млн золотых рублей[7]. А. В. Колчак начал использовать золотой фонд для получения займов и поддержки правительств А. И. Деникина, Н. Н. Юденича и др. Встал вопрос о создании твердого интернационального рубля, однако реализация этого проекта ставила бы в зависимость финансовую политику в регионе от

Ил. 3. Краткосрочное обязательство Государственного казначейства достоинством 250 рублей. Омск, 1919 г.

иностранных капиталов. К концу 1918 г. был разработан проект выпуска денежных знаков высокого достоинства в виде краткосрочных обязательств и мелких казначейских знаков (ил. 3).

Рассмотрим Краткосрочное обязательство Государственного казначейства 250 рублей образца 1919 г. Печать черная одноцветная, выполнена на розовой бумаге средней плотности без водяных знаков. Печать только с лицевой стороны.

Банкнота загрязнена — в правой части бурое пятно, деформирована, имеет значительные утраты. Левый край был загнут и имел множественные следы от проколов металлических скоб (степлер). По линии сгиба разрыв до ¼ высоты банкноты. Обширные утраты бумажной основы по правому краю, в верхней и нижней части купюры.

Отдельно хочется выделить проблему монтажа банкнот на выставках. Практика изготовления монтажных лапок, а также крепление с их помощью предметов к планшетам для экспонирования ранее активно применялась в музеях. В результате в коллекции

Ил. 4. Облигация Государственного внутреннего 4½%-ного выигрышного займа 1917 г. пятого разряда. 1917 г.

были обнаружены банкноты, имеющие срывы бумаги, пятна клея и остатки бумажного крепления. Ярким примером является облигация Государственного внутреннего 4½%-ного выигрышного займа 1917 г. пятого разряда (ил. 4).

Облигации займа стали одной из составляющих денежного обращения в Сибири и на Дальнем Востоке. В конце 1917 г. Временным правительством был подписан контракт с расположенной в Нью-Йорке частной компанией American Bank Note Company на изготовление облигаций нескольких займов. Всего было заказано 10 млн штук облигаций. Каждая была достоинством 200 рублей и называлась «Билетом займа»[8]. Весь массив делился на пять серий — разрядов, по 2 млн штук в каждой. К весне 1918 г. облигации были напечатаны. На пароходах они были отправлены во

Владивосток, однако к адресату не попали. К началу 1919 г. правительство адмирала А. В. Колчака начало переговоры о передаче ценных бумаг в его распоряжение. И уже в сентябре облигации были переданы в иностранное отделение Кредитной канцелярии во Владивостоке. Совет министров Омского правительства принял закон о хождении билетов. Таким образом, «Билеты займа» попали в обращение наравне с кредитными билетами по нарицательной стоимости 200 рублей.

Банкнота была загрязнена, часть верхнего поля загнута на изображение, верхний правый угол заломлен на оборотную сторону. В процессе бытования банкнота долгое время хранилась сложенной в четыре раза, отчего появились заметные сгибы, вертикальный и горизонтальный. Предположительно, для демонстрации банкнота была закреплена с оборотной стороны при помощи «лапок». После демонтажа части бумаги крепежа остались приклеенными к бумажной основе купюры в шести местах по правому краю.

Еще одну особенность повреждений можно выделить в отдельную группу. Это домашний ремонт подручными средствами с использованием опасных для бумаги клеев, некачественной бумаги и скотча. Как мы видели выше, нередки случаи, когда банкнота рвется в местах сгибов. Чтобы избежать утраты части купюры, владельцы прибегают к склеиванию частей между собой, накладывая одну часть на другую, что приводит к искажению общего рисунка и утрате части надписей. Или фиксация фрагментов происходит путем укрепления разрыва широкими полосками бумаги, что также не позволяет увидеть изображение под вставкой.

Одной из таких купюр является билет государственного казначейства Главного командования Юга России достоинством 1000 рублей. К середине 1919 г. в южных регионах России назрел вопрос унификации[9] денежных знаков и широко обсуждались идеи создания единого для региона выпуска банкнот. Ареал «донского» рубля постоянно расширялся — от границ Бессарабии на западе до Туркестана на востоке, от границ Грузии на юге до Курска и Орла на севере. В первую очередь в денежном довольствии нуждались солдаты Добровольческой армии под командованием генерала А. И. Деникина (ил. 5).

В сентябре 1919 г. А. И. Деникин утвердил программу широкомасштабной эмиссии, предполагавшей выпуск 12 номиналов

Ил. 5. Билет Государственного казначейства Главного командования вооруженными силами Юга России достоинством 1000 рублей. 1919 г.

купюр. Денежные знаки отличались высоким художественным мастерством. К созданию эскизов привлекались лучшие художники Юга России: Е. Н. Шур, А. А. Юнгер, Н. Ф. Рыбин[10]. На купюре достоинством 1000 рублей были изображены Царь-колокол и георгиевская лента, что дало общее название всей

серии — «колокольчики» или «ленточки». Стоит отметить, что этот выпуск не имел никакого реального обеспечения. Хождение этих денежных знаков основывалось на доверии населения, инерции и на распоряжении властей. Однако «добровольческие» деньги были очень популярны и находились в обращении до конца Гражданской войны.

Банкнота выполнена из плотной бумаги без водяных знаков, печать многоцветная. Купюра была разорвана пополам, разрыв склеен широкой полоской микалентной бумаги с оборотной стороны. Концы полоски огибают банкноту и заходят на лицевую часть. Фрагменты в нижней части соединены внахлест, закрывая часть изображения, целостность рисунка нарушена. В процессе бытования купюра хранилась многократно сложенной, вследствие чего на ней наблюдаются множественные горизонтальные и вертикальные сгибы. Бумага деформирована, нижние углы утрачены, верхние углы имеют заломы, по краям утраты и мелкие разрывы. По линии горизонтального сгиба — разрывы длиной 1,2 см с левой стороны, 1,4 см с правой стороны. Бумага запылена по всей поверхности, по левому и верхнему краям наблюдаются бурые пятна.

На рассмотренных выше банкнотах присутствуют разнообразные механические повреждения, для их реставрации была применена следующая методика.

Первый этап — удаление поверхностных загрязнений. В процессе бытования на поверхности и в порах бумаги скапливаются пылевые загрязнения, которые при благоприятных условиях могут стать средой для микроорганизмов. В ходе реставрации бумага банкнот была очищена мягкой резиновой крошкой и ватными тампонами, особо загрязненные участки — мягкой резинкой.

Затем с банкнот, на которых присутствовал клей, взяты пробы на его водорастворимость. С неответственных участков брали соскобы клеевой пленки и помещали в каплю дистиллированной воды. Пленка размягчилась, это позволило сделать вывод: клей водорастворимый.

Следующий этап реставрации — водная очистка, она нужна, чтобы избавиться от продуктов распада и окисления бумаги, повысить ее прочность, улучшить эстетический вид предмета. Производилась в теплой воде методом погружения. Каждая банкнота находилась в кювете в течение 30 минут. В результате промывки клей и остатки монтажной бумаги на тех банкнотах, на которых

они присутствовали, растворился, наклейки легко отделились, остатки клея удалены при помощи ватного тампона. Затем выполнена двукратная промывка в дистиллированной воде в течение 10 минут каждая[11]. Далее купюры были высушены на фильтровальной бумаге.

В случае ремонта банкноты при помощи скотча можно увидеть, что изначально прозрачная клеевая пленка со временем проникает в структуру бумажной основы, интенсивно желтеет и часто проступает на оборотную сторону. Для удаления скотча можно применить препарат на основе лемонена[12]. Для трудноудаляемого скотча вырезают полоску фильтровальной бумаги в размер пятна от клейкой ленты, пропитывают аэрозолем и укладывают на пятно с оборотной стороны. Компресс держится 10–15 минут. Клеевой слой становится вязким, скотч легко удаляется. Иногда требуется наложить компресс несколько раз — для лучшего удаления клея, впитавшегося в волокна бумаги. В завершение следует промыть обработанный участок этиловым спиртом.

Утраты на банкнотах были восполнены тонированной прямыми анилиновыми красителями[13] реставрационной бумагой марки Б. Вставки для восполнения утрат «выкраивались» чуть большего размера. Края вставки утоньшались скальпелем. Края утраты и вставки промазывались пятипроцентным мучным клеем. Банкнота, разорванная на две части, была соединена при помощи полоски тонированной бумаги марки Б с использованием пятипроцентного мучного клея.

Бумажная основа денежных знаков укреплялась наслоением равнопрочной реставрационной бумаги «японская шелковка» (5 г/м^2) на оборотную сторону. Высушивание и устранение деформации производилось в механическом прессе в сукне.

Далее рассмотрим, как выглядят химические повреждения на банкнотах — в частности, обширные жировые пятна, и методику реставрации на примере денежного знака достоинством 500 рублей, выпущенного Ростовской-на-Дону конторой государственного банка (ил. 6).

Эта купюра — представитель денежного обращения Юга России. Еще осенью 1917 г. в регион прекратился приток денежных средств из Госбанка, вследствие чего возникла идея о выпуске собственных «донских» или «ростовских» денежных знаков. На съезде, созванном Донским Военным правительством, была

Ил. 6. ГК 3487416. Денежный знак достоинством 500 рублей, выпущенный Ростовской-на-Дону конторой Государственного банка. 1918 г.

организована секция по разработке вопроса о выпуске денежных знаков. Возглавил ее управляющий Ростовской конторой Государственного банка (РКГБ). Было решено изготавливать денежные знаки от имени РКГБ, которая была крупнейшим учреждением Госбанка в Северо-Кавказском регионе[14]. Уже в начале 1918 г. были выпущены денежные знаки достоинством 3, 5, 10, 100 и 250 рублей. Однако быстрый рост инфляции поставил задачу выпуска денежных знаков большего номинала. В начале января 1919 г. появились купюры 500 и 1000 рублей.

Денежный знак достоинством 500 рублей напечатан на плотной бумаге, в правой части на белом фоне меловым составом изображен двуглавый орел и лозунг «Россия единая, великая и неделимая». Меловой состав наносился на бумагу с той же целью, что и водяные знаки, — предотвратить изготовление подделок. Способ его нанесения схож со способом нанесения мелового слоя при изготовлении мелованной бумаги.

На денежном знаке наблюдались загрязнение и деформация бумажной основы, заломы, значительные утраты фрагментов по правому краю и в нижней части. Следы от прокола металлических скоб, следы ржавчины в местах проколов. В верхней правой части — обширное жировое пятно, занимающее две трети площади.

Первый этап реставрационных работ — удаление поверхностных загрязнений. Бумага была очищена резиновой крошкой и ватными тампонами. Следы ржавчины были удалены при помощи глазного скальпеля. Водная очистка производилась в теплой воде методом погружения в течение 30 минут.

Обширное жировое пятно ослаблялось пятипроцентным теплым водным раствором питьевой соды $NaHCO_3$. Банкнота была помещена на стекло на несколько слоев фильтровальной бумаги. Раствор наносился на поврежденный участок через микалентную бумагу при помощи ватного тампона, намотанного на деревянный черенок. Этот прием помогает выведению растворенного омыленного жира из волокон бумаги. По мере загрязнения фильтровальная бумага заменялась на чистую. Эффект ослабления жирового пятна достигался не сразу, а лишь при многократном повторении процесса[15].

Затем проведена промывка в дистиллированной воде в течение 20 минут. Утраты восполнялись плотной реставрационной бумагой «Гознак» (бумага для реставрации рукописей), подобранной по цвету и толщине к бумаге денежного знака. Выполнено наслоение на оборотную сторону равнопрочной реставрационной бумаги «японская шелковка». Высушивание и устранение деформации банкноты выполнены прессованием в сукне в механическом прессе.

Перейдем к биологическим повреждениям банкнот и рассмотрим методику их реставрации на примере денежных знаков полевого казначейства Северо-Западного фронта (ил. 7).

Ил. 7. Денежный знак полевого казначейства Северо-Западного фронта достоинством 25 рублей. 1919 г.

В 1919 г. антибольшевистские силы на Северо-Западе страны во главе с генералом Н. Н. Юденичем были взяты под опеку адмиралом А. В. Колчаком, который начал их финансировать. Армия и правительство испытывали острый недостаток в наличных деньгах. В адрес Н. Н. Юденича было направлено 1 млн франков и 150 тыс. фунтов стерлингов. В связи с этим Северо-Западным правительством принимается решение о разработке и эмиссии собственных новых денежных знаков.

Летом 1919 г. при содействии российского посланника в Стокгольме началась печать денежных знаков полевого казначейства. Проект курировал военный инженер, академик, полковник Н. В. Шевелев с полномочиями от генерала Юденича. Он передал

заказ на сумму 1 млрд 200 млн руб. шведской стороне в лице акционерного общества «Сверигес Литографсика Трюкернер»[16]. Полковник Н. В. Шевелев являлся автором рисунков денежных знаков, легших в основу эскизов при изготовлении клише.

О легитимности эмиссии должен был свидетельствовать как внешний вид новых денежных знаков, выполненных в стиле ампир, так и сведения о том, что после занятия Петрограда войсками генерала Юденича обмен на государственные кредитные билеты будет производиться Госбанком «рубль за рубль» без ограничения сумм всем желающим. Эта информация была помещена на обороте денежных знаков, породив одно из их названий — «петроградки». Также в обиходе деньги называли «юденьками».

В конечном счете, после неудачной попытки взятия Петрограда и отступления войск Юденича ценность знаков полевого казначейства резко упала. Основная масса денежных знаков поступила в котлы писчебумажной фабрики Иогансена в Ревеле для переварки на бумагу.

В реставрацию поступили знаки полевого казначейства достоинством 25 рублей в количестве 28 штук. В процессе бытования купюры были сложены вместе пачкой, намокли, вследствие чего бумага была поражена плесенью. Споры плесени активно развивались внутри пачки, сухой плесневый налет местами лежал на поверхности бумаги. Купюры, которые находились в середине, имели большую зону поражения и значительные утраты. Купюры, лежавшие сверху и снизу пачки, сохранились лучше, однако также имели следы биоповреждений.

Денежные знаки выполнены из плотной тряпичной бумаги. Печать производилась двумя красками: декоративное изображение и надписи выполнены черным цветом, гильошированная защитная сетка — светло-сиреневым цветом. На лицевой стороне банкнот рисунок сетки не доходит до края, образуя светлую рамку. На оборотной стороне защитный рисунок занимает всю поверхность.

После составления описания сохранности были проведены лабораторные исследования. Микробиологическое обследование памятника проведено ведущим научным сотрудником Федерального центра консервации библиотечных фондов РНБ к. т. н. Е. С. Треповой. С участков с видимыми повреждениями отбирали пробы стерильными влажными хлопковыми тампонами, затем

делали высевы на агаризованную среду Чапека-Докса в чашки Петри и инкубировали их в термостате при 28 °С в течение 7–10 суток, после чего определяли наличие жизнеспособных микроорганизмов. Результаты микробиологического анализа показали, что на поверхности обследованных банкнот присутствуют бактерии лишь в незначительном количестве. Жизнеспособных плесневых грибов не обнаружено. Специальная дезинфекционная обработка метоцидами обследованным денежным знакам не требовались.

Было проведено определение состава бумаги по волокну ГОСТ 7500-85 с использованием реактива Герцберга (раствор хлорцинк-йода). При нанесении на пробу реактива Герцбега волокна окрашивались в винно-красный цвет, из чего можно сделать вывод, что волокна текстильные. Исследования были проведены начальником научного отдела сохранности памятников культуры и истории ВИМАИВиВС И. Н. Кулешовой.

Реставрационные работы производились в соответствии с программой, утвержденной на Реставрационном совете музея. Удаление поверхностных загрязнений осуществлялось при помощи резиновой крошки и ватных тампонов на подложке из фильтровальной бумаги. Водная очистка производилась в кювете с теплой водой методом погружения в течение 20 минут.

Промытые банкноты переносились на стекло с прикатанными к нему влажными листами фильтрованной бумаги. Слегка отсушивались, затем обрабатывались 3–5% водным раствором хлорамина Б с целью устранения пигментных пятен плесени. Раствор наносился ватным тампоном, намотанным на деревянный черенок, через микалентную бумагу. По достижении положительного результата производилась промывка банкноты в теплой воде описанным выше способом. Окончательная промывка от химических реагентов проведена в проточной воде под контролем йод-крахмальной бумаги[17]. В заключение выполнена двукратная промывка в дистиллированной воде в течение 10 минут каждая. Высушивание банкноты производилось на подложке из фильтровальной бумаги.

Утраты восполнялись бумагой марки Б, тонированной прямыми анилиновыми красителями с использованием пятипроцентного мучного клея. Упрочнение бумажной основы производилось японской равнопрочной бумагой (японская шелковка) с использованием трехпроцентного мучного клея. Воссоздание

белого канта по краю, на участках с утратами на лицевой стороне банкноты производилось при помощи полосок реставрационной бумаги 19 г/м^2 немецкого производства с использованием трехпроцентного мучного клея. Прессование с целью устранения деформации бумаги производили в сукне в механическом прессе.

Было проведено повторное обследование микробиологического состояния денежных знаков после реставрации. Пробы показали отсутствие роста микроорганизмов.

Суммируя вышесказанное, можно заключить, что методики, применяемые для реставрации документов и произведений графики, могут быть применены в реставрации денежных знаков. В результате проведенных реставрационных мероприятий банкноты приобрели механическую прочность, бумага купюр стабилизирована, предметам возвращен экспозиционный вид. Большинство выставочных проектов нашего музея не обходится без экспонирования денежных знаков, исторически и тематически относящихся к тому временному периоду или событию, о котором рассказывается на выставке.

---

[1] Глейзер М. М. Бонистика в Петрограде–Ленинграде–Санкт-Петербурге // СПб.: Издательство «Александр ПРИНТ», 1998. С. 10.

[2] Калмыков А. Г. Бутылочка с 500-рублевым кредитным билетом Государственного банка Российской империи, подделанным в подпольной лаборатории Боевой технической группы при ЦК РСДРП // «Изъятию не подлежит... Хранить вечно!» 100-летие коллекции Государственного музея политической истории России. 1907–2007 // СПб.: НП-Принт, 2007. С. 104.

[3] Васюков А. И., Горшков В. В., Колесников В. И., Чистяков М. М. Бумажные денежные знаки России и СССР // СПб.: Политехника, 1993. С. 5.

[4] Там же. С. 190.

[5] Яценко Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов // Серия «Учебники для вузов. Специальная литература». СПб.: Издательство «Лань», 1999. С. 106.

[6] Парамонов О. В. Расстрельный рубль. Кредитные билеты чрезвычайного выпуска // Родина. 2001. № 11. С. 72.

[7] Ходяков М. В. Деньги революции и гражданской войны: 1917–1920 годы. 3-е изд. СПб.: Издательство СПбГУ, 2019. С. 181.

[8] Там же. С. 204.

[9] Яценко Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. С. 445.

[10] Лазарев В. А. Символика в рисунках донских денежных знаков // Коллекционеръ. 2010. № 2. С. 37.

[11] Реставрация документов на бумажных носителях // Методическое пособие М.: ВНИИДАД, 1989. С. 73.

[12] Трепова Е. С., Илюхина А. И. Применение в реставрации аэрозоля для удаления клейкой ленты // Фотография, изображение, документ. 2021. № 10. С. 78–82.
[13] ЛКРД АН СССР. Руководство по обеспечению сохранности документов. Л.: Наука, 1976. С. 85.
[14] Лазарев В. А. Символика в рисунках донских денежных знаков // Коллекционеръ. 2010. № 2. С. 34.
[15] Реставрация произведений графики: методические рекомендации. М.: ВХНРЦ им. И. Э. Грабаря, 1995. С. 44.
[16] Ходяков М. В. Деньги революции и Гражданской войны: 1917–1920 годы. С. 140.
[17] Темерина О. С. Основы реставрации произведений графики. М.: Типография «Август Богр», 2023. С. 145.

Е. Е. Фремке (Санкт-Петербург)

АТРИБУЦИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ УТРАЧЕННЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА КАРТИНЕ «ПОРТРЕТ КАПИТАНА ЛЕЙБ-ГВАРДИИ САПЕРНОГО БАТАЛЬОНА ЭНГЕЛЬГАРДТА»

В РАБОТЕ С ПРОИЗВЕДЕНИЯМИ станковой живописи реставраторы порой сталкиваются со значительной поврежденностью произведений, которая вызвана, в первую очередь, неблагоприятными и деструктивными условиями бытования картины, в частности — вне стен хранилища.

Картина «Портрет капитана лейб-гвардии Саперного батальона Энгельгардта» (инв. № 25-170), на примере которой в данной статье будет представлена работа по реконструкции утраченных элементов изображения, на определенном этапе оказалась в обстоятельствах, несовместимых с сохранением целостности произведения. Предположительно, данные обстоятельства сложились в эпоху исторического кризиса первой четверти XX века.

В 1912–1914 гг. картина находилась в музее лейб-гвардии Саперного батальона, созданном офицером Саперного батальона, историком и архивистом Г. С. Габаевым. При всеобщей мобилизации в Российской империи в 1914 г. деятельность музея была свернута. Сложно установить, что происходило с предметами из коллекции в последующие четыре года, однако в 1918 г. Г. С. Габаевым музейные предметы были обнаружены в гараже частного дома и помещены под охрану музейного отдела, а затем перемещены в здание Суворовского музея. Высока вероятность, что именно тогда, в период хаотичного перемещения и хранения в экстремальных условиях, «Портрет капитана лейб-гвардии Саперного батальона Энгельгардта» получил значительные повреждения. «Материалы о передаче военно-музейного имущества,

принадлежавшего бывшему лейб-гвардии Саперному полку, в Суворовский музей» хранятся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), в фонде Г. С. Габаева[1].

Новое место хранения собрания, Суворовский музей, входил в состав Государственного Музейного фонда Ленинградского отделения Главнауки Наркомпроса РСФСР. В 1929 г. Государственный Музейный фонд прекратил свое существование. В том же 1929 г. предметы бывшего Суворовского музея, музеев бывшего Кавалергардского полка и лейб-гвардии Саперного батальона были размещены под наименованием «Суворовский фонд» в здании Артиллерийского исторического музея (АИМ). В 1930 г. был создан Военный историко-бытовой музей РККА (ВИБМ), в состав которого вошли находившиеся к тому времени в здании Кронверка собрания нескольких военных музеев, в том числе Суворовского. Занимаемое ВИБМ помещение не позволяло открыть собственную экспозицию. Известно, что часть предметов музея экспонировалась в здании АИМ и на выставках в Ленинградском Доме Красной Армии. Наряду с этим, предметы музея выдавались во временное пользование по запросам театров, киностудий и других учреждений, вследствие чего, по имеющимся сведениям, «терялись или возвращались поврежденными». Для предотвращения окончательного разъединения этих собраний Совет Народных Комиссаров 17 мая 1937 г. постановил передать их АИМ[2].

Портрет находился на хранении в инженерно-документальном фонде Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) и поступил на реставрацию в научный отдел сохранности памятников культуры и истории в 2017 г. Сведений о проводившихся с картиной консервационных и реставрационных мероприятиях вплоть до 2017 г. не сохранилось, но по состоянию произведения в момент поступления на реставрацию можно сделать вывод, что над портретом был проведен комплекс мероприятий в полном объеме. Качество предшествовавшей реставрации, даже при быстром визуальном осмотре, можно было охарактеризовать как низкое, с большим количеством очевидных недоработок и явных погрешностей исполнителя реставрационных работ.

Авторская живопись находилась под толстым слоем локальных и сплошных поздних записей, значительно выходящих за пределы и без того крупных утрат авторского красочного слоя.

Лицевая сторона портрета до реставрации

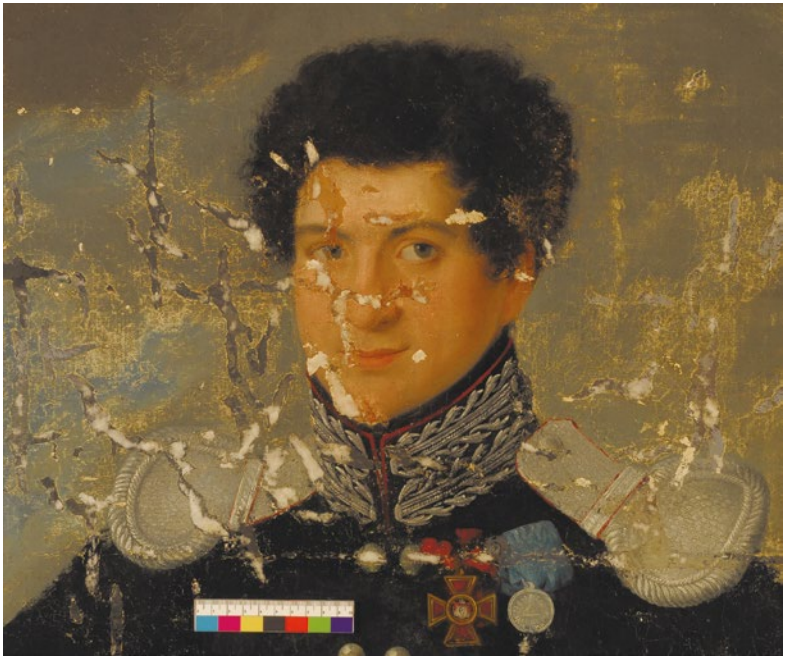
Записи перекрывали сохранившиеся фрагменты авторской живописи и искажали авторский замысел, игнорируя и меняя границы изображения элементов. На участках с крупными утратами авторской живописи имела место ошибочная «реконструкция», а именно: свободное домысливание недостающих деталей. Примером воспроизведения на полотне несуществующих элементов военной формы может служить изображение двукратно удлиненных кисточек этишкета (длинного шнура кивера) и изображение перчатки в руке офицера, переиначенное до образа смятого обрывка ткани.

В период с июля по август 2017 г. художником-реставратором Н. А. Беляковой была проведена реставрационная операция по раскрытию авторской живописи от поздних записей. После увольнения сотрудника из музея портрет, будучи в стабильном состоянии, на длительное время был помещен на гребенку.

Лицевая сторона портрета после реставрации

В октябре 2020-го картина была передана в реставрацию художнику-реставратору Е. Е. Фремке.

В тот период времени портрет, несмотря на стабильное техническое состояние, являл собой удручающее зрелище. С удалением записей для взгляда зрителя открылись все имеющиеся многочисленные повреждения живописи. Крупные, мелкие, точечные утраты и потертости красочного слоя в большом количестве присутствовали по всей поверхности произведения, полностью отсутствовали ключевые детали изображения гербовой накладки на кивер, этишкета. Крупные утраты на изображении лица, мундира, эполет, перчатки и темляка у шпаги были заполнены старыми разноцветными неровными перегрунтовками. На поверхности авторской живописи в фактурных углублениях все еще присутствовали остатки записей, создавая эффект общей загрязненности живописной поверхности. Основа живописи была



Фрагмент лицевой стороны в процессе реставрации
(изображение лица)

деформирована по сетке кракелюра и зафиксирована в невыровненном состоянии дублировочным холстом.

По составленной и утвержденной программе консервационно-реставрационных работ на картине был в первую очередь выполнен полный комплекс консервационных мероприятий: укрепление грунта и красочного слоя, раздублирование, очистка оборотной стороны холста от загрязнений и дублировочного животного клея. Затем ранее фиксированные дублировочным холстом деформации авторской основы и грунта были устранены, прорывы основы армированы, авторские кромки дублированы. В повторном дублировании произведения не было необходимости, так как авторский холст картины обладал всеми необходимыми характеристиками для того, чтобы служить основой картине без дополнительного усиления. После натяжки картины на очищенный от загрязнений авторский подрамник в места утрат был подведен реставрационный грунт, скорректированы

Фрагмент лицевой стороны после реставрации
(изображение лица)

по уровню старые разноцветные перегрунтовки. Далее в рамках художественной реставрации было выполнено удаление остаточных записей с поверхности авторской живописи и покрытие картины лаком. Следующим и наиболее сложным этапом было восполнение утрат авторского красочного слоя с элементами реконструкции.

Требования к реконструкции утрат разнятся в зависимости от поставленных перед историческим памятником задач. Одной из задач портретной живописи, в особенности военного портрета, является ознакомление наблюдателя со знаками отличия и деталями обмундирования исторических персонажей. Этой цели служит высокая детализированность отображения элементов. Крупные утраты живописи не могут ограничиваться условным восполнениям, так как это противоречило бы требованиям к экспонированию военного портрета и лишало бы зрителя части важной информации, необходимой для полного понимания

и осмысления исторического образа. В условиях, когда утрачены ключевые фрагменты изображения и в то же время отсутствует какая-либо информация о первоначальном облике произведения, возникает необходимость поиска аналогов, с помощью которых может быть выполнена реконструкция.

Фрагмент лицевой стороны в процессе реставрации (изображение руки с перчаткой и с кивером)

На подготовительном к реконструкции утраченных элементов этапе была проведена работа по атрибуции произведения. Каталожные данные памятника были неточными и противоречивыми. Название картины, датируемой XIX в., «Портрет капитана лейб-гвардии Саперного батальона Энгельгардта» являлось искажением исторической правды и служило основой для создавшегося противоречия. Ведь единственный капитан лейб-гвардии Саперного батальона Энгельгардт Н. Н. (1877–1931) получил чин капитана в 1909 г. Это также подтверждалось отсутствием внешнего сходства лиц и несоответствием изображения военной формы заявленной эпохе. Как позже было установлено, такое искажение сведений произошло ввиду неточной интерпретации надписи на этикетке подрамника. В надписи «Портр. Кап. Энгельгардт в д. Л. Гв. Саперного бат» была заключена информация о передаче картины в дар капитаном Энгельгардтом и не имелось никаких сведений об изображенном офицере.

Атрибуция формы офицера проводилась при содействии сотрудников ВИМАИВиВС: младшего научного сотрудника В. Н. Малышева; старшего научного сотрудника, кандидата

Фрагмент лицевой стороны после реставрации (изображение руки с перчаткой и с кивером)

военных наук А. Н. Кайгородцева и старшего научного сотрудника, хранителя инженерно-документального фонда В. В. Незговоровой.

Было установлено, что на портрете изображен офицер в двубортном мундире с красными выпушками на воротнике и обшлагах, пуговицами под карманными клапанами. Мундир такого кроя с особенностями воротника («глухой», на крючках) существовал с 1814 г. и был заменен на мундир лацканного типа в 1817 г.[3] Красные выпушки были характерны для мундиров артиллеристов и саперов, лейб-гвардии Саперный батальон был создан 27 декабря 1812 г. Изображенные эполеты на мундире с двумя жгутами на некруглом расширении являются эполетами обер-офицера образца 1809 г. Поле эполет серебряное, гвардейского типа.

На портрете у изображенного обер-офицера имеются две награды: крест ордена святого Владимира 4-й степени с бантом и серебряная медаль на Андреевской ленте за Отечественную войну 1812 г. образца 1813 г.

Важную роль в атрибуции играли сохранившиеся части изображения кивера, а именно — подбородный ремень, обшитый чешуями, и герб. Саперным батальонам, как и многим подразделениям пехоты и легкой кавалерии, выдавались киверы общеармейского образца, с отличиями по деталям (гербам, цвету этишкета и репейков, султанам и пр.). Киверный герб лейб-гвардии Саперного батальона образца 1812 г. несколько отличался

деталями от киверного герба гвардейского образца 1808 г. Он отличался рисунком и наличием скрещенных топоров в лапах орла. Одна из голов орла была расположена выше другой[4]. В отличие от пехоты, цвет металла на обмундировании инженерных войск (саперы, пионеры) (на гербе, погонах, пуговицах и пр.) был серебристый; офицерские репейки, этишкеты и кутасы на киверах были серебристые. С 1814 г., когда у гвардейских саперов появился свой герб, было введено положение, обязывающее гвардию иметь подбородный ремень, удерживающий кивер, с скругленными чешуями вместо плоских. Плоская чешуя на подбородном ремне появилась на киверах гвардии и гренадер в 1810 г. и просуществовала до 1817 г. Впрочем, до 1817 г. наличие круглой чешуи не являлось обязательным условием в силу большого срока службы для металлических предметов.

Основываясь на совокупности вышеуказанных датировок, было сделано заключение, что на портрете изображен обер-офицер лейб-гвардии Саперного батальона в форме 1814–1817 гг. Это позволило предложить переатрибуцию картины как: «Портрет неизвестного обер-офицера лейб-гвардии Саперного батальона, полученный в дар от капитана лейб-гвардии Саперного батальона Энгельгардта Н. Н. (1877–1931 гг.)». Таким образом, атрибуция деталей мундира и наград изображенного офицера позволила получить все необходимые сведения для разработки проекта и реконструкции крупных утрат живописи.

Наибольшую сложность для восполнения представляли собой крупные утраты на изображении накладок на кивер и этишкета. Для реконструкции деталей накладки на кивер с двуглавым орлом требовалось ее документальное изображение. В качестве образца были использованы фотографии оригинальной гербовой накладки на кивер лейб-гвардии Саперного батальона обр. 1812 г., находящиеся на постоянном хранении в инженерно-документальном фонде ВИМАИВиВС (ИДФ 30-297), и иллюстрация первого киверного герба, выполненного с натуры Н. Зарецким в 1910 г., из книги «История Лейб Гвардии Саперного батальона. Введение и часть первая. 1700–1812–1813 годы» Г. С. Габаева[5]. С их помощью была выполнена реконструкция полностью утраченных изображений — Георгия Победоносца на щите и короны над двуглавым орлом.

Образцом для реконструкции изображения этишкета саперного кивера послужили реальные этишкеты начала XIX в.

и иллюстрации В. Н. Малышева по их конструкции из книги «Армия Александра I: пехота, артиллерия, инженеры»[6]. Живописное воссоздание на картине изображений эполет, перчатки и темляка у шпаги также являлось трудоемким процессом, но несколько упрощалось наличием ориентиров в виде границ рисунка элементов и сохранившихся фрагментов авторской живописи.

Восполнение утрат красочного слоя выполнялось с применением масляных красок в стилистике, приближенной к авторской. После полного высыхания тонировок картина была покрыта финальным слоем лака и вмонтирована в новую раму. Новая рама для оформления портрета была изготовлена с учетом имеющихся данных об утраченной раме из архива ВИМАИВиВС, указанных в описи музейного имущества бывшего лейб-гвардии Саперного батальона[7]. В документе была описана черная деревянная рама с указанием размера, в которую картина была оформлена в начале 20-х годов XX в. в Суворовском музее.

Комплексная коллективная работа по исследованиям и атрибуции позволила разрешить противоречия, сконцентрированные в каталожных данных и внести ясность в понимание памятника, необходимую для воссоздания утраченных элементов при безусловной реконструкции. Проведенный на основе исследований комплекс консервационно-реставрационных мероприятий возвратил картине облик, предельно приближенный к первоначальному замыслу автора. После окончания работ портрет был передан на хранение в инженерно-документальный фонд ВИМАИВиВС.

---

[1] Незговорова В. В. Музей лейб-гвардии Саперного батальона: история после 1917 года // Сборник исследований и материалов ВИМАИВиВС. Выпуск X. СПб.: ВИМАИВиВС, 2015. С. 444.

[2] Там же.

[3] Леонов О. Г., Попов С. А., Кибовский А. В. Армия Александра I: пехота, артиллерия, инженеры. Серия «Русский военный костюм». М.: Фонд «Русские витязи», 2013. С. 472–473.

[4] Габаев Г. С. История Лейб Гвардии Саперного батальона. Введение и часть первая. 1700–1812–1813 годы. СПб., 1912. С. 224.

[5] Там же.

[6] Леонов О. Г., Попов С. А., Кибовский А. В. Указ. соч. С. 238.

[7] Опись музейного имущества бывшего лейб-гвардии Саперного батальона // АВИМАИВиВС. Ф. 3р. Оп. 96/2Б. Д. 1. Л. 97.

Н. Н. Шаронова (Санкт-Петербург)

ОПЫТ РЕСТАВРАЦИИ ЗНАМЕНИ 1-го АМУРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ПОЛКА 1897 г.

ШЕСТОГО МАЯ 1897 г. Амурскому казачьему полку было пожаловано полковое знамя. Амурский казачий полк и дивизион участвовали в обороне Благовещенска от нападения китайцев и в боях на территории Маньчжурии, во всех крупных сражениях Русско-японской войны. В Первую мировую войну 1-й и 2-й Амурские казачьи полки и Амурская казачья батарея участвовали в боях на Северо-Западном, Юго-Западном и Румынском фронтах. В феврале 1917 г. Амурское казачье войско и фронтовые части приняли присягу Временному правительству, а через год полк был распущен; 3 марта 1920 г. было объявлено о его ликвидации[1]. После этого, предположительно, знамя находилось на территории Маньчжурии[2]. Затем в январе 1946 г. в Шанхае знамя было передано сыном бывшего командира 1-го Амурского казачьего полка генерал-лейтенанта Сычёва Е. Г. помощнику военного атташе при посольстве СССР в Китае майору Андрееву С. П.; в конце того же года знамя поступило в Центральный музей Красной Армии. В Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи передано из Центрального музея Вооруженных Сил 13 октября 1971 г.[3]

Знамя 1-го Амурского казачьего полка соответствует установленному образцу знамен, принятому в 1897 г., когда вышивку золотом и серебром в армии заменили шелковой и уменьшили размер полотнищ (79,8х71 см). Согласно более раннему образцу 1891 г., здесь сохраняется соответствие цвета полотнища мундирному, каймы — приборному, а также наличие написанной масляными красками иконы полкового праздника и вышитого вензеля императора[4].

Ил. 1. Знамя 1-го Амурского казачьего полка. Общий вид лицевой стороны до реставрации. ВИМАИВиВС

Знамя сшито из двух полотнищ прямоугольной формы из сине-зеленого шелкового репса. На желтой кайме обоих полотнищ, которая обрамляет три стороны знамени, вышиты восьмиконечные звезды, по 10 штук. На одном из полотнищ, в среднике, написана масляными красками икона преподобного Алексия, Человека Божия, вокруг вышита рамка с орнаментом «плетенка» (ил. 1). На другой стороне — рамка в углах прерывается квадратами, в которых вшиты государственные гербы (Малый герб Российской империи), в центральной части — вензель императора Николая II «Н II» под императорской короной (ил. 2). Вензель и гербы — накладные элементы, сделанные в технике вышивки «в прикреп» по карте, а полосы, звезды и орнамент — насквозь по настилу. Вышивка на знамени выполнена шелковыми нитями разных цветов: молочного, желтого, серо-голубого, бордового, малинового, черного. Также использованы прядеными металлизированные нити, канитель, трунцал, металлические блестки разных размеров золотого и серебряного цветов.

Ил. 2. Знамя 1-го Амурского казачьего полка. Общий вид оборотной стороны до реставрации

В вышивке использованы разные приемы: гладь, французский узелок, нити и витой шнур в прикреп, также есть тканевые аппликации.

Наличие написанной на высоком уровне иконы, разнообразие декоративных приемов в вышивке и гармоничное целостное воплощение говорит о том, что знамя 1-го Амурского казачьего полка является духовным символом, а также памятником не только военной истории, но и декоративно-прикладного искусства.

Знамя поступило на плановую реставрацию в 2022 г. и находилось в ветхом состоянии. Визуальный осмотр показал, что ткань выцвела, по всей поверхности наблюдались сильные застарелые загрязнения разного происхождения: пылевые, многочисленные неравномерные пятна с затеками, сквозными бурыми пятнами. Шелк был пересушен и потерт; на полотнищах просматривались утраты и сечения шелка. Нити вышивки спутаны и частично утрачены; все металлизированные нити, канитель, трунцал и пайетки потемнели, потерты, местами утрачены. Нити прикрепа

Ил. 3. Деформации живописного средника и шелка

также ветхие. Полотнище было деформировано, имелись многочисленные складки и заломы.

Красочный слой и его основа находились в аварийном состоянии: по всей площади средника — волнообразные деформации (ил. 3), множественные заломы с осыпью красочного слоя и мелкосетчатым кракелюром. Края разрывов жесткие, фрагменты наслаивались друг на друга (ил. 4).

При изучении музейной документации выявлено, что в 1993 г. со знаменем проводились реставрационные мероприятия[5]. А в результате осмотра и после демонтажа полотнищ стало очевидно, что живописный средник сдублирован на жесткий клей на несколько слоев тонированного плотного шелка разного размера без соблюдения направления нитей, что впоследствии привело к сухости и ломкости ткани знамени, усилению деформаций. Также тогда был выполнен частичный демонтаж предмета, ослабление пятен, укрепление сечений и разрывов нитей ткани, восполнены утраты вышивки в некоторых местах (на рамке с заходом за контур, насквозь); разрывы на живописном поле соединены грубыми стежками.

Общее состояние памятника требовало проведения повторной реставрации и осуществления полного комплекса работ, включая демонтаж, удаление следов предыдущей реставрации; удаление старого клея; ослабление пятен; укрепление красочного слоя

Ил. 4. Разрывы и наслоения фрагментов изображения друг на друга (фрагмент)

живописи; общую очистку экспоната от загрязнений; промывку и пластификацию деталей; устранение деформаций; дублирование с последующим укреплением иглой и нитью в местах разрывов, утрат и сечений ткани; восполнение прикрепов на вышивке в местах утрат; тонирование мест утраты красочного слоя; капсулирование средника с живописью.

Для выполнения реставрационных задач необходимо было решить ряд вопросов. Так, на знаменах с живописными включениями одной из основных проблем является определение метода укрепления красочного слоя. Традиционно масляная живопись подразумевает стабильную основу — например, холст на подрамнике или деревянную основу. Здесь же основа живописи — шелк, который ничем не фиксируется, представляя собой подвижную

и пластичную основу. К тому же, в таких случаях необходимо исключить воздействие влаги на открытые участки шелка, чтобы избежать риска появления затеков. Таким образом, необходимо было подобрать методику укрепления открытым способом (без использования заклейки поверхности красочного слоя фильтровальной бумагой). После изучения публикаций[6], в которых затрагивается вопрос укрепления красочного слоя на пластичных основах, в том числе знаменах, где в каждом случае предметы имеют индивидуальные особенности, на реставрационном совете после проведения проб была выбрана методика укрепления с помощью раствора метилцеллюлозы[7] и клея Klucel (гидроксипропилцеллюлоза)[8]. 2,5%-ный водный раствор метилцеллюлозы равномерно наносился мягкой кистью (№ 4–5) на небольшие участки, после впитывания в поверхность красочного слоя и его размягчения приподнятые края кракелюра аккуратно выравнивались фторопластовым шпателем, излишки раствора удалялись фильтровальной бумагой, участок накрывался фторопластовой пленкой и прессом. На изображении фигуры святого в местах крошащегося красочного слоя укрепление выполнено 5%-ным водным раствором Klusel, после нанесения кистью и высыхания поверхность проглажена через фторопластовую пленку теплым электрошпателем и оставлена под прессом. Из-за деформаций укрепление выполнялось небольшими участками, которые поочередно оставлялись под прессом на 1–2 дня. Отмечу, что решение об использовании в укреплении двух видов адгезива связано с тем, что после проб выявлена разная способность основы к устранению деформации: участки, укрепленные метилцеллюлозой, выравнивались лучше и оставались более пластичными, а участки, укрепленные Klusel, имели лучшее сцепление и в большей степени очищались.

Параллельно с процессом укрепления велась работа по раздублированию и удалению старого клея (так как их наличие препятствовало корректному укреплению и ослаблению деформаций) поэтапно и с постоянным контролем состояния красочного слоя.

В научном отделе сохранности памятников культуры и истории ВИМАИВиВС под руководством И. Н. Кулешовой были проведены исследования для определения характеристик и состава старого дублировочного клея с целью подбора методики его удаления.

Проба на водорастворимость клея показала, что в состав входит поливинилацетатный клей, и он не водорастворим (клеевой

состав немного набухал, светлел и приобрел очень незначительную пластичность). Определение в составе клея наличия растительных клеев проводилось при помощи исследования на кислотность PH универсальным индикатором. Показатель индикатора оказался 6–5, т. е. в соответствии с таблицей среда состава более кислотная, что говорит о присутствии в составе растительного клея. Определение содержания крахмала в растительном клее проведено при помощи качественной реакции на образце воздействием 2%-ного раствора йода. В результате в пробе появилось синее окрашивание, что свидетельствует о присутствии в составе растительного клея, содержащего крахмал. Таким образом, удаление старого дублировочного клея из-за наличия в составе поливинилацетатного клея проводилось фрагментарно при помощи микрошпателя с использованием увлажненных дистиллированной водой компрессов. Учитывая жесткость клея и структуру шелковой основы, процесс удаления старого клея оказался весьма трудоемким и медленным, с риском повреждения волокон шелка. После очистки тыльной стороны живописного средника выполнена удаленная пластификация 1%-ным водным раствором глицерина с фрагментарным прессованием.

Чтобы максимально корректно соединить разрывы на живописном поле, соблюдая правильность рисунка, предстояло решить проблему с волнообразной деформацией, так как обрамляющая живописный средник вышитая орнаментальная «рамка» из-за усадки и ссыхания не позволила устранить это одним прессованием. Так, шелк ячеек орнамента был пластифицирован 1%-ным раствором глицерина и с особой деликатностью, но создавая небольшое натяжение, уложен под пресс по всему периметру; постепенно таким образом удалось немного увеличить периметр и создать дополнительное пространство для ослабления деформаций.

Многократным фрагментарным прессованием, одновременно с удалением старого клея, пластификацией основы и восстановлением контура вышитой «рамки» удалось наиболее благополучно решить задачу ослабления деформаций на живописном среднике знамени.

Для частичного дублирования полотнища с изображением иконы выбран клеевой метод с использованием 7,5%-ного водного раствора Lascaux 303 HV[9] (с предварительным подбором концентрации клея на образцах)[10]. Сначала выполнено дублирование

Ил. 5. Общий вид лицевой стороны знамени после проведения основных реставрационных мероприятий и тонировок, до капсулирования живописного средника и монтажа полотнищ

живописного средника: шелк (чо балетное плотностью 26 г/м) с клеевой поверхностью был подведен под изнаночную сторону средника. С лицевой стороны сведены края разрывов в соответствии с изображением и проглажены теплым электрошпателем через фторопластовую пленку. Затем дублировочный материал проглажен теплым электрошпателем через фторопластовую пленку с изнаночной стороны. Для более надежного соединения разрывов между оригинальной основой и дублировочным материалом по краям разрывов подведены полосы нетканого клеевого материала[11] шириной 0,5–0,7 см и выполнено укрепление теплым электрошпателем[12]. После окончания дублирования, в целях дополнительного укрепления, край клеевой ткани по периметру вышитой полосы подогнут и закреплен газовой нитью стежком «вперед игла».

На реставрационном совете было принято решение о необходимости выполнения тонировок в местах утрат авторского красочного слоя для более целостного восприятия образа святого.

Ил. 6. Общий вид оборотной стороны знамени перед монтажом

Тонирование выполнено масляными красками и тонкой кистью в несколько этапов. Предварительно краски выложены на фильтровальную бумагу для удаления из них излишнего масла. Тонировки выполнены светлее и холоднее авторской живописи.

Помимо описанных мероприятий на знамени выполнена механическая очистка, шелк промыт и пластифицирован, удалены следы предыдущей реставрации, включая нити, перекрывающие вышивку, укреплены разрывы и сечения шелка полотнищ, восполнены нити прикрепа вышивки (ил. 5, 6), живописный средник перекрыт тончайшим шелковым газом, что практически не изменяет контрастность и четкость живописного изображения.

В результате проведения комплекса реставрационных мероприятий увеличился размер знамени на 0,5–1,2 см (до 68,3×78,7 см), улучшена материальная сохранность экспоната, знамя приобрело экспозиционный вид. Для дальнейшего сохранения памятника необходимо соблюдать утвержденные Министерством культуры правила[13] и проводить регулярный мониторинг состояния.

[1] Абеленцев В. Н., Апрелков В. Ю., Гаршин А. А., Никитин Г. В., Савченко С. Н., Сиваков Т. В. Верой и правдой служа Отечеству. Офицеры Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск. 1851–1920-е. Благовещенск-на-Амуре: Амурская ярмарка, 2018. С. 11–13.

[2] Кайгородцев А. Н., Низовский А. Ю. Полковые святыни Российского воинства. Судьба собрания знамен русской армии, хранившегося до 1944 года в церкви Святой Троицы в Белграде. СПб.: «Славия», 2021. С. 121.

[3] Карточка фондового хранения № 9/7262.

[4] Вилинбахов Г. В. Русские знамена. Очерки. СПб.: СПбГУ, 2005. С. 104.

[5] АВИМАИВиВС. Ф. 3Р. Оп. 3/1. Д. 25.

[6] Гречихина Т. Е., Морозова Е. А., Мартьянова С. А. Масляная живопись на подвижной основе: исследование и реставрация знамен союза русского народа 1905 и 1908 годов // Проблемы хранения и реставрации живописи на нестандартных основах. Теория и практика. М.: ГОСНИИР, 2021. С. 11; Лякина Н. Ю. Реставрация китайских свитков с портретами военачальников императорской армии Цяньлуна / Реставрация произведений декоративно-прикладного искусства в государственном Эрмитаже // Серия «Продленная жизнь». СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2016. С. 146; Русакова Н. И. Реставрация иконы на шелке «Архидиакон Стефан» XVIII века // Сохраняя историю. Реставрационным мастерским Русского музея — 100 лет. СПб.: Palace Editions, 2022. С. 176; Русакова Н. И., Щукина Е. Ю. Реставрация произведений, выполненных в смешанной живописной технике, в Государственном Русском музее // Исследования и консервация культурного наследия. Материалы научно-практической конференции. 12–14 октября 2004 г. М.: ГОСНИИР, 2005; Силкин А. В., Семечкина Е. В. Стрелецкое Знамя 1690 года из собрания Омского государственного историко-краеведческого музея // Серия «Исследование и реставрация одного памятника». Вып. 5. М.: СканРус, 2004. С. 47; Эндер Г. А. Реставрация двусторонней хоругви «Святой Александр Невский. Воскресение Христово» из собрания Государственного музея истории Санкт-Петербурга // Материалы научной конференции памяти С. В. Ямщикова «Музей. Реставратор. Реставрация». 20–21 июля 2022 г., Сельцо Михайловское, Пушкинский заповедник, 2022. С. 132; Материалы научно-практической конференции «Русские знамена и штандарты. Исследования, атрибуция, реставрация». 20–21 сентября 2023 г., ГОСНИИР. URL: https://www.youtube.com/watch?v=vr6F9W63rpg (Дата обращения: 21.09.2023).

[7] Сорокина О. В., Шаронова Н. Н. Реставрация войскового Уральского казачьего знамени // Консервация, реставрация и экспонирование памятников военной истории. СПб.: ВИМАИВиВС, 2016. С. 245.

[8] Ермакова Н. В., Мартьянова С. А., Георгиевское знамя 1843 года из коллекции регалий Кубанского казачьего войска // Сохранность культурного наследия: наука и практика. Вып. 10. М.: ГОСНИИР, 2014. С. 106; Ермакова Н. В., Мартьянова С. А. Знамена черноморских батальонов 1845 года // Сохранность культурного наследия: наука и практика. СПб.: ВИМАИВиВС, 2016. С. 150.

[9] Федосеева Т. С., Захарова Н. Ю. Опыт применения синтетических материалов в реставрации музейного текстиля // Материалы конференции «Современные научные методы реставрации произведений прикладного искусства (ткани) и историческая традиция». М.: ГОСНИИР, 1997. С. 59;

Lascaux 303 HV является заменой состава 360 HV, снятого с производства. В 2012 г. Lascaux 303 HV становится новым названием продукта Lascaux 360 HV. По сравнению с предыдущим составом, новый имеет немного большую прочность связи и лучше растворяется в органических растворителях.

[10] Диапазон концентраций адгезива на образцах был от 3 до 15%.

[11] Использование нетканого клеевого материала, представляющего собой тонкий расплав полиамидного клея в виде «паутинки», описывается в публикациях о реставрации текстильных памятников из коллекции Государственного Эрмитажа: Эрмитажная энциклопедия текстиля. Реставрация // Каталог выставки. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2017; Денисова М. В. Камзол из коллекции «Гардероб Петра I» // Возрождённые шедевры. Реставрация в Эрмитаже. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2019. С. 132.

[12] При выборе способа соединения разрывов были также рассмотрены методики с использованием поливинилбутираля и Beva-371 film 25 мкм, традиционно применяемых в подобных целях в реставрации масляной живописи на холсте. Выполнены образцы на схожем к памятнику материале. Пробы показали, что нетканый полиамидный клеевой материал наиболее подходит в данном случае, сохраняя пластичность и прочность соединения.

[13] Единые правила организации комплектования, учета, хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций. М.: ЦЕНТРМАГ, 2025.

А. А. Яшкина, Т. В. Воронцова (Санкт-Петербург)

РЕСТАВРАЦИЯ КАРТИНЫ В СМЕШАННОЙ ТЕХНИКЕ «ПОЛЕВОЙ КАРАУЛ 23-го ПЕХОТНОГО НИЗОВСКОГО ПОЛКА У ОЗЕРА НАРОЧЬ»

В СТАТЬЕ рассматривается реставрация картины из коллекции ВИМАИВиВС, выполненной в смешанной живописной технике, то есть с отступлением от традиционных живописных технологий. Этюд художника В. А. Зверева был выполнен в 1915–1917 гг. масляными красками на бумажной основе и наклеен на холст, натянутый на подрамник. Такого рода отступления в технологии изготовления картины возможны в условиях, когда использование традиционных комбинаций материалов художником затруднено в силу отсутствия качественных или нужных художественных материалов, что вполне вероятно для времени создания данного произведения — периода Первой мировой войны[1]. Для этюдов и живописных работ в один прием авторы часто использовали бумагу и картон — как материалы более доступные и менее дорогостоящие, чем традиционный холст на подрамнике. Написанные маслом на бумаге картины часто дублировали на плотную основу (картон или холст) для придания жесткости конструкции или для создания видимости живописи на холсте[2].Такое дублирование или перенос бумажной основы на холст после написания картины могли выполняться как самим художником, так и владельцем произведения или же по его просьбе лицом, заинтересованным в сохранности художественной работы и в дальнейшем ее бытовании. Для реставрации и консервации подобных произведений, безусловно, необходим комбинированный подход в выборе методик реставрации.

Картина поступила в ВИМАИВиВС из Военного историко-бытового музея (ВИБМ) в 1937 г. по акту ПП от 15.06.1937 г. Старый учетный номер: Мих. ф. 12896; КЕУ ИФ 7509.

Автор картины, художник Василий Александрович Зверев, жил и работал в Санкт-Петербурге, Петрограде, Ленинграде в XX в. Он приехал в Петербург в 1898 г. из села Симы Владимирской губернии, работал рассыльным, а по вечерам учился рисовать в школе Общества поощрения художеств. В 1906 г. по конкурсу был принят в Академию художеств, которую окончил по мастерской Д. Н. Кардовского. Получил звание художника за картину «Пикник». Участник выставок «Независимых», «Весенней», «Передвижников», «Общины художников», АХР (Ассоциации художников революционной России) и др., а также ряда выставок за границей. После Октябрьской революции в основном писал портреты вождей и историко-революционные живописные картины, преподавал в студии АХР. В 1930-х гг. много работал с образом С. М. Кирова, в творчестве художника преобладают его портреты и натурные наброски для портретов. Картины В. А. Зверева выставлялись на вернисажах в Нью-Йорке в 1924 г. и в Торонто в 1925 г. Работы художника хранятся в Государственной Третьяковской галерее, в Государственном Русском музее, музеях Рыбинска, Якутска и Бердянска. Василий Александрович скончался 5 мая 1942 г. в блокадном Ленинграде.

В годы Первой мировой войны В. А. Зверев был мобилизован. В рабочей картотеке 1-го исторического фонда есть записи Т. И. Абольской, искусствоведа, старшего научного сотрудника ВИМАИВиВС, в которых указано, что в 1916 г. В. А. Зверев служил рядовым в первом броневом дивизионе, а затем был переведен в Трофейную комиссию, куда отдал часть своих работ, написанных на передовой линии[3]. Трофейная комиссия — неофициальное название двух военно-исторических комиссий, существовавших в 1911–1919 гг. и объединенных в 1917 г. Основной задачей комиссии являлось описание боевых трофеев, материалов, захваченных неприятельских и отечественных исторических знамен и знаков отличия, подвигов русских солдат за все время существования русской армии. Комиссия включала в себя три отделения: литературное, художественное и фотографическое. Для выявления и описания подвигов русских солдат и офицеров члены комиссии регулярно выезжали на театры боевых действий. Кроме членов комиссии, на фронт выезжали многие

известные ученые, писатели, художники и фотографы, привлеченные комиссией к сотрудничеству. В июне 1919 г. комиссия была упразднена. «В числе прочего имущества отделов Трофейной комиссии... картины... рисунки, эскизы, наброски, гравюры... а также этюды с натуры, сделанные художниками на позициях... имущество комиссии позже частично перевезли в Москву (в Государственный Исторический музей), что-то оказалось в ведении так называемого Военного историко-бытового музея, просуществовавшего... по 1937 г., после чего его экспонаты (в том числе сотни рисунков из собрания Трофейной комиссии) влились в фонды Артиллерийского исторического музея»[4]. В фонды Военного историко-бытового музея вошли предметы из коллекций бывших военных музеев, военных учебных заведений, а также часть коллекции музея великого князя Михаила Николаевича. Попала туда и часть собрания Трофейной комиссии. Коллекции были объединены, поэтому этюд В. А. Зверева поступил в фонд Артиллерийского исторического музея в 1937 г. как предмет Михайловского фонда.

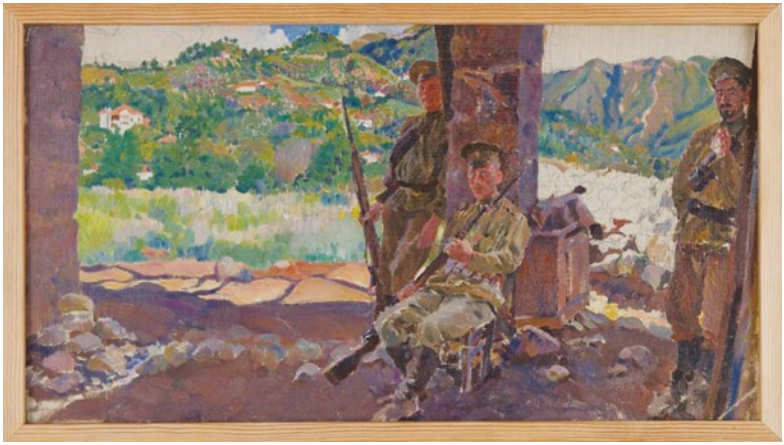
В отдел сохранности памятников культуры и истории ВИМАИВиВС на реставрацию этюд «Полевой караул 23-го пехотного Низовского полка у озера Нарочь» В. А. Зверева (инв. № 3-909) был выдан в июне 2021 г. в деревянной раме простого профиля с широкими планками темного дерева из экспозиции зала «История инженерных войск до 1917 г.». Рама, в которой этюд поступил на реставрацию, не подходила по размеру. Размер картины был значительно больше, чем размер внутреннего периметра рамы (рама по внутреннему периметру 61,5 × 81 см, картина — 67 × 89 см): подрамник крепился к листелям рамы с тыльной ее стороны с помощью загнутых гвоздей (ил. 1).

Из записи в музейно-инвентарной карточке предмета следует, что рама была установлена в 1956 г. (акт установки рамы от 05.06.56)[5] для экспонирования этюда на выставке и, надо полагать, так же крепилась к подрамнику, как и сейчас. Соответственно, в 1956 г. этюд был уже на подрамнике. В музейно-инвентарной карточке в описании предмета по акту от 1958 г. указано: «Этюд “Полевой караул 23 пехотного Низовского полка у озера Нароч, на западном фронте”, прямоугольный, без рамы, наклеен на холст на подрамнике», а в графе «материал» заявлено: «масло, бумага». Также в музейно-инвентарной карточке в графе «Состояние предмета и изменение в состоянии,

Ил. 1. Общий вид картины в раме до реставрации. ВИМАИВиВС. 1 ИФ 3-857

ремонт предмета» имеется запись: «Прорван. В левом нижнем углу вмятина, прорыва нет. Основание: Акт от 12.IX.50 г. Находится в Историческом фонде». Возможно, в 1950 г. была проведена реставрация картины силами сотрудников музея, но записи и акты об этом не сохранились. Таким образом, установить, когда этюд, написанный масляными красками на бумаге, был наклеен на холст, не удалось. По всей видимости, это было сделано до поступления в АИМ.

В описи экспонатов Михайловского фонда 1937 г. указаны два этюда В. А. Зверева, посвященные пехотному Низовскому полку. Один, под номером 12896, «Полевой караул Низовского полка у озера Нарочь», в 1937 г. ему был присвоен номер 3-909 АИМ, материал — масло, размер 68×90 см. Второй, под номером 12895, «Передовое караульное помещение Низовского полка на озере Нароч. эскиз (на карт)», материал — масло, без указания размера, ему присвоили номер 3-857 АИМ[6]. Этюд 3-909 попал в 1-й исторический фонд, этюд же с номером 3-857 АИМ



Ил. 2. Полевой караул пехотного полка на отрогах Карпат в Галиции. Неизвестный художник. 1915 г. ГИМ 83773/172

по музейно-инвентарной карточке числится как работа неизвестного художника «Пехотный полк в Карпатах на фоне гор в Галиции», размер 30 × 54, масло, холст, картон. Но старый номер по Михайловскому фонду в музейно-инвентарной карточке этюда под инв. № 3-857 обозначен как 13736. Проверив запись в описи Михайловского фонда под номером 13736, мы находим этюд под названием «Группа солдат выходит из развалин дома».

Картина с инвентарным номером 3-857 АИМ находится на постоянном хранении в Государственном Историческом музее (ГИМ) с 1951 г. По информации, размещенной в Государственном каталоге Музейного фонда РФ, картина числится как «Полевой караул пехотного полка на отрогах Карпат в Галиции» кисти неизвестного художника, 1915 г., картон, масло, размер 30 × 54 см. При сравнении этюда «Полевой караул 23-го пехотного Низовского полка у озера Нарочь» и фотографии этюда ГИМ, размещенного в ГК РФ (ил. 2), можно только с уверенностью сказать, что колористически картины очень отличны друг от друга: московский этюд более яркий, звучный по краскам, в отличие от «нашего», выполненного в очень приглушенной охристо-серой гамме. Об отличиях в манере письма на обоих этюдах сложно судить, используя для сравнения фотографию, размещенную в Гос. каталоге. К тому же обе работы написаны именно в этюдной манере, характерной для живописи alla prima. Отличаются также

размер этюдов и техника исполнения: 69 × 90 см «бумага, масло, холст» у этюда 3-909 и 30 × 54 см «картон, масло» в ГИМ по Гос. каталогу и «масло, холст, картон» в АИМ у этюда 3-857. Таким образом, по поводу второго этюда В. А. Зверева, посвященного 23-му пехотному Низовскому полку и указанному в описи экспонатов Михайловского фонда, нет никакой ясности: неизвестен его точный размер, техника исполнения и местонахождение. Возможно, этюд Зверева «Передовое караульное помещение Низовского полка на озере Нарочь», указанный в Описи экспонатов Михайловского фонда под номером 12895, кисти Зверева не принадлежит и был в 1937 г. переатрибутирован как этюд неизвестного художника «Пехотный полк в Карпатах на фоне гор в Галиции» и в 1951 г. попал из АИМ в Москву.

Название картины «Полевой караул Низовского полка на озере Нарочь на Западном фронте», данное при атрибуции 1958 г., требует уточнения по поводу заявленной в названии информации с фактическими и географическими данными. Нарочская наступательная операция на озере Нарочь в Белоруссии проводилась в марте 1916 г. в зоне Восточного фронта Российской армии, но боевые действия велись и южнее и севернее этого озера. На территории современной Белоруссии Низовский полк находился только в 1914 г. в связи с переформированием в деревнях Покоблючи и Прудок Минского ВО. В начале Первой мировой войны Минский военный округ выполнял функции тыла Северо-Западного, а с 1915 г. — Западного фронта. Заявленный диапазон создания картины (с 1915 по 1917 г.), возможно, требует корректировки. В 1915 г. полк был отправлен на Юго-Западный фронт в составе 15-го армейского корпуса. С февраля 1916 г. 15-й армейский корпус переведен в составе 2-й армии на Западный фронт. Информации об участии полка в известной наступательной операции в марте 1916 г. на озере Нарочь в составе 2-й армии на Восточном фронте авторами не обнаружено. С конца 1916 г. 15-й армейский корпус — в составе 1-й армии Западного фронта. После Октябрьской революции, в 1918 г., 23-й пехотный Низовский полк был упразднен[7].

На картине изображены полевые укрепления полка на фоне пасмурного неба и фигура офицера в шинели спиной к зрителю, над ним маскировочная сетка. Живопись плотная, пастозная, alla prima, с небольшой фактурой по всей поверхности, что соответствует стилю небольшого этюда, написанного в один прием.

Ил. 3. Общий вид тыльной стороны картины до реставрации

При визуальном осмотре было выяснено, что картина выполнена масляными красками на бумажной основе, которая, в свою очередь, наклеена на среднезернистый холст, с узлами и утолщениями нити, натянутый на глухой подрамник с вертикальной перекладиной, выполненный из тонких брусьев. Конструкция подрамника «пошла винтом», то есть деформировалась по диагонали; таким образом, подрамник к дальнейшей эксплуатации не пригоден (ил. 3). Натяжение холста на подрамнике неудовлетворительное: от углов картины — диагонально направленные фалды. На тыльной стороне холста — следы реставрационных составов в виде темных пятен, по всей вероятности — клей, на который была наклеена бумажная основа живописи. С лицевой стороны картины отчетливо видны многочисленные заломы бумажной основы в виде мелких разнонаправленных фалд по всей поверхности, из-за чего живописный слой выглядит фактурным и неоднородным, бугристым, что мешает восприятию картины и искажает первоначальный авторский замысел (ил. 4). Авторский грунт тонкий, белого цвета, предположительно полумасляный, просматривается с лицевой стороны картины по ее периметру

Ил. 4. Фотография фрагмента лицевой стороны картины до реставрации

в потертостях красочного слоя и в незначительной по размеру утрате красочного слоя в верхней части картины с правого края. Связь грунта и красочного слоя с бумажной основой была оценена как удовлетворительная. По всему периметру картины, а также в левом нижнем углу видны поновления масляной краской, отличающиеся по цвету от авторского красочного слоя. По левому краю лицевой стороны картины, на линии загиба кромки, под слоем поздних поновлений масляной краской проступают утраты бумажной основы до холста. Лаковая пленка пожелтевшая, неравномерная, пятнистая. В левом нижнем углу подпись автора коричневого цвета, ниже до грунта процарапано название картины.

На заседании Реставрационного совета 15.06.2023 г. было принято решение раздублировать бумажную основу картины от холста, чтобы устранить деформацию бумаги в виде заломов. Реставрацию провести в соответствии с общепринятыми методиками реставрации станковой масляной живописи и реставрации бумажных носителей графических произведений, поэтому для проведения полного комплекса реставрационных работ в помощь

реставратору масляной живописи А. А. Яшкиной была приглашена художник-реставратор графики Т. В. Воронцова.

Картина была демонтирована из рамы и обеспылена А. А. Яшкиной. Грунт и красочный слой были укреплены водным раствором медово-осетрового клея без демонтажа картины с подрамника. Для профилактической заклейки использовалась микалентная бумага вместо папиросной, как обычно, так как микалентная бумага лучше прилегает к фактурной поверхности живописи, чем папиросная, благодаря своей структуре. Поверхность красочного слоя, заклеенная микалентной бумагой, прогревалась через фторопластовую пленку электрическим утюжком, подсушивалась утюжком через слой фильтровальной бумаги и сукна во избежание слома фактуры красочного слоя. Картина была демонтирована с подрамника и раздублирована: бумажная авторская основа была отделена от позднего дублировочного холста с помощью компрессов из водного раствора метилцеллюлозы механическим способом. После раздублирования стало очевидно, что бумажная основа была наклеена на холст с помощью животного клея, который размягчился от компрессов метилцеллюлозы, поэтому удаление его остатков с тыльной стороны бумажной основы проводилось одномоментно, сразу после раздублирования. На бумажную основу с тыла наносился слабый водный раствор метилцеллюлозы, и размягченный клей удалялся острым скальпелем и влажными ватными тампонами. Операции раздублирования и удаления задубевшего клея производились Т. В. Воронцовой и А. А. Яшкиной на гладкой и твердой поверхности мраморного стола (ил. 5).

Ил. 5. Реставраторы А. А. Яшкина и Т. В. Воронцова за работой

Ил. 6. Фрагмент тыльной стороны картины в процессе реставрации (бумажная основа)

После этого бумажная основа была промыта слабым водным раствором метилцеллюлозы. В процессе реставрации на оборотной стороне картины был обнаружен архитектурный чертеж, который отчетливо проступал при увлажнении бумажной основы; также открылись утраты, заломы и разрывы бумажной основы (ил. 6) и следы предыдущих реставраций бумаги: утраты бумажной основы были заполнены грунтом белого цвета, предположительно масляным, в нижней левой четверти тыльной стороны выполнена бумажная вставка треугольной формы — толще, чем авторская бумажная основа (ил. 7).

Т. В. Воронцова продолжила работать с тыльной стороной картины: выполнила укрепление заломов и разрывов авторской бумажной основы полосами реставрационной бумаги и мучного клея. Вставки в местах утрат бумажной основы выполнены из бумаги, подходящей по составу и по толщине к авторской бумажной основе. Все новые и старые реставрационные бумажные вставки были сдублированы тонкой равнопрочной реставрационной бумагой (ил. 8). Картина была помещена в пресс.

Далее необходимо было принять решение о повторном дублировании картины на новую основу, для чего была разработана методика дублирования под индивидуальные особенности памятника. На промежуточном реставрационном совете 6.06.2024

Ил. 7. Фрагмент тыльной стороны картины в процессе реставрации (следы предыдущих реставраций бумажной основы)

Ил. 8. Фрагмент тыльной стороны картины в процессе реставрации (бумажная основа)

Ил. 9. Общий вид лицевой стороны картины в процессе реставрации (после дублирования на картон)

(протокол реставрационного совета № 33/24) было принято решение дублировать бумажную основу картины на бескислотный картон на мучной клей. Замена дублировочной основы с холста на картон была произведена во избежание повторных повреждений бумажной основы, которые неизбежно образуются при разности растяжения материалов (бумажной основы, масляного красочного слоя, холста) при колебаниях температурно-влажностного режима[8].

Т. В. Воронцовой было проведено дублирование картины на бескислотный картон на мучной клей, картина была запрессована в сукно с последующей заменой — до полной стабилизации основы (ил. 9).

Через два месяца А. А. Яшкина продолжила работу с лицевой стороны картины: была удалена профилактическая заклейка микалентной бумагой с помощью ватных тампонов, смоченных в дистиллированной воде и отжатых. Удалены поверхностные загрязнения с помощью ватных тампонов, пены детского мыла и дистиллированной воды. Картина помещена в пресс на сутки

Ил. 10. Фрагмент лицевой стороны картины после реставрации

во избежание деформаций основы. Утраты авторского грунта были восполнены реставрационным безводным грунтом BEVA GESSO-P. Лаковое покрытие картины было утоньшено и выровнено с помощью состава этилового спирта и пинена. Старые реставрационные тонировки в виде поновления были частично удалены. Картина была дважды покрыта даммарным лаком. Восполнены утраты авторского красочного слоя, скорректированы по цвету и тону частично сохраненные старые реставрационные тонировки, не выходившие за пределы утрат авторского красочного слоя. Работа производилась масляными красками фирмы OLD-HOLLAND (ил. 10). После полного высыхания тонировок Т. В. Воронцовой и А. А. Яшкиной был произведен демонтаж музейной этикетки с планок подрамника, этикетку дублировали на бескислотный картон и смонтировали на оборотную сторону дублировочного картона на тыльной стороне картины на мучной клей.

Так как конструкция картины изменилась, было принято решение старую раму не использовать.

В результате проведенных реставрационных мероприятий основа картины стабилизирована, устранены многочисленные

Ил. 11. Общий вид лицевой стороны картины после реставрации

заломы, деформации бумажной основы в виде фалд. Картина сдублирована на бескислотный картон. Утраты красочного слоя по периметру затонированы. Лаковая пленка прозрачная, равномерная. Этюд смонтирован в новую раму под стекло (ил. 11).

В заключение хочется отметить, что тесное взаимодействие разных реставрационных мастерских отдела сохранности памятников, а также сотрудничество реставраторов с хранителями фондов, работниками архива и учета — непременное условие грамотной реставрации музейных предметов.

Итак, была выполнена реставрация картины в смешанной технике из коллекции ВИМАИВиВС. Все работы с лицевой стороной произведения (укрепление красочного слоя и грунта, восполнение утрат грунта и красочного слоя, утоньшение и выравнивание лаковой пленки, удаление записей и ретушь старых реставрационных тонировок) проводились по традиционной для реставрации масляной живописи технологии. Реставрация бумажной основы (устранение деформаций, изломов и разрывов бумаги, восполнение утрат бумажной основы) была выполнена традиционными методами реставрации бумаги.

[1] Русакова Н. И., Щукина Е. Ю. Реставрация произведений, выполненных в смешанной живописной технике, в Государственном Русском музее. Исследования и консервация культурного наследия. Материалы научно-практической конференции. 12–14 октября 2004 г. ГосНИИР. М., 2005.

[2] Кириллова Н. К., Кисилева А. С. Масляная живопись на бумажной основе: проблемы исследования повреждений бумаги, консервации и реставрации. Консервация и реставрация историко-культурных объектов. Том 4. Выпуск 4. М.: ООО Издательство «Грамота», 2024. https://pan-art-journal.ru/article/pa20240044/fulltext

[3] Рабочая картотека «Художники». Автор Т. И. Абольская, старший научный сотрудник, хранитель 2-го исторического фонда ВИМАИВиВС. Картотека создана в 1959–1973 гг.

[4] Васильев А. А. Деятельность русских трофейных комиссий в период Первой мировой войны 1914–1918 годов (по материалам Российского государственного военно-исторического архива) // Первая мировая война. Пролог XX века / Отв. ред. В. Л. Мальков. М.: «Наука», 1998. С. 657–665.

[5] Музейно-инвентарная карточка предмета.

[6] Опись экспонатов Михайловского фонда №1-19446.

[7] Историческая справка по 23-му пехотному Низовскому полку. https://antologifo.narod.ru/pages/list2/histore/ist23P.htm

[8] Е. Ю. Иванова, О. П. Постернак. Техника реставрации станковой масляной живописи. Государственный научно-исследовательский институт реставрации. М.: Индрик, 2005. С. 67.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамовский Василий Николаевич — Северный морской музей (Архангельск), заведующий отделом.

Белогубцева Надежда Ивановна — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник.

Будко Анатолий Андреевич — Военно-медицинский музей МО РФ (Санкт-Петербург), директор, доктор медицинских наук, профессор.

Волькович Анна Юрьевна — Военно-медицинский музей МО РФ (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник.

Воронцова Татьяна Владимировна — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург), художник-реставратор графики II категории.

Голов Игорь Юрьевич — ФГУП «18 ЦНИИ» МО РФ (Москва), заместитель руководителя предприятия, старший научный сотрудник, доктор технических наук.

Данилевская Варвара Андреевна — Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова (Санкт-Петербург), старший преподаватель.

Ермакова Нина Владимировна — ГОСНИИ реставрации (Москва), ведущий специалист, кандидат исторических наук.

Значко-Яворский Андрей Георгиевич — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург), научный сотрудник.

Кобякова Валерия Ивановна — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, кандидат технических наук.

Конькова Наталья Александровна — ФГУП «18 ЦНИИ» МО РФ (Москва), начальник лаборатории, старший научный сотрудник, кандидат технических наук.

Кротов Игорь Игоревич — Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, руководитель контрольно-правового направления, аспирант.

Кузьмин Владимир Владимирович — ФГУП «18 ЦНИИ» МО РФ (Москва), главный научный сотрудник, кандидат технических наук.

Леонов Андрей Александрович — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник.

Миловидов Валерий Борисович — Центральный музей Вооруженных Сил Российской Федерации (Москва), старший научный сотрудник.

Морозова Валерия Викторовна — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург), младший научный сотрудник.

Оболонская Эдита Владимировна — Горный музей Санкт-Петербургского горного университета императрицы Екатерины II, хранитель музейных предметов I категории.

Петрова Елена Петровна — Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник, ведущий хранитель музейных предметов.

Рудакова Людмила Петровна — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург), научный сотрудник.

Румянцева Варвара Андреевна — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург), художник-реставратор III категории.

Сабуров Леонид Давыдович — Центральный музей Вооруженных Сил Российской Федерации (Москва), главный научный сотрудник, доктор исторических наук.

Семенов Антон Валерьевич — ФГУП «18 ЦНИИ» МО РФ (Москва), начальник отдела, кандидат технических наук.

Соломонов Владимир Петрович — Фонд сохранения исторической памяти «Международный центр Северных конвоев» (Санкт-Петербург), директор.

Стародубцева Валерия Игоревна — Государственный музей политической истории России (Санкт-Петербург), художник-реставратор.

Уварова Анжелика Вадимовна — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург), научный сотрудник.

Успенская Светлана Васильевна — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург), заместитель

директора по учету и хранению, кандидат культурологии, заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Фремке Елизавета Евгеньевна — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург), художник-реставратор II категории.

Шаронова Наталия Николаевна — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург), художник-реставратор II категории.

Эльц Елена Эдуардовна — Санкт-Петербургский государственный университет, доцент, кандидат исторических наук.

Яшкина Анна Анатольевна — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург), художник-реставратор II категории.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

I. Выставки, экспозиции, коллекции

Белогубцева Н. И. Еще раз о группе Рамзая. Фотографии из семейного архива Анны и Макса Кристиансен-Клаузенов в фонде фотодокументов Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи 7

Будко А. А., Волькович А. Ю. Музей памяти жертв нацизма Военно-медицинского музея. Опыт научного проектирования экспозиции 18

Ермакова Н. В. Эвакуация и пополнение музейных коллекций в годы Великой Отечественной войны (по материалам архива Государственного Исторического музея) 22

Кротов И. И. Гражданский знак отличия Decoratrion Civique 1914–1918 в наградной системе Бельгии 35

Леонов А. А. Береты морской пехоты и специальных подразделений военно-морских сил Украины (1991–2025 гг.) 53

Миловидов В. Б. Неизвестный (ранее не публиковавшийся) снимок героев Сталинградского сражения. Опыт идентификации людей по фотографии 72

Морозова В. В. Архитектор Скидальский 78

Оболонская Э. В. Модели артиллерийского вооружения и производственной техники Пермского пушечного завода, хранящиеся в Горном музее Санкт-Петербургского горного университета 99

Петрова Е. П. К вопросу транслирования культурной и исторической памяти на примере организации передвижного выставочного проекта «Блеск стали. Художественное оружие XVIII–XX вв. из собрания Владимиро-Суздальского музея-заповедника» 110

Рудакова Л. П. Из истории бытования трех мечетей, входящих в Дворцовый ансамбль ширваншахов в Бакинской крепости 123

Сабуров Л. Д. Реликвии Великой Победы в коллекции Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации 136

Соломонов В. П., Эльц Е. Э. Данилевская В. А., Абрамовский В. Н. Передвижные выставки как инструмент сохранения исторической памяти о вкладе Союзных (Северных) конвоев 1941–1945 гг. в Победу в Великой Отечественной войне 153

Уварова А. В. Эвакуация детей из блокадного Ленинграда и их дальнейшая судьба по материалам автобиографии А. М. Скворцова 163

II. Исследования, реставрация, превентивная консервация

Голов И. Ю., Семенов А. В., Кузьмин В. В., Конькова Н. А., Успенская С. В. Результаты пилотного проекта по созданию новой технологии защитно-идентификационной маркировки музейных предметов 175

Значко-Яворский А. Г. Опыт работы по повышению уровня сохранности и интерактивности экспозиции открытого хранения вооружения и военной техники (на примере СУ-76) 183

Кобякова В. И. Сбережение фондов в Артиллерийском историческом музее. 1873–1945 гг. 203

Румянцева В. А. Реставрация чертежа «План Сестрорецкого оружейного завода» из научного архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи 236

Стародубцева В. И. Классификация повреждений и опыт практической реставрации денежных знаков периода Гражданской войны из коллекции Государственного музея политической истории России 247

Фремке Е. Е. Атрибуция и реконструкция утраченных элементов изображения на картине «Портрет капитана лейб-гвардии Саперного батальона Энгельгардта 266

Шаронова Н. Н. Опыт реставрации знамени 1-го Амурского казачьего полка 1897 года 276

Яшкина А. А., Воронцова Т. В. Реставрация картины в смешанной технике «Этюд. Полевой караул 23-го пехотного Низовского полка у озера Нароч» из коллекции ВИМАИВиВС 287

Сведения об авторах 302

УДК 351.852.1 + 355.48
ББК 79.1 + 68 + 63
В 65

В 65 **Сохранность культурного наследия: наука и практика.** Материалы секции «Актуальные вопросы современного музейного дела» Двенадцатой Международной научно-практической конференции «Война и оружие. Новые исследования и материалы», Санкт-Петербург, 14–16 мая 2025 г. / Под ред. С. В. Успенской. – Вып. 17 («Война и оружие. Новые исследования и материалы»: в 4 частях. Ч. 4). – СПб.: ВИМАИВиВС, СПбГУПТД, 2025. – 308 с.

Научное издание

Сохранность культурного наследия: наука и практика

Выпуск 17

Редакторы *Н. В. Медведев, Т. Н. Юдина*
Художник *Н. Ю. Якубовская*
Верстка: *Т. И. Таранова*
Корректор *Я. В. Камашина*

Подписано в печать 29.04.2025.
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 14,25.
Бумага офсетная. Гарнитура PeterburgC.
Тираж 130 экз.

ФГБУ «ВИМАИВиВС» МО РФ
197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 7.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
АРТИЛЛЕРИИ, ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК И ВОЙСК СВЯЗИ

Адрес музея: 197046, Санкт-Петербург,
Александровский парк, 7.
Тел./факс: (812)498-09-32, 232-02-96
E-mail: artillerymuseum_dm@mil.ru
www.artillery-museum.ru

9 785793 727686